

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

52 2025
ЧАСТЬ VIII

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 52 (603) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Василий Александрович Сухомлинский* (1918–1970), советский педагог-новатор, детский писатель.

Родился будущий Василий Александрович в селе Василевка (ныне Кировоградская область) в бедной крестьянской семье. Здесь прошли его детство и юность. Отец Василия Александровича — Александр Сухомлинский — до Октябрьской революции работал по найму как плотник и столяр в помещичьих хозяйствах («экономиях»), и сдельно — в крестьянских хозяйствах. Его мать, Оксана Авдеевна, была домашней хозяйкой, выполняла мелкую портняжную работу, трудилась в колхозе. Вместе с Александром Емельяновичем она воспитала, кроме Василия, еще троих детей — Ивана, Сергея и Меланию. Все они стали сельскими учителями.

После окончания школы крестьянской молодежи Василий Александрович поступил в Кременчугский медицинский техникум, а затем перевелся в Полтавский педагогический институт и успешно окончил его в 1938 году. Вернувшись в родные места, он стал преподавать украинский язык и литературу в Онуфриевской средней школе.

В 1941 году Сухомлинский добровольцем ушел на фронт, где, защищая Москву, был тяжело ранен осколками снаряда и лишь чудом остался жив. Василий Александрович провел четыре месяца в госпитале; его руку удалось спасти от ампутации, но извлечь металлические осколки из груди не получилось. А поскольку они были расположены близко к сердцу, то, как предупредили хирурги, любое напряжение могло вызвать их движение и внезапную смерть. После лечения в госпитале на Урале Сухомлинский хотел вернуться на фронт, однако комиссия не могла его признать даже ограниченно годным. В результате его демобилизовали.

В начале 1944 года в ходе Кировоградской наступательной операции Украинская ССР была освобождена от нацистов, и Сухомлинский узнал, что его жену Веру (выпускницу Кременчугского учительского института и преподавателя английского языка, наполовину украинку, наполовину цыганку) и маленького сына замучили в гестапо. Эту утрату он переживал до конца жизни.

С сентября 1942 по март 1944 года Сухомлинский работал директором и учителем литературы в Увинской средней школе Удмуртской АССР. Тогда он и познакомился с педагогом Анной Девятовой, приехавшей с инспекцией. Директор показался Анне «необыкновенно теплым, симпатичным человеком». Между Сухомлинским и Девятовой завязалась переписка. В конце войны Сухомлинский сделал Анне предложение, они поженились и вместе вернулись на Украину. Сухомлинский получил назначение заведующим районным отделом образования Онуфриевского района Кировоградской области,

Анна стала работать учителем в школе. Согласно ее воспоминаниям, жила семья тогда впроголодь. Родились дети — сын Сергей и дочь Ольга.

В 1948 году Сухомлинский стал директором Павлышской средней школы, которой бессменно руководил до конца своей жизни. Дочь Сухомлинского — доктор педагогических наук, профессор Ольга Васильевна Сухомлинская — пошла по стопам отца, работала в Национальной академии педагогических наук Украины.

Василий Александрович является автором сорока монографий и брошюр, более 600 статей, 1200 рассказов и сказок. Научные монографии и статьи он писал на русском языке, художественную прозу — на украинском. Общий тираж его книг на различных языках составил около четырех миллионов экземпляров.

Сухомлинский создал оригинальную педагогическую систему, основанную на принципах гуманизма, на признании личности ребенка высшей ценностью, на которую должны быть ориентированы процессы воспитания и образования, творческая деятельность сплоченного коллектива педагогов-единомышленников и учащихся.

Сухомлинский считал, что процесс обучения нужно организовать как труд, приносящий радость; большое внимание он уделял формированию мировоззрения учащихся; важная роль в обучении отводилась слову учителя, художественному стилю изложения, сочинению вместе с детьми сказок, художественных произведений, чтению книг.

Педагог разработал комплексную эстетическую программу «воспитания красотой». В условиях советской педагогики он разрабатывал гуманистические традиции отечественной и мировой педагогической мысли.

В целостном виде взгляды Сухомлинского представлены в «Этюдах о коммунистическом воспитании» и других произведениях. Сущность этики коммунистического воспитания Сухомлинского заключалась в том, что воспитатель верит в реальность, осуществимость и достижимость коммунистического идеала, измеряет свой труд критерием и меркой идеального.

Его идеи воплощены в практике многих школ. Были созданы Международная ассоциация Сухомлинского и Международное объединение исследователей Сухомлинского, педагогический музей Сухомлинского в Павлышской школе.

Скончался он внезапно на 52-м году жизни 2 сентября 1970 года, в самом начале нового учебного года. На похороны пришли все педагоги и ученики Павлышской средней школы.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА

**Сурыжка Я. А., Щёголева Д. А., Зинченко Л. А.,
Гринько О. В., Абрамова В. А., Кабанкова Е. Ю.,
Панова М. В., Гаджимагомедова Г. Ш.**

К вопросу об особенностях развития
игровой деятельности у детей дошкольного
возраста 477

Шабанова Т. В.

Целевые ориентиры психолого-
педагогического сопровождения
профессионального самоопределения
старшеклассников в школьном образовании... 480

Шадринцева И. А.

Аутентичные материалы как ресурс обучения
грамматике английского языка на этапе
основного общего образования 483

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Головешкин К. В.

Как спорт в раннем возрасте влияет
на физиологию: научные аспекты развития
детского организма 486

Есаулова М. И.

Сравнительный анализ эффективности
гидрореабилитации и традиционной
лечебной физической культуры в коррекции
психомоторных нарушений у детей с детским
церебральным параличом 488

Михалева О. А.

Значение изучения приемов борьбы
в подготовке сотрудников уголовно-
исполнительной системы 490

Филиппов Г. С.

Легкая атлетика как основа здорового
образа жизни 491

СОЦИОЛОГИЯ

Аль-Шахдани С. А. Х., Колеошкина С. В.

Социализация студентов с особыми
потребностями: методы обучения
и управления 494

Блинова С. А.

Роль культурно-просветительских
инициатив в динамике посещаемости музеев
и выставочных пространств Челябинска
(на примере внедрения авторского цикла
просветительских лекций «Art & Science:
от палеолита до NFT»)..... 500

Олесова А. А.

Цифровое неравенство в регионах
России: доступ к образовательным онлайн-
ресурсам..... 502

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Валиева Л. Н.

Проблема изучения диалога культур
в русскоязычной и узбекской литературе 504

Дурдибоева Л. Э.

Лексические особенности заимствований
в тексте новой редакции Конституции
Республики Узбекистан..... 505

Жаровина П. П.

Локализация и перевод деловых
и юридических текстов 507

Жукова Е. О.

К вопросу о понятии «эквивалентность»
в теории перевода..... 509

Жукова Е. О.

Особенности англоязычного юридического
текста как объекта предпереводческого
анализа 512

Исмагилова Р. И.

Предпереводческий анализ русских
культуронимов из романа Г. Ш. Яхиной
«Зулейха открывает глаза» 516

Исмагилова Р. И.

Особенности перевода русских
культуронимов на английский язык
на материале романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха
открывает глаза» 517

Куркина В. А.

Лингвистические особенности перевода
текста технического задания на примере
англо-русской интерпретации..... 519

Мамзина Л. А.

Особенности перевода медицинских
терминов 521

Марченко С. Р.

Особенности перевода романа У. С. Моэма
The moon and sixpence: эквивалентность,
ирония, культурные реалии и переводческие
трансформации 523

Перевалушко В. М.

Семиотический анализ известных
фирменных логотипов 527

Хабарова О. Н.

Влияние знания идиом на уровень владения
английским языком и межкультурную
коммуникацию..... 532

Худайберганаева Д. Я.

Музыкальная терминология как лексико-
семантическая система 534

Ювакаева А. Р.

Особенности терминологии ветеринарной
медицины 536

Янгибоева Г. Д.

Корпусный анализ медицинских терминов
в разговорной речи (на материале устного
корпуса Национального корпуса русского
языка) 538

НАУЧНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Кулаков А. А.

Положение хоккейного клуба «Лада»
и его перспективы на текущий сезон
2025–2026 гг. 541

ПЕДАГОГИКА

К вопросу об особенностях развития игровой деятельности у детей дошкольного возраста

Сурыжка Яна Алексеевна, старший воспитатель;
Щёголева Дарья Алексеевна, старший воспитатель
МАДОУ МО г. Краснодар «Центр — детский сад № 231»

Зинченко Людмила Александровна, воспитатель;
Гринько Ольга Васильевна, воспитатель;
Абрамова Вера Александровна, воспитатель;
Кабанкова Екатерина Юрьевна, воспитатель
МАДОУ МО г. Краснодар «Детский сад «Сказка»

Панова Марина Валерьевна, воспитатель;
Гаджимагомедова Гурухан Шихкеримовна, воспитатель
МАДОУ МО г. Краснодар «Центр — детский сад № 231»

В рамках настоящей статьи авторы проводят теоретический анализ отечественной и зарубежной литературы по вопросу развития игровой деятельности у детей дошкольного возраста, а также ее роли для дальнейшего успешного формирования предпосылок учебной деятельности. Также рассмотрены этапы развития игровой деятельности в дошкольном детстве, их специфические характеристики, учет которых позволит педагогу дошкольного образовательного учреждения более эффективно организовать работу с детьми.

Ключевые слова: *игровая деятельность, дошкольный возраст, сюжетно-ролевая игра, сотрудничество, коммуникативные навыки, учебная деятельность.*

В современной педагогической парадигме, в контексте реализации Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования, игровая деятельность рассматривается как фундаментальный компонент образовательного процесса в дошкольном возрасте.

Актуализация внимания к развитию игровой деятельности обусловлена её онтогенетической значимостью в период дошкольного детства. Согласно фундаментальным положениям возрастной психологии и дошкольной педагогики (Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин, А. П. Усова), игра занимает центральное место в структуре ведущей деятельности ребёнка 3–7 лет, выступая ключевым механизмом социализации и когнитивного развития [2].

Многоаспектность влияния игровой деятельности на развитие личности детей дошкольного возраста подтверждается многочисленными эмпирическими исследованиями. В частности:

— в познавательном аспекте — игра стимулирует формирование произвольного внимания, нагляднообразного и элементов логического мышления, развивает воображение и творческие способности (А. В. Запорожец, Н. Н. Поддьяков и др.) [3];

— в социальном аспекте — игра создаёт естественную среду для освоения социальных ролей, норм и правил взаимодействия, способствует формированию коммуникативных компетенций и эмпатии (М. И. Лисина, Л. С. Славина и др.);

— в физическом развитии игра (особенно подвижные и сюжетно-двигательные формы) содействует совершенствованию координации движений, развитию крупной и мелкой моторики, формированию правильной осанки (Л. С. Волкова, Н. Н. Кожухова и др.);

— в культурном аспекте — игра выполняет функцию трансляции социокультурного опыта, приобщает ребёнка к традициям, нормам и ценностям общества, способствует становлению культурной идентичности (Д. И. Фельдштейн, В. Т. Кудрявцев).

В современной дошкольной педагогике и психологии игра выступает в качестве универсального развивающего инструмента, способного при грамотной педагогической организации обеспечить комплексное формирование ключевых компетенций ребёнка дошкольного возраста. Согласно отечественным научным представлениям, игровая деятельность является катализатором развития

интеллектуальной сферы, личностных качеств и психофизиологических функций, закладывая тем самым фундаментальные предпосылки для последующего успешного обучения в условиях общеобразовательной организации.

Согласно требованиям ФГОС ДО (п. 4.6), игра играет ключевую роль в формировании социально-нормативных возрастных характеристик. В процессе игровой деятельности ребёнок:

- осваивает базовые культурные способы деятельности, соответствующие возрастным ожиданиям общества;
- учится принимать самостоятельные решения — выбирает вид занятий, партнёров для совместной игры, правила взаимодействия;
- развивает навыки социального партнёрства (умение договариваться и находить компромиссы; способность учитывать интересы и чувства других; адекватное выражение собственных эмоций; конструктивное разрешение возникающих конфликтных ситуаций).

В онтогенетическом развитии ребёнка сюжетно-ролевая игра проходит многоэтапную эволюцию, постепенно усложняясь и трансформируясь вплоть до достижения высшей стадии сформированности к завершению дошкольного периода. Данный процесс характеризуется системными качественными изменениями в структуре и содержании игровой деятельности, что подтверждается данными современных психологопедагогических исследований.

Л. П. Баряева в многочисленных исследованиях особо подчёркивает, что трансформация компонентов игровой деятельности носит нелинейный характер и обусловлена:

- развитием произвольности — способностью ребёнка сознательно регулировать своё поведение в рамках взятой роли;
- усложнением символической функции — возможностью замещать реальные предметы и действия игровыми аналогами;
- формированием коммуникативных навыков — умением согласовывать действия с партнёрами по игре;
- расширением социального опыта — включением в игровые сценарии знаний о различных сферах человеческой деятельности.

Согласно концептуальным положениям теории периодизации психического развития (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин), сюжетно-ролевая игра не является изначальной формой деятельности ребёнка — она формируется как результат длительного психологического созревания и накопления социального опыта. Её генезис отражает переход от элементарных форм активности к сложным, опосредствованным видам деятельности [4].

В современной детской психологии и дошкольной педагогике диагностика уровня сформированности игровой деятельности, а именно сюжетно-ролевой игры, осуществляется на основе комплексной системы показателей, отражающих когнитивные, эмоциональные и социально-коммуникативные аспекты. Ключевыми диагностическими параметрами являются:

— содержательная наполненность роли (смысловое ядро роли; глубина проникновения в суть взятой роли; степень детализации ролевого поведения). По данным Д. Б. Эльконина, в старшем дошкольном возрасте содержание ролей существенно усложняется: от имитации отдельных действий («варка супа») дети переходят к воспроизведению системы социальных отношений («мама заботится о ребёнке», «врач лечит пациента»).

— наличие и характер реализации роли (способность ребёнка принять и удерживать роль в течение игрового эпизода; осознанность выбора роли; гибкость в переключении между ролями; соответствие ролевого поведения социальным нормам и правилам).

— логика последовательности игровых действий (структурированность игрового процесса; причинно-следственные связи между действиями; устойчивость к нарушениям последовательности; способность к корректировке сюжета при возникновении непредвиденных обстоятельств).

В рамках своей концепции Е. А. Аркин детально прослеживает эволюцию сюжетно-ролевой игры, демонстрируя, как с возрастом трансформируются её структурные и содержательные характеристики.

Согласно наблюдениям Е. А. Аркина, игра проходит закономерный путь развития от элементарных форм к сложным, что проявляется в следующих тенденциях:

— структурная организация — на начальных этапах преобладают бессюжетные игры, состоящие из разрозненных эпизодов, не связанных единой логикой. По мере взросления ребёнка формируется целостный сюжет с чёткой последовательностью событий, внутренней мотивацией действий и продуманной развязкой;

— содержательная наполненность — в младшем дошкольном возрасте тематика игр ограничивается сферой личного опыта: бытовые ситуации, взаимодействие с близкими, повседневные ритуалы. В старшем дошкольном возрасте дети всё чаще включают в игровые сценарии сюжеты литературных произведений, исторические и общественно-политические события, отражая расширение кругозора и когнитивных возможностей [1].

Е. А. Аркин выделяет пять взаимосвязанных линий развития игровой деятельности, которые отражают её усложнение в онтогенезе:

— количественная динамика группового взаимодействия (переход от индивидуальных или малочисленных игровых объединений (2–3 участника) к масштабным групповым играм с распределением множества ролей);

— устойчивость игровых группировок (эволюция от кратковременных, спонтанных объединений к стабильным игровым коллективам с устойчивыми ролевыми позициями);

— сюжетная организованность (движение от бессюжетных манипуляций с предметами к осмысленным сюжетным играм с чётко очерченной фабулой);

— логическая связность действий (преобразование хаотичных, эпизодических действий в планомерное развёртывание сюжета с причинно-следственными связями);

— расширение тематического диапазона (переход от отражения узколичных переживаний и бытовых ситуаций к воспроизведению событий общественной жизни, культурных и исторических реалий) [1].

Согласно выделенным диагностическим параметрам сюжетно-ролевую игру детей дошкольного возраста можно разделить на четыре уровня.

I уровень — младший дошкольный возраст (3–4 года).

На данном этапе игровая деятельность носит преимущественно репродуктивный характер, базируясь на непосредственном воспроизведении наблюдаемых ребёнком действий взрослых. Игровая деятельность концентрируется вокруг предметных операций с игрушками-заместителями. Типичные примеры — имитация кормления куклы, воспроизведение медицинских манипуляций («уколы», «лечение»), моделирование бытовых процессов (мытьё посуды, уборка) и т. д.

Как отмечает Д. Б. Эльконин, на данной стадии ребёнок осваивает внешнюю сторону действий, фокусируясь на моторных компонентах без глубокого осмысления социальных функций роли. Преобладают жестовые схемы — упрощённые движения, символически обозначающие реальные действия [5].

II уровень — средний дошкольный возраст (4–5 лет).

Данный этап рассматривается как переходный между элементарными формами игрового поведения и зрелой сюжетно-ролевой игрой. В отличие от младших дошкольников, дети 4–5 лет воспроизводят действия с предметами в строгой последовательности, соответствующей реальным жизненным процессам; соблюдают логическую связность операций (например, в игре «повар»: мытьё продуктов — нарезка — приготовление — сервировка); демонстрируют понимание функциональной значимости каждого действия). Как отмечает Е. В. Зворыгина, это свидетельствует о формировании операциональной схемы деятельности — способности выстраивать цепочки действий на основе осмысления их целевого назначения.

Также отмечается осознанное ролевое поведение — вербальная идентификация роли («Я — шофёр», «Я — продавец»); целенаправленное воспроизведение действий, типичных для выбранной роли; гибкость в смене ролей при необходимости развития сюжета. Речь все больше занимает место в реализации роли: многие действия заменяются словесными описаниями («Я сейчас лечу на ракете», «Мы строим мост»); развивается диалогическая речь в рамках ролевого взаимодействия; усложняется речевая аргументация при разрешении конфликтов.

III уровень — старший дошкольный возраст (5–6 лет). На данном этапе происходит постепенное вытеснение предметноманипулятивного компонента и усиление значимости социальноролевого взаимодействия.

Ключевая особенность данного этапа — смена доминанты игрового поведения:

— если на предыдущих стадиях ребёнок фокусировался преимущественно на действиях с предметами

(кормление куклы, имитация приготовления пищи), то теперь его внимание концентрируется на воспроизведении социальных функций и взаимосвязей;

— игровые действия перестают быть самоцелью и превращаются в средство реализации ролевых отношений;

— предметные операции редуцируются или заменяются вербальными обозначениями, уступая место диалогам и взаимодействиям между участниками.

Так же отмечается дифференциация ролевых функций. Дети осознанно выделяют и воспроизводят: иерархические отношения (начальник — подчиненный, врач — медсестра); кооперативные взаимодействия (учитель — ученик, продавец — покупатель); семейные роли с их специфическими обязанностями. Пример: в игре «больница» ребёнок, исполняющий роль врача, не просто имитирует медицинские манипуляции, а организует деятельность «медсестры», отдавая распоряжения: «Сестра, сделайте укол», «Подготовьте инструменты» и т. д.

Ребенок согласует свои действия со взятой на себя ролью. Ролевые действия разнообразны — ребенок может создать цепочку действий, объединенных одним сюжетом; купание, кормление, укладывание ко сну, прогулка и т. д. и не нарушает логическую последовательность действий. Ролевая речь детей достаточно четкая.

IV уровень — подготовительная к школе группа (6–7 лет). На данном этапе сюжетно-ролевая игра достигает высшей степени зрелости в рамках дошкольного периода развития. Согласно периодизации Д. Б. Эльконина, центральным содержанием игры становится моделирование системы межличностных отношений, что отражает качественно новый уровень социализации ребёнка.

Среди ключевых характеристик игрового поведения можно выделить следующие:

— приоритет социальных отношений над предметными действиями (в отличие от предыдущих этапов, где доминировали манипуляции с предметами, в 6–7 лет ребёнок фокусируется на воспроизведении типичных паттернов социального взаимодействия; демонстрации норм и правил межличностного общения; регулировании поведения партнёров по игре через вербальные инструкции);

— соответствие игровых отношений реальным прототипам (игровые взаимодействия: всё более точно отражают действительные социальные нормы; опираются на наблюдаемые в жизни образцы поведения; включают элементы морального регулирования («так нельзя», «это плохо»). Как отмечает А. П. Усова, такая тенденция отражает интериоризацию социальных ценностей — процесс усвоения ребёнком общественных норм через игровую практику;

— устойчивость ролевой позиции (ребёнок демонстрирует чёткое осознание границ своей роли; последовательное воспроизведение действий, соответствующих выбранной роли; соблюдение логики поведения персонажа на протяжении всей игры; способность аргументировать свои действия ссылками на ролевые обязанности);

— гибкость ролевого репертуара (при необходимости ребёнок способен временно принимать дополнительные роли для развития сюжета; координировать несколько ролевых функций в условиях ограниченного числа участников; возвращаться к основной роли после выполнения эпизодических функций).

Таким образом предпосылки сюжетно-ролевой игры развиваются у ребёнка ещё в раннем возрасте, достигая высшего уровня развития всех её компонентов к концу дошкольного периода.

Литература:

1. Аркин Е. А. Ребенок в дошкольные годы / под ред. Запорожца А. В., Давыдова В. В. — М.: Просвещение, 1967. — 235 с.
2. Выготский Л. С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка / Л. С. Выготский // Психология развития. СПб.: Питер, 2001.
3. Запорожец А. В. Основы дошкольной педагогики: учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. зав. / А. В. Запорожец, Т. А. Маркова. — М.: Просвещение, 1980. — 144 с.
4. Усманова М. Н. Роль игровой деятельности в психическом развитии дошкольника // Science and Education. — 2024. — № 2. — С. 628–634.
5. Эльконин Д. Б. Основная единица развернутой формы игровой деятельности. Социальная природа ролевой игры / Д. Б. Эльконин // Мир психологии. — 2004. — № 1 (37). — С. 60–68.

Учитывая важную роль игры в развитии личности ребенка, его социализации в обществе, педагогам дошкольных образовательных учреждений необходимо совершенствовать игровые способности дошкольников. При этом, как нам представляется, наиболее значимое направление воздействия — формирование у детей умений согласования усилий в процессе организации и осуществления сотрудничества в игре и формирование коммуникативных действий, направленных на учет позиции партнера по игре.

Целевые ориентиры психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения старшеклассников в школьном образовании

Шабанова Татьяна Владимировна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

Профессиональное самоопределение старшеклассников занимает особое место в системе современного образования. Каждый год юноши и девушки, завершившие школьное обучение, начинают искать применение своим силам и способностям в жизни, большая часть из них сталкивается с проблемами при выборе профессии. Проблема выбора профессии всегда стоит перед молодыми людьми и сейчас она становится особо актуальной, т. к. происходят большие изменения в нашем обществе.

Теоретические и практические аспекты психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения старшеклассников рассматриваются в трудах многих ученых. Определение профессионального самоопределения было сформулировано Д. А. Леонтьевым, который рассматривает его как сложный динамический процесс формирования личностью системы своих основополагающих отношений к профессионально-трудовой среде, развития и самореализации духовных и физических возможностей, формирования им адекватных профессиональных намерений и планов, реалистичного образа себя как профессионала [5].

Потребность современного общества в человеке как успешной личности, востребованном профессио-

нале, способном самостоятельно принимать профессиональные решения и нести за них ответственность, требует от современного образования создания особых условий для осуществления профессионального самоопределения школьников старших классов. На первый план выводится особый вид деятельности — психолого-педагогическое сопровождение обучающихся, которое предполагает развитие самосознания старшеклассника, его личностное развитие, содействие самоопределению в жизни.

В современных условиях образование рассматривается как процесс, в котором происходят выработка жизненной позиции личности, формирование мировоззрения, ценностные трансформации, определяются профессиональные перспективы личностного развития. Усиление интереса к проблеме профессионального самоопределения личности обусловлено практическим запросом, сформированным в условиях экономических преобразований, происходящих в стране.

Обеспечение целостной системы организации профессионального самоопределения представляет собой задачу государственной важности. Именно от того, насколько будет возможно раскрыть творческий потенциал, решить задачи жизненного и профессионального самоопреде-

ления, будут зависеть показатели достижения профессиональной компетенции граждан нашей страны.

Проблема профессионального самоопределения старшеклассников в образовательном процессе актуализируется в части психологической составляющей сопровождения процесса самоопределения в школе и ее решение вызывает к необходимости организации и обеспечения психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения старшеклассников в образовательном процессе.

Профессиональное самоопределение относится к числу основных социальных потребностей молодежи, так как правильно выбранная профессия — гарантия успешного жизненного пути.

Самоопределение — это самоутверждение, самосовершенствование личности в обществе, в труде и трудовом коллективе [3].

Самоопределение можно считать состоявшимся только в том случае, когда личность, в соответствии с требованиями и условиями общества, предрасположенностями, возможностями, психологическими особенностями, способностями и желаниями готова к самостоятельной, независимой жизни, осознает свои основные цели и задачи жизни, смысл жизни.

Перед личностью всегда возникают проблемы, требующие от неё принятия решения о выборе профессии или ее смене, анализа собственных профессиональных достижений, построения карьеры, решения других профессиональных вопросов. Весь этот комплекс задач, решаемых личностью, объединяют понятием «профессиональное самоопределение».

Профессиональное самоопределение не сводится к одномоментному акту выбора профессии и не заканчивается завершением профессиональной подготовки по выбранной профессии, оно продолжается на протяжении всей жизни человека.

Подчеркнем, что профессиональное самоопределение как психологическое личностное новообразование начинается с формирования профессиональной направленности, характеризующейся не только позитивным отношением к определенной трудовой деятельности, но и активным стремлением трудиться в данной профессиональной области [4]. Важным моментом в этом процессе являются социальные условия взросления ребенка, которые отвечают за появление этого психического новообразования. Самоопределение связано с осознанием себя как личности, с осознанием своей социальной роли и своего социального статуса. Этот процесс сопровождается осмыслением и появлением системы жизненных интересов и ориентиров, в том числе, и профессиональных предпочтений. У ребенка происходит оценивание своего поведения, своих поступков, осознание своей социальной роли, необходимости делать выбор и брать за него ответственность. Осознание обучающимися целей и смысла своей жизни, нравственное и личностное самоопределение следует рассматривать, по мнению Н. Е. Серебровской, как стержневой показатель

ценностно-смысловой составляющей психологической готовности к выбору профессии. Понимание «ценностно-смысловой природы личностного самоопределения связано с наличием интереса к смыслу жизни, активным идущим процессом самоопределения» [6].

Уникальную значимость для формирования профессионального самоопределения имеет старший школьный возраст — период с 14 до 17 лет. Именно в это время, по мнению Д. И. Фельдштейна, происходит переход к самостоятельности, формированию ответственности за свои поступки. Одним словом, происходит становление психической зрелости личности, напрямую связанной с формированием ее самоопределения в отношении будущей профессии и жизненного пути [8]. Следует учесть, что старший школьный возраст характеризуется разнородностью и неоднозначностью жизненных планов и ориентиров. У подростка, как правило, существует множество проблем в отношениях со взрослыми людьми и социальной средой, которые его окружают. Эти проблемы вызваны поиском индивидуальности и своего «Я», стремлением к дистанцированию от взрослых и попыткой избавиться от родительской опеки. Именно чувство взрослости представляет собой характерную особенность данного возрастного периода. В это время у ребенка возникает интерес к миру взрослых, большая любознательность, желание приобрести собственный опыт, социальный и жизненный. Для старшеклассника важен момент поиска, постижения нового в окружающем мире, возможность почувствовать себя в разных ролях, приобрести новый опыт. При этом именно взрослый должен взять на себя организацию такого опыта, создать соответствующие условия и возможности для приобретения новых знаний и расширения кругозора подростка.

Процесс становления личности подростка и развитие его субъектности происходит через формирование системы самоопределения и самосознания. При этом важную роль играют актуальные потребности старшеклассника и его личностные интересы. И взрослый, который находится рядом, может помочь ребенку эффективно выстроить взаимодействие с окружающим миром с учетом его личностных потребностей. Для ребенка в старшем школьном возрасте важна сопричастность с его референтной группой. Таким образом дети старшего школьного возраста осуществляют свои потребности в принятии, внимании к себе и понимании своих интересов и проблем. Подросток познает себя, приобретает уверенность в себе, открывает свои внутренние ресурсы и приобретает новые возможности для собственного взросления через принадлежность к группе сверстников. В этот период подростки активно стремятся к расширению коммуникативной сферы, выстраивают собственное пространство, и в тоже время они хотят обезопасить себя и выстроить свои личные границы в общении с окружающими.

К 14–17 годам происходит формирование потребности в достижениях. В это время подросток видит свои жизненные перспективы и строит прогнозы на будущее. Это во многом определяет личностную готовность в отно-

шении профессиональных направлений и развитие его профессионального самоопределения.

Л. С. Выготский особо выделял личностный выбор как достижение старшего школьного возраста [1]. Он подчеркивал, что именно в процессе такого выбора происходит поиск себя и своего места в обществе, формируется картина профессионального мира, происходит осмысление своего призвания и жизненных предпочтений. Этот очень сложный процесс, для личности ребенка, осуществляется при соблюдении определенных внутренних условий. И эти условия связаны с личностной рефлексией, поиском собственных ресурсов и самоопределением. К своим собственным внутренним ресурсам можно отнести природные задатки личности, тип нервной системы, склонности, динамические особенности, интересы, увлечения, имеющийся запас знаний о мире и о себе.

Главной составляющей в процессе профессионального самоопределения следует считать систему ценностей, которая отражает профессиональные ориентиры человека. Среди них можно выделить престиж и социальную значимость профессии, наличие возможности саморазвития и самосовершенствования, направленность профессионального труда.

Тенденцией сегодняшнего общества является рост числа специалистов финансово-экономической и юридической сферы при стабильном снижении интереса к рабочим профессиям. Одним из факторов развития профессионального самоопределения учеников старших классов является уровень престижа профессии и возможность высоких заработков, карьерного роста. Данные ориентации в процессе профессионального развития, становления и формирования личности испытывают определённые перемены. Многие ценности утрачивают свою функцию, некоторые пропадают совсем, другие впервые возникают на конкретной стадии личностного развития. Как вариант, в начале самостоятельного освоения профессиональной деятельности возникает нацеленность на самоутверждение в труде. Так как личность молодых людей еще окончательно не сформирована и эмоционально нестабильна, она подвержена воздействию социума и общественного мнения. Под воздействием внешних влияний таких как, интернет, СМИ, образовательные учреждения, семья, друзья и т. д., молодые люди нередко делают профессиональный выбор не сами, и в будущем вынуждены кардинально изменять свои профессиональные цели или вносить в них серьезные изменения. Из этого следует, что у молодого поколения важно воспитывать, развивать и совершенствовать информационную грамотность и способность перерабатывать получаемую информацию в соответствии с личностной системой ценностей и интересов.

Проблема профессионального самоопределения актуализируется в возрасте 14–17 лет, когда ведущей старшекласников становится учебно-профессиональная деятельность. Её решение осложняется отсутствием жизненного и социального опыта, зачастую, несоответствием полученной специальности индивидуально-психологи-

ческим характеристикам личности, задаткам и способностям. Проблема обусловлена тем, что в большинстве случаев профессиональное самоопределение учеников старших классов носит достаточно формальный характер в рамках учебного процесса в школе, не учитывает индивидуальные личностные и психологические ресурсы и возможности каждого ребенка, его способности, интересы и запросы. Нерешенность данной проблемы является источником социальной нестабильности и личностной дезадаптации.

Сложившаяся ситуация в целом требует поиска путей оптимизации процесса и способов профессионального самоопределения учеников старших классов и создания условий для обеспечения психологической помощи и поддержки детям в процессе обучения в школе. Одним из реальных подходов к решению этих задач, на наш взгляд, может быть организация психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения обучающихся, под которым мы понимаем целенаправленную систему деятельности, ориентированную на профессиональное и личностное становление подростков в период школьного обучения, раскрытие их потенциальных возможностей, индивидуальности и оказания помощи в преодолении трудностей на этом пути [2; 7].

Потребность современного общества в человеке как успешной личности, востребованном специалисте, способном самостоятельно принимать профессиональные решения и нести за них ответственность, требует от образования создания особых условий для осуществления профессионального самоопределения старшеклассников.

Государство, сами старшеклассники и их родители несут моральные и материальные потери из-за неудачного выбора профессии, отсутствия намерений трудоустроиться по выбранной специальности.

Многообразие различных подходов в профессиональном самоопределении вызвано сложностью и важностью данного вопроса. Важным условием эффективности психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения старшеклассников в образовательном процессе является соблюдение принципов его регулярности, непрерывности и последовательности (поэтапного проведения работы).

На профессиональное самоопределение влияет множество факторов: семья, бытовое общение, окружение, средства массовой информации, специально организованные профессиональные ориентации (профорientации), психолого-педагогическое сопровождение в общеобразовательных учреждениях.

Выбор своей будущей деятельности, в значительной степени определяется психологической готовностью старшеклассника к выбору профессии, а формирование такой готовности как раз и является одной из главных задач психолого-педагогического сопровождения.

Профессиональное самоопределение старшеклассников в образовательном процессе будет эффективным если разработать и реализовать программу психолого-пе-

дагогического сопровождения профессионального самоопределения обучающихся, включающую всех участников образовательного процесса и позволяющую обеспечить следующие психолого-педагогические условия:

— профессиональное самоопределение обучающихся определяется как одна из основных целей образовательного процесса школы;

— методы профессионального самоопределения обучающихся интегрированы в образовательный процесс школы;

— в рамках психолого-педагогического сопровождения проводится работа по повышению компетентности старшеклассников в профессиональном самоопределении;

— педагогическое просвещение родителей включает вопросы их участия в профессиональном самоопределении подростков и старшеклассников.

Проектирование и реализация этих условий в образовательном процессе может выступать, по нашему мнению, целевыми ориентирами психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения обучающихся.

Верный выбор профессии позволит полностью реализовать свой потенциал, избежать разочарования в будущем. Вхождение в профессию кардинально меняет социальную ситуацию развития личности, влияет на формирование способностей, мотивационно-потребностной сферы и интересов.

Литература:

1. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. / С. Л. Выготский — Т.4. — Москва: Педагогика, 1984. — 433 с. — Текст: непосредственный.
2. Гуцу, Е. Г. Психодиагностика в системе работы по профессиональному самоопределению студентов, будущих педагогов / Е. Г. Гуцу, Е. В. Кочетова, М. Д. Няголова — 2016. — Текст: непосредственный.
3. Зеер, Э. Ф. Психология профессионального самоопределения в ранней юности: учебное пособие / Э. Ф. Зеер, О. А. Рудей — Воронеж: Издательский центр «МОДЭК», 2018. — 256 с. — Текст: непосредственный.
4. Климов, Е. А. Психология профессионального самоопределения: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Е. А. Климов — Москва: Издательский центр «Академия», 2005. — 304 с. — Текст: непосредственный.
5. Леонтьев, Д.А., Шелобанова Е. В. Профессиональное самоопределение как построение образов будущего // Вопросы психологии. 2001. — № 1.
6. Серебровская, Н. Е. Психологическая готовность к выбору профессии в раннем юношестве: теоретический и практический аспект / Н. Е. Серебровская, А. А. Лукомец — Текст: непосредственный // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. — 2017. — Т. 23, № 5.
7. Серебровская, Н. Е. Становление субъектности школьников на пути их профессионального самоопределения: коллаборация школы и вуза / Н. Е. Серебровская, И. С. Кочергина — Текст: непосредственный // — 2021.
8. Фельдштейн, Д. И. Психология становления личности / Д. И. Фельдштейн. — Москва: Издательский центр «Международная педагогическая академия», 1994. — 190 с. — Текст: непосредственный.

Аутентичные материалы как ресурс обучения грамматике английского языка на этапе основного общего образования

Шадринцева Ирина Александровна, преподаватель
Кемеровское президентское кадетское училище (г. Кемерово)

Статья посвящена рассмотрению актуальной проблемы обучения грамматике английского языка на этапе основного общего образования, при этом в качестве ресурса повышения эффективности организации данного процесса предлагается использовать аутентичные материалы. В статье уточняется понятийное поле: приводится определение аутентичности, рассматриваются ее виды, делается акцент на важности обеспечения аутентичности не только самих материалов, но и создания аутентичности учебного процесса; дается определение обучения грамматике английского языка. Также статья описывает условия, при которых применение аутентичных материалов с обозначенной целью обладает высокой потенциальной эффективностью. В статье представлен алгоритм организации педагогической работы при использовании аутентичных материалов в обучении грамматике английского языка на этапе основного общего образования.

Ключевые слова: аутентичные материалы, обучение грамматике, английский язык.

На современном этапе развития образования необходим поиск новых приемов, методов и стратегий

обучения грамматике, что обусловлено доминирующими подходами — коммуникативным и лингво-куль-

турологическим. Богатым потенциалом в этой области обладают аутентичные материалы, в которых отражены и специфические речевые обороты, и непосредственно особенности культуры носителей английского языка. Однако, теоретическая и методическая база их использования в контексте конкретно обучения грамматике английского языка на этапе основного общего образования недостаточно проработана. Иными словами, имеет место антиномия между необходимостью организации эффективного и интересного обучения грамматике британского языка и недостаточной изученностью тактик и стратегий работы с неадаптированными аутентичными материалами, критериев их отбора для обучающихся на указанном рубеже обучения. Указанное противоречие обуславливает актуальность рассматриваемой проблемы.

В первую очередь, необходимо уточнить понятийное поле. Ключевыми представлениями в рамках данной статьи являются аутентичные материалы и изучение грамматики. Итак, А. Д. Стрельцовой были изучены особенности интерпретации представления аутентичных материалов отечественными и зарубежными лингвистами. Ученым указывается, что «под аутентичными материалами подразумевают материалы, созданные носителями языка и применяемые в учебном процессе, который ориентирован на коммуникативный подход в обучении иностранному языку» [4]. В соответствии с осознанием аутентичности материалов, описываемых в исследованиях Л. Е. Смирновой, необходимо отметить, что обязательным условием их применения в обучении иностранному языку считается цель их создания для самих носителей языка, а не для обучающихся [3].

Опираясь на исследования Уиддоусона, разделявшего понятия подлинности и аутентичности, и предписывавшего, что аутентичными должны быть не материалы [7], а учебный процесс, и работы Л. Лиера [5], дифференцировавшего различные виды аутентичности, можно выделить следующие условия организации аутентичного учебного процесса:

1) действительность используемых материалов, при этом в данном контексте они не обязательно обязаны быть созданы для носителей языка, но и могут быть разработаны умышленно для изучения на уроке, при этом они должны быть информационно и пылко насыщенными, а также содержать элементы естественного языка;

2) прагматичная действительность, органично сочетающая в себе аутентичность контекста и аутентичность взаимодействия, что на практике выражается в том, что педагог стремится соблюдать баланс внимания между содержательной и грамматической стороной высказываний обучающихся, соответствием применяемых ими языковых средств коммуникативной ситуации;

3) личностная аутентичность, предполагающая осознанную включенность обучающихся в коммуникативные процессы на уроке, конкретное целеполагание, ответственность содержания высказывания его цели и личную

органично детерминированную ответственность за его корректировку.

На основании исследований О. Н. Ильиной и Е. А. Даниловой разрешено выделить следующее определение понятия «грамматика»: «обучение грамматике британского языка — это процесс постепенного и поэтапного овладения грамматическими операциями и поступками в речи, в ходе которого происходит формирование грамматических умений у обучающихся для правильного оформления ими высказываний, распознавания грамматических форм в ежедневной жизни, деловой и художественной литературе» [1].

В рамках данной статьи предлагается общий из вариантов актуализации ресурса аутентичных материалов при обучении грамматике. В группу аутентичных материалов могут быть включены все виды речевых материалов, разработанных носителями языка для носителей языка. В качестве ключевых методов используются словесный, наглядный и проблемный методы.

Построение урока должно учитывать интересы, отличительные черты и возможности обучающихся. Одним из способов актуализации ресурса аутентичных материалов в обучении грамматике британского языка может стать интеграция в их структуру цифровых аутентичных материалов и активное использование цифровых технологий в учебном процессе. Большинство ученых, исследовавших проблему работы с аутентичными материалами, акцентируется внимание на аутентичности учебного процесса, а не самих материалов. Это могут быть обезличенные, не имеющие конфиденциальной информации аудиосообщения из мессенджеров, посты в социальных сетях, короткие видеоролики и т. д.

На подготовительном этапе в начале учебного года можно организовать анкетирование обучающихся сравнительно их интересов, увлечений, способностей, которое можно провести с применением цифровых технологий сбора данных (Яндекс-формы). Сама анкета может быть представлена обучающимся либо в формате ссылки, либо в формате QR-кода. Функционал Яндекс-форм предполагает первичную аналитику результатов, на основе которых может быть составлен своеобразный чарт тем, форм и содержаний аутентичных материалов, которые были бы увлекательны самим обучающимся.

Необходимо сформировать у обучающихся отчетливое понятие аутентичного материала и критериев его отбора для использования в учебном процессе (информационная и чувственная насыщенность, создание носителями языка для носителей языка, тождественность, возрастная доступность восприятия, соответствие нормам законодательства, этики и морали).

После этого обучающихся необходимо ознакомить с их новой ролью — помощников педагога по отбору аутентичных материалов. Раздать список лексических тем (наименований юнитов), которые будут изучены в рамках учебного года, и предложить варианты аутентичного материала, который они могут выбрать. Необходимо обес-

печить максимальное разнообразие заданий на формирование грамматических умений с использованием аутентичного материала.

Для темы «Проблемы школьников» можно предложить следующее задание: Прочитайте статью «22 Fresh Social Media Post Ideas for 2024», принимая во внимание представленные в ней рекомендации, напишите пост для социальной сети на тему «Подростки и их трудности: ты не один!». Какие речевые обороты Вы чаще всего приняли на вооружение, чтобы привлечь аудиторию? Глаголы в каком времени чаще фигурировали в Вашем посте и почему? Какие выражения, средства языка и обращения Вы использовали, чтобы привлечь аудиторию? [6].

Для темы про коммуникацию и межличностные взаимоотношения можно предложить следующее задание. Вам предлагаются две аудиозаписи заставки кулинарной программы, одна из них создана носителем языка, а вторая — нет. Найдите подлинную аудиозапись. Какие грамматические признаки помогли Вам ее определить? [2].

Для темы про кино и сериалы можно предложить следующий вариант задания. Разделитесь на две команды. Используя тематические видеохостинги, посмотрите одну серию сериала в оригинале. Распределите между собой роли, которые Вы будете анализировать, проанализируйте Вашего персонажа, выберите его любимые выражения и речевые обороты, охарактеризуйте грамма-

тическое содержание его реплик. Укажите, как характер персонажа находит отражение в грамматическом оформлении его речи.

По аналогии возможно выстроить упражнения и для других тем.

Таким образом, аутентичный материал является многогранным и неисчерпаемым ресурсом для применения в контексте изучения грамматики английского языка на рубеже основного общего образования. Однако, важно помнить, что не каждый его образец пригоден для использования в учебном процессе, необходимо осуществлять его качественный отбор.

Кроме того, особое внимание необходимо уделять соблюдению условий работы с ним, сосредотачиваться на аутентичности учебного процесса, а не исключительно самого материала, что будет способствовать развитию грамматических умений воспитанников.

Обучение грамматике является важнейшей задачей преподавания английского языка. Использование аутентичных материалов, отбираемых в соответствии со способностями, интересами и пристрастиями обучающихся, в совокупности с использованием цифровых технологий может нивелировать обозначенные проблемы и способствовать повышению внутренней детерминированной мотивации обучающихся к изучению британского языка в целом и его грамматики в частности.

Литература:

1. Ильина О. Н., Данилова Е. А. Обучение грамматике в контексте на уроках британского языка // Динамика гуманитарных и социально-экономических наук в условиях цифровой формат трансформации: сборник научных трудов по материалам Международной учено-практической конференции 30 ноября 2023г. Белгород: ООО Агентство перспективных научных изысканий (АПНИ), 2023. С. 12–14. URL.: <https://apni.ru/article/7509-obuchenie-grammatike-v-kontekste-na-urokakh>
2. Масловская Д. Аутентичные VS неаутентичные материалы // Образовательный Веб-портал «Anglofeel.ru»: [сайт] [2016]. URL.: <https://anglofeel.ru/blog/autentichnye-vs-neautentichnye-materialy>
3. Смирнова Л. Е. Методическая подлинность в обучении иностранному языку / Л. Е. Смирнова // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2016. № 11. 134 с.
4. Стрельцова А. Д. Понятие «Аутентичные материалы» в работах российских и зарубежных лингвистов // Форум молодых ученых. 2019. № 5 (33). С.1198–1220.
5. Lier L. V. The Classroom and the Language Learner. N.Y: Longman. 1988. 262 p.
6. Martin M. 22 Fresh Social Media Post Ideas for 2024 // Блог «Hootsuite»: [веб-сайт]. [2024]. URL.: <https://blog.hootsuite.com/content-idea-cheat-sheet/>
7. Widdowson H. G. Aspects of Language Teaching. Oxford: Oxford University Press, 1990. 213 p.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Как спорт в раннем возрасте влияет на физиологию: научные аспекты развития детского организма

Головешкин Константин Васильевич, студент

Научный руководитель: Пахомов Валерий Валерьевич, преподаватель
Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (Кемеровская область)

В статье рассматривается влияние физических нагрузок в детском и подростковом возрасте на ключевые физиологические системы организма. На основе современных научных данных анализируются позитивные и потенциально негативные эффекты ранней спортивной деятельности, поскольку особое внимание уделено возрастным особенностям адаптации, критериям безопасного тренировочного процесса и долгосрочным последствиям для здоровья. Как человек, глубоко убеждённый в ценности научного подхода к детскому спорту, я полностью разделяю позицию о необходимости взвешенного, доказательного регулирования нагрузок — только так можно раскрыть потенциал ребёнка без ущерба для него самого.

Введение

Вопрос о необходимости спортивных нагрузок в раннем возрасте не перестаёт вызывать дискуссии. С одной стороны, физическая активность — это краеугольный камень гармоничного развития ребёнка [7]. Она закладывает основы крепкого здоровья, формирует двигательные навыки, воспитывает дисциплину. С другой — мой профессиональный опыт и анализ исследований убеждают: чрезмерная специализация в детстве ведёт к серьёзным рискам. Дисбаланс в формировании опорно-двигательного аппарата, перегрузка функциональных систем, психологическое выгорание — вот лишь часть потенциальных последствий непродуманного подхода [8].

Физиологические изменения в системах организма

Когда ребёнок регулярно занимается спортом, его организм переживает целую серию адаптационных изменений — и важно понимать, как эти процессы протекают в разных системах.

Возьмём, к примеру, опорно-двигательный аппарат. Здесь мы наблюдаем явно позитивные сдвиги: усиливается минерализация костной ткани, причём самый активный прирост минеральной плотности приходится на возраст 6–12 лет [6]. Развиваются связки и сухожилия, формируется мышечный корсет — всё это служит надёжной профилактикой сколиоза [4]. Однако практика показывает: эти блага легко обратить во вред, если пренебречь возрастными особенностями. Ранняя специали-

зация в гимнастике или фигурном катании нередко приводит к асимметричному развитию мышц, травмам зон роста и хроническим перегрузкам суставов [10]. Поэтому цена медали не должна быть здоровьем ребёнка.

Сердечно-сосудистая система реагирует на нагрузки комплексом адаптационных механизмов. Физиологическая гипертрофия миокарда, увеличение ударного объёма крови, снижение частоты сердечных сокращений в покое (так называемая брадикардия тренированности) — всё это признаки здоровой адаптации [5]. Но и здесь есть подводные камни. Перегрузка миокарда при неадекватных нагрузках, риск аритмий у детей с врождёнными аномалиями проводящей системы — эти опасности нельзя игнорировать [4]. Мой взгляд: тренер и врач должны работать в тандеме, чтобы вовремя заметить тревожные сигналы.

Дыхательная система тоже претерпевает позитивные изменения: растёт жизненная ёмкость лёгких, улучшается координация дыхания и движений, повышается эффективность газообмена [1]. Тем не менее нельзя закрывать глаза на ограничения, связанные с возрастом. У детей до 7–8 лет вентиляция лёгких менее эффективна из-за анатомических особенностей, а тренировки на холоде могут спровоцировать бронхоспазмы [9]. Я настаиваю: программа занятий должна учитывать не только спортивные задачи, но и физиологию конкретного возраста.

Влияние на нервную систему и психомоторику, особенно ценно. Ускорение формирования двигательных навыков, развитие координации и проприоцепции, стимуляция нейропластичности — всё это даёт ребёнку

инструменты для жизни [3]. Но чрезмерное давление, погоня за результатом способны обернуться переутомлением и стрессом, следовательно, соревновательная деятельность должна быть дозированной, а её цель — не рекорд, а развитие личности.

Критерии безопасного спортивного развития

Чтобы спорт приносил пользу нужно — соответствие нагрузок возрасту. Рекомендации ВОЗ о 60 минутах умеренной и высокой активности ежедневно для детей 5–17 лет [9] — это научно обоснованный минимум.

Разнообразие активности — ещё один ключевой принцип. Чередование циклических, силовых и координационных упражнений не даёт организму «застрять» в одной модели адаптации [2].

Контроль биомаркеров переутомления — не формальность, а жизненная необходимость. Частота сердечных сокращений в покое и после нагрузки, уровень кортизола, качество сна и аппетит — эти показатели должны быть на постоянном мониторинге [6]. Из врачебной практики: многие проблемы можно предотвратить, если вовремя заметить тревожные знаки.

Регулярные медицинские осмотры — не бюрократическая процедура, а залог безопасности. Оценка опорно-двигательного аппарата, ЭКГ, эхокардиография, а при высоких нагрузках — гормональный профиль [4] — всё это должно быть нормой, а не исключением. Я настаиваю: без

медицинского сопровождения спорт для ребёнка — это рулетка.

Долгосрочные последствия

Результаты детских спортивных занятий проявляются годами позже — и здесь важно видеть обе стороны медали.

Позитивные эффекты неоспоримы. Снижение риска ожирения и метаболического синдрома, укрепление костной ткани (профилактика остеопороза в зрелом возрасте), формирование устойчивых двигательных стереотипов — всё это долгосрочные инвестиции в здоровье [7].

Но есть и обратная сторона. Хронические травмы суставов и позвоночника, задержка полового развития при экстремальных нагрузках, психологическое выгорание — эти последствия наблюдались не раз [8]. Они возникают не из-за спорта как такового, а из-за нарушения принципов безопасности. Вывод: цена победы не может быть выше цены здоровья.

Заключение

Спорт в раннем возрасте может стать мощным инструментом развития — или источником необратимых проблем. Всё зависит от того, насколько мы готовы следовать принципам безопасности, индивидуализации и долгосрочного планирования.

Литература:

1. Абрамова Т. Ф., Никитина Т. М. Физиологические основы спортивной тренировки детей школьного возраста // Теория и практика физической культуры. 2020. № 5. С. 45–49.
2. Баранов А. А., Кучма В. Р. Гигиена детей и подростков при занятиях спортом. М.: ГЭОТАРМедиа, 2019. 320 с.
3. Волков Л. В., Несен Э. Н. Физиология детского спорта. Киев: Олимпийская литература, 2021. 400 с.
4. Дубровский В. И. Спортивная медицина: учебник для студентов вузов. М.: ВладосПресс, 2 Newton. 512 с.
5. Коц Я. М. Физиология спорта. М.: Физкультура и спорт, 2022. 288 с.
6. Сонькин В. Д. Развитие мышечной энергетики в онтогенезе // Физиология человека. 2023. Т. 49, № 2. С. 88–97.
7. Armstrong N., Welsman J. R. The Physical Activity Guidelines for Children and Adolescents // British Journal of Sports Medicine. 2022. Vol. 56, No. 12. P. 678–685.
8. Malina R. M. Early Sport Specialization: Roots, Effectiveness, Risks // Clinical Journal of Sport Medicine. 2021. Vol. 31, No. 4. P. 317–324.
9. World Health Organization. Guidelines on Physical Activity, Sedentary Behaviour and Sleep for Children under 5 Years of Age. Geneva: WHO, 2020. 48 p.
10. Faigenbaum A. D., Myer G. D. Pediatric Resistance Training: Maximizing Potential in Children and Young Adults // ACSM's Health & Fitness Journal. 2023. Vol. 27, No. 3. P. 12–19.

Сравнительный анализ эффективности гидрореабилитации и традиционной лечебной физической культуры в коррекции психомоторных нарушений у детей с детским церебральным параличом

Есаулова Мария Игоревна, студент

Научный руководитель: Пагиев Владимир Бутузович, кандидат педагогических наук, доцент

Филиал Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки

В статье рассматриваются два ведущих метода физической реабилитации детей с детским церебральным параличом (ДЦП) — гидрореабилитация и традиционная лечебная физическая культура (ЛФК). Проведен сравнительный анализ влияния данных методов на двигательную сферу, психоэмоциональное состояние и проприоцептивную чувствительность. Автором обосновывается необходимость интеграции обоих подходов для достижения максимального терапевтического эффекта в коррекции психомоторного развития.

Ключевые слова: детский церебральный паралич, ДЦП, гидрореабилитация, лечебная физкультура, психомоторное развитие, адаптивная физическая культура, реабилитация.

Comparative analysis of the effectiveness of hydrorehabilitation and traditional therapeutic physical training in the correction of psychomotor disorders in children with infantile cerebral palsy

Yesaulova Mariya Igorevna, student

Scientific advisor: Pagiyeu Vladimir Butuzovich, candidate of pedagogical sciences, associate professor

Branch of the Stavropol State Pedagogical Institute in Yessentuki

The article discusses two leading methods of physical rehabilitation for children with cerebral palsy (CP): hydro-rehabilitation and traditional therapeutic physical training (TFT). A comparative analysis of the effects of these methods on motor skills, psychoemotional state, and proprioceptive sensitivity is conducted. The author argues for the need to integrate both approaches to achieve maximum therapeutic effect in correcting psychomotor development.

Keywords: cerebral palsy, hydro-rehabilitation, therapeutic physical training, psychomotor development, adaptive physical culture, and rehabilitation.

Актуальность темы исследования обусловлена неуклонным ростом числа детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, среди которых детские церебральные параличи (ДЦП) занимают ведущее место. ДЦП представляет собой группу стабильных нарушений развития моторики и поддержания позы, ведущих к ограничению функциональной активности, которые вызваны не прогрессирующим повреждением мозга плода или ребенка.

Психомоторное развитие ребенка с ДЦП характеризуется не только двигательным дефицитом, но и вторичными нарушениями: задержкой психического развития, дефектами сенсорного восприятия и трудностями социальной адаптации. В связи с этим поиск наиболее эффективных методов коррекции остается приоритетной задачей адаптивной физической культуры (АФК).

Психомоторика является объективизацией всех форм психического отражения через мышечные движения. У детей с ДЦП патологический мышечный тонус (спастичность, ригидность) и наличие патологических тонических рефлексов блокируют формирование нормальных двигательных навыков, что, в свою очередь, тормозит развитие когнитивных функций.

Традиционно реабилитация строится на принципах онтогенетической последовательности, когда упражнения направлены на подавление патологических синергий и стимуляцию установочных рефлексов. Основными инструментами здесь выступают «сухая» гимнастика (залы ЛФК) и гидрореабилитация (бассейн).

Лечебная физическая культура в условиях зала является классическим методом реабилитации. Её эффективность базируется на следующих механизмах:

Гравитационная нагрузка: Работа в условиях земного притяжения способствует формированию навыка вертикализации и укреплению костной ткани.

Вестибулярная тренировка: Использование фитболов, балансировочных платформ и брусьев позволяет целенаправленно тренировать аппарат равновесия.

Точечное воздействие: Возможность фиксации отдельных сегментов тела для изолированной проработки конкретных мышечных групп.

Однако «сухая» гимнастика имеет ряд ограничений при тяжелых формах ДЦП. Высокий болевой порог при растяжках (стретчинге) и страх падения часто провоцируют усиление спастичности, что снижает продуктивность занятия.

Гидрореабилитация (акватерапия) использует уникальные физические свойства водной среды:

Закон Архимеда (выталкивающая сила): В воде вес тела пациента уменьшается на 80–90 %, что позволяет выполнять движения, невозможные на суше. Это снижает осевую нагрузку на позвоночник и суставы.

Гидростатическое давление: Оказывает мягкое компрессионное воздействие на сосуды и ткани, улучшая лимфодренаж и стимулируя дыхательную систему.

Термическое воздействие: Теплая вода (32–34°C) способствует снижению мышечного тонуса и релаксации, что критически важно при спастических формах ДЦП.

Вязкость среды: Создает плавное сопротивление, позволяя укреплять мышцы без риска резких движений и травм.

Для оценки эффективности методов целесообразно рассмотреть их влияние на различные компоненты психомоторного развития.

Таблица 1. Сравнительная характеристика влияния сред на реабилитационный потенциал

Критерий сравнения	Традиционная гимнастика (ЛФК)	Гидрореабилитация
Снижение спастичности	Умеренное, через рефлекс-запрещающие позы	Высокое, за счет термического и иммерсионного эффекта
Формирование вертикализации	Высокое (прямая работа с гравитацией)	Среднее (искаженное восприятие веса тела)
Развитие координации	Требует высокого уровня волевого контроля	Облегчается за счет замедления темпа движений в воде
Психоэмоциональный фон	Часто сопровождается стрессом и утомлением	Высокий уровень мотивации, игровой компонент
Проприоцепция	Опора на твердую поверхность	Всестороннее давление воды (сенсорное насыщение)

Исследования показывают, что гидрореабилитация более эффективна на этапе начального формирования двигательных актов. Снижение мышечного тонуса в воде позволяет ребенку «почувствовать» объем движений в суставах. В то же время, «сухая» гимнастика незаменима для закрепления навыка ходьбы и развития силы мышц-антагонистов, необходимых для реальной жизнедеятельности в гравитационном поле.

Психоэмоциональный и когнитивный аспекты

Одним из ключевых преимуществ водной среды является коррекция психоэмоциональной сферы. У детей с ДЦП часто наблюдается «кинезиофобия» (страх движения). Вода, обеспечивая безопасность и поддержку, снимает этот барьер. Успешное выполнение упражнений в воде формирует ситуацию успеха, что положительно сказывается на самооценке и когнитивной готовности к обучению.

«Сухая» гимнастика требует от ребенка большей дисциплины и концентрации внимания, что способствует развитию волевых качеств, необходимых для интеграции в образовательную среду.

Сравнительный анализ позволяет сделать вывод, что методы не являются взаимоисключающими.

Гидрореабилитация выступает как «подготовительная база»: она снимает патологическое напряжение, расширяет диапазон движений и создает положительный эмоциональный настрой.

«Сухая» гимнастика является этапом «функционального закрепления»: она переводит навыки, полученные в воде, в практически значимые действия (удержание равновесия на твердой опоре, манипуляции с предметами).

Научная новизна интегративного подхода заключается в том, что чередование занятий позволяет избежать адаптации организма к однотипным нагрузкам и задействует максимальное количество сенсорных систем (вестибулярную, тактильную, зрительную).

Подводя итог проведенному сравнительному анализу, можно утверждать, что гидрореабилитация превосходит «сухую» гимнастику в вопросах снижения мышечного тонуса и сенсорной интеграции, однако уступает ей в формировании навыков реальной вертикализации.

Для эффективной коррекции психомоторного развития детей с ДЦП необходимо сочетание обоих методов. Оптимальный реабилитационный маршрут должен включать:

Подготовительный этап в водной среде для релаксации и расширения паттернов движения.

Основной этап в зале АФК для отработки антигравитационных навыков.

Такой комплексный подход позволяет не только улучшить двигательный статус ребенка, но и гармонизировать его психическое развитие, что является конечной целью адаптивной физической культуры.

Литература:

1. Архипова Е. Ф. Логопедическая работа с детьми с детским церебральным параличом. — М.: Просвещение, 2011.

2. Гросс Н. А. Физическая реабилитация детей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата. — М.: Советский спорт, 2017.
3. Евсеев С. П. Адаптивная физическая культура: учебное пособие. — М.: Советский спорт, 2020.
4. Потапчук А. А. Адаптивная физическая культура при детском церебральном параличе. — СПб.: Речь, 2018.
5. Шапкова Л. В. Частные методики адаптивной физической культуры. — М.: Советский спорт, 2019.

Значение изучения приемов борьбы в подготовке сотрудников уголовно-исполнительной системы

Михалева Ольга Александровна, студент

Научный руководитель: Пахомов Валерий Валерьевич, преподаватель
Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (Кемеровская область)

В статье рассматривается значимость изучения приемов борьбы в системе подготовки сотрудников учреждений исполнения наказаний (УИС). Анализируется влияние борьбы на физическую подготовку, психологическую устойчивость и формирование профессиональных компетенций сотрудников. Особое внимание уделяется обзору научных публикаций, посвященных данной проблематике, и обосновывается необходимость совершенствования программ физической подготовки сотрудников УИС.

Ключевые слова: борьба, уголовно-исполнительная система, подготовка сотрудников, физическая подготовка, психологическая устойчивость, профессиональные компетенции, силовое противодействие.

Введение

Деятельность сотрудников УИС связана с обеспечением правопорядка и законности в условиях ограниченной свободы, что предполагает высокий риск возникновения конфликтных ситуаций. Эффективное решение служебных задач, связанных с пресечением правонарушений, задержанием нарушителей режима, предотвращением побегов, требует от сотрудников не только глубоких знаний законодательства и нормативных актов, но и высокого уровня физической подготовленности, владения приемами самозащиты и силового задержания. Изучение приемов борьбы является одним из ключевых элементов профессиональной подготовки сотрудников УИС, обеспечивающим их готовность к действиям в условиях силового противодействия.

Физиологические и биомеханические аспекты борьбы в подготовке сотрудников УИС

Изучение борьбы оказывает комплексное воздействие на организм сотрудников УИС. Тренировки по борьбе способствуют развитию силы, выносливости, ловкости, координации движений, быстроты реакции и гибкости. [1] Например, систематические занятия борьбой приводят к увеличению мышечной массы, повышению функциональных возможностей сердечно-сосудистой и дыхательной систем, улучшению нервно-мышечной координации. В биомеханическом аспекте, борьба формирует навыки правильного выполнения силовых приемов,

минимизируя риск получения травм как для сотрудника, так и для задерживаемого лица. Исследования показывают, что грамотное применение приемов борьбы позволяет эффективно контролировать ситуацию и пресекать противоправные действия с минимальным применением силы. [2]

Психологические аспекты обучения борьбе сотрудников УИС

Помимо физической подготовки, изучение борьбы оказывает значительное влияние на психологическую устойчивость сотрудников УИС. Приобретение навыков самозащиты повышает уверенность сотрудников в своих силах, снижает уровень тревожности и страха перед возможными нападениями. [3] В условиях служебной деятельности, сопряженной с высоким уровнем стресса и эмоционального напряжения, владение приемами борьбы позволяет сотрудникам оставаться хладнокровными и принимать взвешенные решения в экстремальных ситуациях. Тренировки по борьбе способствуют развитию самоконтроля, дисциплины, умения концентрироваться и быстро адаптироваться к изменяющимся условиям.

Профессиональная компетентность сотрудников УИС, владеющих приемами борьбы

Владение приемами борьбы является важным элементом профессиональной компетентности сотруд-

ников УИС, позволяющим им эффективно выполнять служебные обязанности в соответствии с требованиями законодательства и нормативных актов. Знание и грамотное применение приемов борьбы позволяет сотрудникам:

- Пресекать противоправные действия и задерживать нарушителей режима.
- Обеспечивать личную безопасность и безопасность окружающих.
- Предотвращать побег и массовые беспорядки.
- Минимизировать риск применения огнестрельного оружия и специальных средств.

В научных публикациях отмечается, что профессиональная подготовка сотрудников УИС должна включать не только изучение теоретических основ борьбы, но и практическое освоение приемов, имитирующих реальные ситуации, возникающие в служебной деятельности.

Совершенствование системы обучения борьбе сотрудников УИС

Для повышения эффективности подготовки сотрудников УИС необходимо совершенствовать систему обучения борьбе, учитывая современные тенденции и передовой опыт. Ключевыми направлениями совершенствования являются:

— Разработка учебных программ, адаптированных к специфике деятельности различных категорий сотрудников УИС.

— Внедрение инновационных методик обучения, включающих элементы педагогики, психологии и биомеханики.

— Обеспечение регулярного проведения практических занятий под руководством квалифицированных инструкторов.

— Организация соревнований и турниров по борьбе между сотрудниками различных учреждений УИС.

— Использование современных технологий, таких как видеоанализ, тренажеры и симуляторы.

Заключение

Изучение приемов борьбы является неотъемлемым компонентом профессиональной подготовки сотрудников УИС, обеспечивающим их физическую и психологическую готовность к действиям в условиях силового противодействия. Дальнейшее совершенствование системы обучения борьбе, с учетом современных тенденций и передового опыта, позволит повысить эффективность служебной деятельности сотрудников УИС и обеспечить безопасность персонала и лиц, содержащихся под стражей.

Литература:

1. Лысухин А. М. Физическая подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы как фактор обеспечения успешного выполнения служебных задач // Теория и практика социогуманитарных наук. 2022. № 3 (19). С. 31–36.
2. Данилова, С. И. К вопросу об эффективном применении сотрудниками УИС тактико-технических приемов борьбы / С. И. Данилова. — Текст: непосредственный // Исследования молодых ученых: материалы ХСІ Междунар. науч. конф. (г. Казань, ноябрь 2024 г.). — Казань: Молодой ученый, 2024. — С. 80–83.
3. Еськова, К. В. Первостепенная значимость владения навыками рукопашного боя при обороне для сотрудников уголовно-исполнительной системы / К. В. Еськова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 1 (500). — С. 58–60.

Легкая атлетика как основа здорового образа жизни

Филиппов Герман Сергеевич, студент

Научный руководитель: Захарова Валентина Васильевна, старший преподаватель

Ульяновский государственный технический университет

В данной статье рассматривается легкая атлетика как доступный и массовый вид спорта с древней историей, охватывающий прыжки, бег, многоборья и метания. Занятия ею оказывают комплексное положительное воздействие на организм: укрепляют сердечно-сосудистую и дыхательную системы, развивают мышечный корсет, повышают выносливость и силовые показатели, а также способствуют нормализации обмена веществ и снижению уровня стресса. Благодаря минимальным требованиям к экипировке и месту проведения тренировок, адаптивности нагрузок под индивидуальные возможности, легкая атлетика подходит для людей любого возраста и уровня физической подготовки, что объективно делает её идеальной и универсальной основой для формирования и поддержания здорового образа жизни в современных условиях.

Ключевые слова: легкая атлетика, бег, здоровый образ жизни, спорт, физическая активность, общедоступность, профилактика заболеваний.

Введение

Легкая атлетика по праву считается одним из наиболее массовых и популярных видов спорта в мире. Объединяя в себе базовые, естественные для человека движения — бег, прыжки, метания, а также их комбинации в многоборьях, — она предлагает универсальный и природосообразный инструмент для гармоничного физического развития. Ее ключевое преимущество заключается в фундаментальной демократичности и инклюзивности: начать заниматься можно практически в любом возрасте, имея любой начальный уровень подготовки, без необходимости значительных финансовых вложений. Эта доступность превращает легкую атлетику не просто в спортивную дисциплину, а в мощную социальную практику, идеальную основу для системного формирования и укрепления здоровых привычек у широких слоев населения.

От античных стадионов до современных арен

Истоки легкой атлетики уходят глубоко в историю человеческой цивилизации, находя свои корни в Древней Греции. Именно там она стала центральным элементом первых зафиксированных Олимпийских игр в 776 году до н. э. Первоначально программа состязаний была предельно лаконичной и включала лишь один вид — бег на дистанцию в 1 стадий (примерно 192,27 м), известный как «дромос». Этот соревновательный бег можно считать краеугольным камнем, заложившим культурный и спортивный фундамент для последующего многовекового развития всей дисциплины. На протяжении истории арсенал легкоатлетических упражнений непрерывно расширялся и обогащался, трансформируясь из простых состязаний в сложную систему разнообразных дисциплин. В современном спорте их насчитывается более 60, что свидетельствует о невероятной вариативности и богатстве этого направления. Сегодня легкая атлетика прочно и неизбежно укоренилась в программе всех крупнейших международных спортивных форумов — от Олимпийских игр и чемпионатов мира до континентальных первенств, таких как чемпионаты Европы или Панамериканские игры. Этот глобальный охват и непреходящий зрительский интерес лишь подтверждают её неофициальный, но общепризнанный титул «королевы спорта», подчеркивая базовое значение для мировой спортивной культуры.

Влияние на здоровье

Систематические и регулярные занятия легкой атлетикой приносят комплексную, многогранную пользу

для организма человека, воздействуя как на физиологическом, так и на психологическом уровне. Прежде всего, они выступают мощным и естественным стимулятором для укрепления сердечно-сосудистой системы: сердечная мышца становится более выносливой, улучшается эластичность сосудов и капиллярное кровообращение, что ведет к оптимизации снабжения кислородом всех тканей и органов. Параллельно значительно ускоряется метаболизм, способствуя более эффективному энергообмену и контролю над весом. Циклические и ациклические упражнения легкой атлетики целенаправленно развивают ключевые физические качества: общую и силовую выносливость, скоростные способности, мышечную силу (особенно в дисциплинах метаний и прыжков), координацию и гибкость. Такой комплексный подход к физической активности служит эффективной первичной и вторичной профилактикой целого спектра так называемых «болезней цивилизации»: артериальной гипертензии, атеросклероза, сахарного диабета 2-го типа, ожирения, остеопороза. Не менее важен выраженный психоэмоциональный и ментальный эффект. Регулярные дозированные аэробные нагрузки, характерные для бега или спортивной ходьбы, являются доказанным средством для снижения уровня хронического стресса и тревожности, борьбы с симптомами депрессии. Это происходит за счет нормализации работы нервной системы и активной выработки во время тренировок нейромедиаторов — эндорфинов и серотонина, которые естественным образом улучшают настроение, повышают устойчивость к психологическим нагрузкам и создают ощущение благополучия, часто называемое «эйфорией бегуна».

Универсальность и доступность для всех

Феномен глобальной популярности и массовости легкой атлетики имеет простое и убедительное объяснение — это её уникальная гибкость, адаптивность и минимальные требования к инфраструктуре и ресурсам. Для начала занятий зачастую достаточно наличия удобной спортивной обуви и безопасного пространства. Тренировочный процесс может быть организован в любых условиях и во все времена года — будь то специализированная беговая дорожка стадиона, грунтовая тропа в парке, лесной массив или даже обычные городские улицы и тротуары с соблюдением необходимых мер безопасности. Именно эта демократичность и низкий порог входа обусловили превращение легкой атлетики в неотъемлемый, стержневой элемент государственных программ физического воспитания и популяризации здоровья по всему миру. Её базовые элементы и нормативы закономерно включены в учебные планы и программы по физической культуре для школьников

и студентов, формируя у подрастающего поколения фундаментальные двигательные навыки. Кроме того, бег, прыжковые и общеразвивающие упражнения из арсенала легкой атлетики широко используются в тренировочных процессах спортсменов самых разных специализаций в качестве средства для развития общей физической подготовки (ОФП), повышения функциональных возможностей организма. Одновременно с этим, благодаря возможности точной дозировки интенсивности и объема нагрузок (например, через скандинавскую ходьбу, оздоровительный бег или джоггинг), легкая атлетика настоятельно рекомендуется геронтологами и специалистами по лечебной физкультуре для поддержания активного долголетия, сохранения мобильности и тонуса людей старшего поколения. Таким образом, она действительно объединяет все возрастные и социальные группы, предлагая каждому индивидуальный путь к здоровью.

Литература:

1. Степанов, С. В. Циклические виды спорта: легкая атлетика: учебное пособие / С. В. Степанов, Н. А. Толстикова, Т. А. Михайлова. — Кемерово: КемГУ, 2024. — 158 с. — ISBN 978–5–8353–3293–9. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/495503>
2. Полунин, А. И. Оздоровительный бег: методики, физиология, практика / А. И. Полунин. — Москва: Спорт, 2022. — 210 с.

Вывод

Легкая атлетика — это гораздо больше, чем просто соревновательный вид спорта высших достижений. Это, в первую очередь, культурный феномен и практичная, научно обоснованная система оздоровления, встроенная в повседневную жизнь. Регулярные и осознанные занятия легкой атлетикой, подобранные в соответствии с индивидуальными целями и возможностями, помогают существенно улучшить физическое и психическое здоровье, повысить уровень общей физической подготовки, укрепить иммунитет и, как следствие, значительно повысить общее качество жизни. Ее универсальность, естественность и фундаментальная доступность буквально открывают двери к здоровому и активному образу жизни для каждого человека, независимо от его возраста, профессии или материального положения, кто готов сделать тот самый важный первый шаг навстречу себе и своему благополучию.

СОЦИОЛОГИЯ

Социализация студентов с особыми потребностями: методы обучения и управления

Аль-Шахдани Суфьян Аднан Хамид, соискатель
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

Колеошкина Светлана Вячеславовна, клинический психолог
ГБУ Ростовской области «Психиатрическая больница» (г. Ростов-на-Дону)

В статье рассматриваются ключевые аспекты социализации студентов с особыми потребностями в образовательной среде. Особое внимание уделяется методам обучения, которые способствуют интеграции таких студентов в учебный процесс, а также управлению их индивидуальными потребностями. Анализируются современные подходы, включая адаптивное обучение, использование технологий и создание поддерживающей социальной среды. Также обсуждаются роли педагогов, психологов и родителей в процессе социализации, а также важность междисциплинарного взаимодействия. В заключение подчеркивается необходимость формирования инклюзивной образовательной политики, направленной на создание равных возможностей для всех студентов, что способствует их успешной социализации и развитию личностного потенциала.

Ключевые слова: социализация, студенты с особыми потребностями, методы обучения, инклюзивной образовательной, социальные навыки, учебной среде, лица с ограниченными возможностями здоровья.

Введение

Социализация студентов с особыми потребностями — это процесс интеграции и адаптации таких студентов в общество, образовательную среду и социальные группы. Он включает в себя создание инклюзивной образовательной среды, обеспечивающей равный доступ к обучению и участию в учебной среде, что может требовать адаптации учебных материалов и методов преподавания. Важной составляющей является развитие социальных навыков: обучение студентов взаимодействовать с окружающими, понимать социальные нормы и развивать умения общения. [1] Поддержка со стороны преподавателей и специалистов, таких как психологи, логопеды и другие профессионалы, помогает студентам преодолевать трудности и развивать необходимые навыки. Вовлечение студентов в общественную жизнь через участие в различных мероприятиях, клубах и группах способствует расширению круга общения и укреплению социальных связей. Целью социализации является создание условий, при которых студенты с особыми потребностями смогут успешно взаимодействовать с окружающим миром, развивать свои способности и достигать личных целей.

Социализация — это процесс, в ходе которого индивид усваивает социальные нормы, ценности, знания и навыки, необходимые для полноценной жизни в обществе.

Он начинается с раннего детства и продолжается на протяжении всей жизни. Основные аспекты этого процесса включают:

— Первичная социализация — происходит в семье, где студент учится основам общения, поведения и культурным нормам.

— Вторичная социализация — осуществляется в более широких социальных группах, таких как учебное заведение, друзья, СМИ и рабочая среда, где студент учится взаимодействовать с разными людьми и осваивать разные социальные роли.

— Агенты социализации — семья, учебное заведение, друзья, СМИ — играют ключевую роль в передаче социальных норм, ценностей и культурных образцов поведения.

— Ресоциализация — это процесс восстановления социальной роли, переосмысления ценностей и норм, который помогает человеку стать полноценным участником культуры и общества, находя новые смыслы и возможности. Она происходит после десоциализации, которая представляет собой отказ от социальных правил и потерю связи с обществом. Десоциализация может привести к дегуманизации и изоляции, что особенно опасно для лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), вызывая стигматизацию и развитие социопатии. [2]

Таким образом, ресоциализация возможна только после преодоления этапа десоциализации (рис. 1):

Рис. 1. Ресоциализация и десоциализации

Социализация помогает студентам стать частью общества, развивать свою индивидуальность, а также адаптироваться к изменениям в социальной среде. Для людей с особыми потребностями процесс социализации может быть значительно сложнее из-за физических, эмоциональных и когнитивных ограничений. Однако его значение невозможно переоценить: он способствует развитию личной идентичности, уверенности в себе и обеспечивает возможность полноценного участия в жизни общества. Существует множество стереотипов и предвзятых мнений, связанных с людьми с особыми потребностями, которые зачастую воспринимаются как зависимые или неспособные к самостоятельной жизни. Однако современное общество все больше осознает, что каждый человек, независимо от своих ограничений, имеет право на полноценное участие в социальной жизни. Это требует изменения подходов к обучению и социализации, внедрения инклюзивных методов, учитывающих индивидуальные особенности каждого человека. [3] в последние десятилетия в области образования и социальной работы разработано множество методов поддержки людей с особыми потребностями. Эти методы варьируются от индивидуальных образовательных программ до использования современных технологий, таких как адаптивные приложения и онлайн-ресурсы. Важным аспектом является вовлечение семьи и сообщества в процесс социализации, что создает более благоприятную среду для развития.

Люди с особыми потребностями представляют собой социальную группу, нуждающуюся в особой заботе и вни-

мании из-за физических или умственных проблем со здоровьем. Эти ограничения могут приводить к частичной или полной неспособности выполнять повседневные задачи. Международные организации и учреждения активно занимаются оценкой и гарантией прав таких людей, обеспечивая им условия для жизни с уважением к их достоинству и в полной свободе. Это способствует укреплению доверия между ними и обществом. Цель данной статьи рассмотреть современные методы обучения и управления, способствующие социализации людей с особыми потребностями. Мы проанализируем принципы инклюзивного образования, различные подходы к обучению и развитию социальных навыков, а также роль технологий и сообщества в этом процессе. [4] Понимание этих аспектов поможет создать более справедливое и инклюзивное общество, где каждый человек сможет реализовать свой потенциал и внести вклад в общее благо. Совместное обучение улучшает социальное взаимодействие учащихся с особыми потребностями, позволяя им работать в группах над проектами. Это способствует развитию навыков общения и сотрудничества, а также укрепляет дружеские отношения между учащимися. Индивидуализированный подход, основанный на разработке индивидуальных образовательных планов, позволяет учитывать уникальные потребности каждого студента, адаптируя учебный процесс и методы оценки. Использование технологий, таких как специализированные программы и приложения, помогает студентам с особыми потребностями лучше усваивать материал и взаимодействовать с окружающими. Проведение занятий по развитию социальных

навыков, включая общение и разрешение конфликтов, также играет важную роль в их социализации. [5]

Инклюзивные мероприятия, в которых участвуют все студенты независимо от их возможностей, способствуют взаимодействию и созданию дружеской атмосферы. Программы наставничества, где более опытные студенты помогают своим сверстникам, могут облегчить адаптацию и социализацию. Игровые методики оказываются эффективными для вовлечения студентов и развития их социальных навыков в непринужденной обстановке. Регулярное обсуждение успехов и трудностей студентов с особыми потребностями помогает им осознать свои достижения и области для улучшения. Активное участие родителей и опекунов в образовательном процессе создает единую поддержку для студентов. Обучение преподавателей методам работы с студентами с особыми потребностями и инклюзивным обучением повышает их компетентность и эффективность в работе. [6] Эти методы могут значительно улучшить процесс социализации студентов с особыми потребностями, помогая им интегрироваться в учебный процесс и развивать навыки общения и взаимодействия с окружающими.

Специальное образование и индивидуальное обучение

Это набор индивидуальных образовательных методов, которые включают особую образовательную ситуацию, специальные или адаптированные материалы и оборудование, специальные образовательные методы и меры по исправлению положения, направленные на оказание помощи студентом с особыми потребностями в достижении максимально возможного уровня личной самообеспеченности, академических успехов и участия в деятельности своего сообщества. [7] Индивидуальное обучение в основном включает определение долгосрочных целей и краткосрочных целей на уровне учащегося, а затем выбор средств и проведение образовательных сессий для удовлетворения индивидуальных частных образовательных потребностей. Индивидуальное образование учитывает индивидуальные различия между учащимися, так как индивидуальное образование не обязательно означает образование одного студента за раз, оно может осуществляться в рамках Небольшие группы, с помощью компьютера или товарищей. [8]

Общие принципы обучения студентов с особыми потребностями:

1. Использование преподавателями структурированного и направленного обучения.
2. Ориентация преподавателя на академическую подготовку, направляя студентов к работе над миссиями.
3. Предоставление студентам достаточных возможностей для достижения успеха посредством непрерывного образования, постановки соответствующих целей, предоставления необходимых стимулов и анализа навыков.

4. Предоставление преподавателю немедленной обратной связи.

5. Создание для преподавателя позитивных, приятных и продуктивных условий для обучения.

6. Моральный толчок для студентов через поощрение, поддержку и позитивное подкрепление.

7. Обеспечение вниманием преподавателя студентов с помощью поощрения словесных, чувственных и жестовых стимулов.

Шаги для хорошего образования:

1. Понимание преподавателем индивидуальных особенностей студента.

2. Преподаватель сотрудничает с родителями и выслушивает их мнение о том, что студент должен выучить.

3. Преподаватель определяет текущий уровень успеваемости студента.

4. Преподаватель определяет навыки, которые студент должен выучить в свете результатов оценки.

5. Преподаватель определяет желаемые цели обучения.

6. Преподаватель хеширует учебные цели в маленькие подцели, которые поддаются обучению, измерению и использует метод анализа задач.

7. Преподаватель выбирает подходящие методы для достижения целей обучения.

8. Выбор преподавателем учебных материалов, заданий, пространственных расположений и графиков действий, соответствующих целям и выбранным методам обучения.

9. Преподаватель внесет необходимые корректировки в инструменты, используемые обычными людьми, или разработает новые технологические или нетехнологические инструменты, чтобы помочь студенту эффективно использовать их и достичь поставленных перед ним целей в области образования и обучения.

10. Преподаватель реализует программу обучения для студента.

11. Преподаватель регулирует скорость проведения обучения в зависимости от уровня успеваемости и успеваемости студента или предоставляет ему достаточные возможности для приобретения и обобщения навыка.

12. Преподаватель оценивает прогресс студента в достижении целей, чтобы определить эффективность текущего обучения и задокументировать улучшение успеваемости студента.

13. Преподаватель оценивает эффективность обучения в свете развития успеваемости студента.

Выбор методов обучения

Преподаватели выбирают методы обучения для обучения студентов с особыми потребностями в свете трех переменных: [9]

1. Тип инвалидности: Потребности учащихся различаются в зависимости от типа их инвалидности. Например, учащимся с нарушениями слуха могут потребоваться методы обучения, основанные на зрительном контакте или

языке жестов, в то время как учащимся с физическими ограничениями могут потребоваться специальные адаптации в учебной среде или использование вспомога-

тельных технологий. Поэтому преподавателям крайне важно глубоко понимать тип инвалидности, чтобы определить наиболее эффективные методы. (рис. 2):

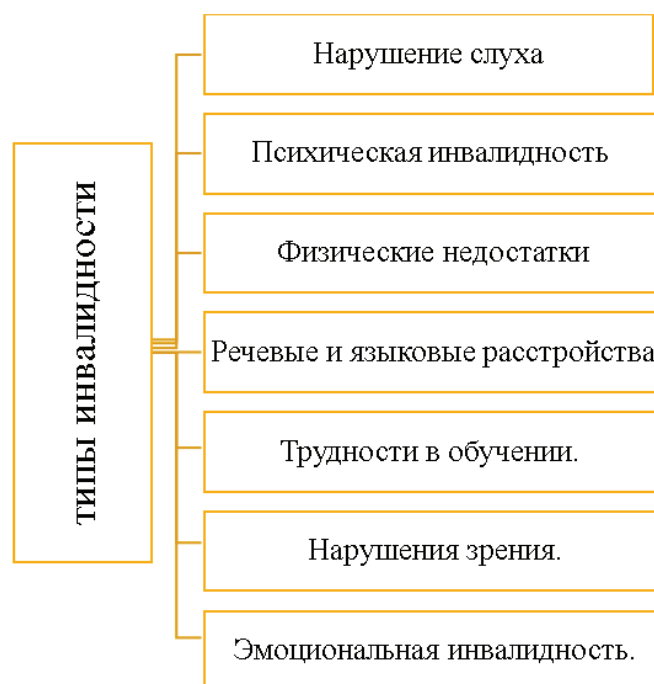

Рис. 2. Типы инвалидности

2. Тяжесть инвалидности: Тяжесть инвалидности учащегося варьируется, что влияет на выбор подходящего метода обучения. Учащиеся с тяжелыми формами инвалидности могут нуждаться в интенсивной поддержке и индивидуальных вмешательствах, в то время как учащиеся с легкими формами инвалидности могут участвовать в обычных занятиях с некоторыми изменениями. Преподаватели должны учитывать тяжесть инвалидности, чтобы обеспечить соответствующую поддержку и гарантировать достижение образовательных целей каждого учащегося. [10]

3. Возраст: Возраст играет значительную роль в выборе методов обучения. Учебные, социальные и эмоциональные потребности в развитии различаются в зависимости от возраста. Например, методы обучения для маленьких детей могут требовать более интерактивных и игровых подходов, в то время как методы, используемые с подростками, могут быть более сложными и основанными на критическом мышлении. Поэтому преподаватели должны учитывать возрастные различия при разработке учебных программ и образовательных мероприятий.

На основе этих переменных преподаватели могут разрабатывать индивидуальные стратегии обучения, отвечающие потребностям учащихся с особыми потребностями, помогая им достичь академических и социальных успехов. [11]

Кооперативное обучение способствует социализации студентов с особыми потребностями, позволяя им работать в группах над проектами. Это развивает навыки

общения и сотрудничества, формируя дружеские отношения. Индивидуализированный подход с разработкой образовательных планов учитывает уникальные потребности каждого студента, адаптируя учебный процесс и методы оценки. Использование специализированных технологий помогает студентам лучше усваивать материал и взаимодействовать с окружающими. Инклюзивные мероприятия, в которых участвуют все студенты, способствуют взаимодействию и созданию дружеской атмосферы. Программы наставничества, где более опытные студенты помогают сверстникам, облегчают адаптацию. Игровые методики эффективно вовлекают студентов и развивают их социальные навыки. Регулярное обсуждение успехов и трудностей помогает студентам осознавать свои достижения и области для улучшения. Активное участие родителей и опекунов в образовательном процессе создает единую поддержку для студентов. Обучение преподавателей методам работы со студентами с особыми потребностями повышает их компетентность и эффективность. Эти методы могут значительно улучшить социализацию студентов, помогая им интегрироваться в учебный процесс и развивать навыки общения. Методы обучения для студентов с особыми потребностями обычно основаны на терапевтическом диагностическом подходе, включая диагностику проблемы и разработку плана ее решения, а также оценку учащихся, планирование обучения, выполнение плана и оценку его эффективности. [12]

Обучение студентов с физическими и двигательными нарушениями

Физическая инвалидность — это ограничение подвижности, которое влияет на способность студента использовать естественные движения, что может затруднить обучение и взаимодействие с окружающей средой. Она делится на три основные категории: неврологические расстройства (например, церебральный паралич), ортопедические (например, ампутации) и хронические заболевания (например, диабет, астма). Образовательные особенности таких студентов требуют адаптации учебных материалов, среды и методов обучения с учетом их особенностей. Необходимо учитывать лечение, лекарства и их побочные эффекты, а также влияние семейной поддержки на самооценку и мотивацию. Степень инвалидности влияет на активность и развитие студента, поэтому важно избегать чрезмерных упрощений при разработке программ, а также подбирать индивидуальный подход, учитывающий сильные и слабые стороны каждого. Роль преподавателя включает адаптацию среды, знание особенностей развития студента, оценку психологических характеристик и потенциальных последствий инвалидности для обучения и роста. Важна способность строить доверительные отношения с студентом и его семьей, а также поддерживать их в чрезвычайных ситуациях. [13] Эффективность обучения во многом зависит от компетентности преподавателя, его умения реализовать подходящие программы, оказывать поддержку и взаимодействовать с междисциплинарной командой для обеспечения лучших условий для каждого студента с физическими нарушениями.

Что должен знать преподаватель, работающий со студентами с физическими нарушениями: Он должен понимать стадии и проявления нормального роста, чтобы правильно оценивать развитие студента. Важно знать особенности учебных программ, подходящих для таких студентов, а также причины и виды инвалидности. Необходимо уметь интерпретировать медицинские заключения и учитывать влияние лекарств и вспомогательных средств. Преподаватель должен уметь работать в междисциплинарной команде, развивать индивидуальные

планы, наблюдать и анализировать поведение, а также адаптировать тесты и реагировать в чрезвычайных ситуациях. Важно знать, как обеспечить безопасность, помочь в преодолении психологических и эмоциональных трудностей, а также развивать у студента реалистичные представления о себе и повышать его самооценку. Также необходимо уметь работать с семьями, предоставлять им точную информацию, помогать развивать реалистичные ожидания и использовать методы консультирования. Важна адаптация учебных программ, мотивационных стратегий и создание условий, способствующих обучению и развитию навыков самообслуживания, социализации и трудовой подготовки. [14] Преподаватель должен уметь организовать учебный процесс, развлекательные мероприятия, контролировать деятельность и учитывать особенности инвалидности при планировании и реализации программ, направленных на подготовку к самостоятельной жизни и работе.

Заключение

Эффективная социализация студентов с особыми потребностями является важным условием их успешной интеграции в общество и образовательную среду. Процесс включает в себя создание инклюзивных условий, развитие социальных навыков и поддержку со стороны педагогов и специалистов, что способствует формированию полноценной личности и достижению личных целей. Важное значение имеет понимание этапов социализации — первичной, вторичной и ресоциализации, а также использование разнообразных методов и программ, ориентированных на индивидуальные особенности студентов, их типы и степень инвалидности. Инклюзивные мероприятия, наставничество и структурированный подход к обучению помогают преодолеть трудности и способствуют формированию позитивного отношения к обучению и жизни в обществе. В целом, интеграция студентов с особыми потребностями требует комплексного подхода, уважения к их уникальности и постоянного совершенствования педагогических практик, что значительно повышает их шансы на полноценное и гармоничное развитие.

Литература:

1. Дорошенко О. М. Понятие социализации личности: факторы, механизмы, этапы // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 1. С. 12–16 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-sotsializatsii-lichnosti-factory-mehanizmy-etapy>
2. Тащёва А. И., Гриднева С. В., Арпентьева М. Р., Киценко Н. В. Социально-психологическая адаптация и проблемы инклюзивного сопровождения студентов с ограниченными возможностями здоровья в вузе // КПО. 2021. № 1 (25) с 5–21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskaya-adaptatsiya-i-problemy-inklyuzivnogo-soprovozhdeniya-studentov-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami>
3. Тащёва А. И., Гриднева С. В. Психологическое сопровождение обучающихся с ОВЗ в ЮФУ // Актуальные практики образования по приоритетным направлениям государственной программы РФ «Развитие образования»: Материалы Всероссийской социально-педагогических инноваций-2020 / Под ред. Л. А. Турик: ЮФУ, Ростов-на-Дону, 2020. С. 25–26.

4. Мустафа Мансур, Исмаил бин Халифа, Методы обучения людей с особыми потребностями — Журнал социальных исследований и разработок — Выпуск 26, стр. (58–73), 2018. [file:///C:/Users/SAL-SHAHDANI/Downloads/ %D8 %B7 %D8 %B1 %D8 %A7 %D8 %A6 %D9 %82- %D8 %AA %D8 %AF %D8 %B1 %D9 %8A %D8 %B3- %D8 %B0 %D9 %88 %D9 %8A- %D8 %A7 %D9 %84 %D8 %A7 %D8 %AD %D8 %AA %D9 %8A %D8 %A7 %D8 %AC %D8 %A7 %D8 %AA- %D8 %A7 %D9 %84 %D8 %AE %D8 %A7 %D8 %B5 %D8 %A9.pdf](file:///C:/Users/SAL-SHAHDANI/Downloads/%D8%B7%D8%B1%D8%A7%D8%A6%D9%82-%D8%AA%D8%AF%D8%B1%D9%8A%D8%B3-%D8%B0%D9%88%D9%8A-%D8%A7%D9%84%D8%A7%D8%AD%D8%AA%D9%8A%D8%A7%D8%AC%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D9%84%D8%AE%D8%A7%D8%B5%D8%A9.pdf)
5. Полторацкая Н. Л. Первые шаги организации инклюзивного образовательного процесса в Смоленском педагогическом колледже // Современное образование: опыт, проблемы, перспективы развития: Сборник материалов II Международной научно-практической конференции, 15–16 февраля 2013 года. М., 2013. С.130–134.
6. Полторацкая Н. Л., Репина Г. А. Социализация лиц с особыми образовательными потребностями на базе Смоленского педагогического колледжа: актуальные ресурсы, вызовы, перспективы // Инновационные проекты и программы в образовании. 2014. № 2 с39–47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya-lits-s-osobymi-obrazovatelnyimi-potrebnostyami-na-baze-smolenskogo-pedagogicheskogo-kolledzha-aktualnye-resursy-vyzovy>
7. Маяда Аль-Касем, Учебные программы и методы специального образования (для детей с особыми потребностями) _ Журнал «Аль-Танвир». 5 октября 2021 г. [https://altanweeri.net/7018/ %D9 %85 %D9 %86 %D8 %A7 %D9 %87 %D8 %AC- %D9 %88 %D8 %A3 %D8 %B3 %D8 %A7 %D9 %84 %D9 %8A %D8 %A8- %D8 %A7 %D9 %84 %D8 %AA %D8 %B9 %D9 %84 %D9 %8A %D9 %85- %D8 %A7 %D9 %84 %D8 %AE %D8 %A7 %D8 %B5- %D8 %B0 %D9 %88 %D9 %8A- %D8 %A7 %D9 %84 %D8 %A7 %D8 %AD %D8 %AA/](https://altanweeri.net/7018/%D9%85%D9%86%D8%A7%D9%87%D8%AC-%D9%88%D8%A3%D8%B3%D8%A7%D9%84%D9%8A%D8%A8-%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%B9%D9%84%D9%8A%D9%85-%D8%A7%D9%84%D8%AE%D8%A7%D8%B5-%D8%B0%D9%88%D9%8A-%D8%A7%D9%84%D8%A7%D8%AD%D8%AA/)
8. Хамди Шакер Махмуд, Образовательные исследования для учащихся мужского и женского пола // Дар Аль-Андалус, для публикации и распространения, Стр.136–139 2006г. [https://s-education.net/ php/uploads/pdf/1745941431_0338 %20 %D9 %83 %D8 %AA %D8 %A7 %D8 %A8 %20 %20 %20 %20 %D8 %A7 %D9 %84 %D8 %A8 %D8 %AD %D8 %AB %20 %D8 %A7 %D9 %84 %D8 %AA %D8 %B1 %D8 %A8 %D9 %88 %D9 %8A %20 %D9 %84 %D9 %84 %D9 %85 %D8 %B9 %D9 %84.pdf](https://s-education.net/php/uploads/pdf/1745941431_0338%20%D9%83%D8%AA%D8%A7%D8%A8%20%20%20%20%D8%A7%D9%84%D8%A8%D8%AD%D8%AB%20%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%B1%D8%A8%D9%88%D9%8A%20%D9%84%D9%84%D9%85%D8%B9%D9%84.pdf)
9. Kawthar Jamil Salem Baljun (2009), Учебные планы и методы обучения для людей с особыми потребностями\\ Научная библиотека, 2009г. стр. 45–86-. <http://gulfkids.com/pdf/Manajej-kother.pdf>
10. Марва Мохамед Эль-Баз, Методика обучения лиц с особыми потребностями по специальности «Естественные науки», Порт-Саид — Египет: Университет Порт-Саид — Педагогический колледж, стр. 8–9, 2010. <https://www.gcedclearinghouse.org/ar/resources/methods-teaching-people-special-needs-specialization-science?language=ar>
11. Камаль Абдул Хамид Аль-Зайтун Обучение для людей с особыми потребностями. Каирский университет, мир книг. Стр.400–413, 2003г. [https://koha.birzeit.edu/cgi-bin/koha/opac-detail.pl?biblionumber=188344&query_desc=copydate %3A %222003 %3F %22](https://koha.birzeit.edu/cgi-bin/koha/opac-detail.pl?biblionumber=188344&query_desc=copydate%3A%222003%3F%22)
12. Хусейн Даиф, Методы обучения людей с особыми потребностями — Журнал социальных исследований и разработок — Выпуск 26, стр. (245–253), 2018. [file:///C:/Users/SAL-SHAHDANI/Downloads/ %D8 %B7 %D8 %B1 %D9 %82- %D8 %AA %D8 %AF %D8 %B1 %D9 %8A %D8 %B3- %D8 %AF %D9 %88 %D9 %8A- %D8 %A7 %D9 %84 %D8 %A7 %D8 %AD %D8 %AA %D9 %8A %D8 %A7 %D8 %AC %D8 %A7 %D8 %AA- %D8 %A7 %D9 %84 %D8 %AE %D8 %A7 %D8 %B5 %D8 %A9.pdf](file:///C:/Users/SAL-SHAHDANI/Downloads/%D8%B7%D8%B1%D9%82-%D8%AA%D8%AF%D8%B1%D9%8A%D8%B3-%D8%AF%D9%88%D9%8A-%D8%A7%D9%84%D8%A7%D8%AD%D8%AA%D9%8A%D8%A7%D8%AC%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D9%84%D8%AE%D8%A7%D8%B5%D8%A9.pdf)
13. Самарина Е. В., Потапова Н. В., Саломатова Е. В., Степин Г. В., Спатаев С.К, Шухарт Д. В. физическая культура для студентов с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов // Ученые записки университета Лесгафта. 2022. № 5 (207). С. 347–350. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskaya-kultura-dlya-studentov-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya-i-invalidov>
14. Назай Аль-Захра, Практика применения современных методов обучения учителями для людей с особыми потребностями — Журнал юридических и социальных наук — Том десятый — Выпуск два — стр. (784–796), 2025. [file:///C:/Users/SAL-SHAHDANI/Downloads/ %D9 %85 %D9 %85 %D8 %A7 %D8 %B1 %D8 %B3 %D8 %A9- %D8 %A7 %D9 %84 %D8 %A3 %D8 %B3 %D8 %A7 %D8 %AA %D8 %B0 %D8 %A9- %D9 %84 %D8 %B7 %D8 %B1 %D8 %A7 %D8 %A6 %D9 %82- %D8 %A7 %D9 %84 %D8 %AA %D8 %AF %D8 %B1 %D9 %8A %D8 %B3- %D8 %A7 %D9 %84 %D8 %AD %D8 %AF %D9 %8A %D8 %AB %D8 %A9- %D9 %84 %D8 %AF %D9 %89- %D8 %B0 %D9 %88 %D9 %8A- %D8 %A7 %D9 %84 %D8 %A7 %D8 %AD %D8 %AA %D9 %8A %D8 %A7 %D8 %AC %D8 %A7 %D8 %AA- %D8 %A7 %D9 %84 %D8 %AE %D8 %A7 %D8 %B5 %D8 %A9.pdf](file:///C:/Users/SAL-SHAHDANI/Downloads/%D9%85%D9%85%D8%A7%D8%B1%D8%B3%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%A3%D8%B3%D8%A7%D8%AA%D8%B0%D8%A9-%D9%84%D8%B7%D8%B1%D8%A7%D8%A6%D9%82-%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%AF%D8%B1%D9%8A%D8%B3-%D8%A7%D9%84%D8%AD%D8%AF%D9%8A%D8%AB%D8%A9-%D9%84%D8%AF%D9%89-%D8%B0%D9%88%D9%8A-%D8%A7%D9%84%D8%A7%D8%AD%D8%AA%D9%8A%D8%A7%D8%AC%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D9%84%D8%AE%D8%A7%D8%B5%D8%A9.pdf)

Роль культурно-просветительских инициатив в динамике посещаемости музеев и выставочных пространств Челябинска (на примере внедрения авторского цикла просветительских лекций «Art & Science: от палеолита до NFT»)

Блинова София Анатольевна, кандидат культурологии, старший преподаватель
Южно-Уральский государственный медицинский университет (г. Челябинск)

Статья посвящена исследованию влияния культурно-просветительских инициатив на уровень посещаемости музеев и выставочных пространств города Челябинска, а также поиску подходов к актуализации и популяризации роли искусства как образовательного и рекреационного ресурса для жителей современного, индустриального города.

В статье представлен анализ данных, полученных в результате внедрения авторского просветительского цикла лекций «Art & Science: от палеолита до NFT» и последующего социологического опроса среди участников цикла. Результаты исследования демонстрируют значимость просветительской деятельности в формировании устойчивого интереса к культурному наследию и предлагают рекомендации для оптимизации музейных практик.

Ключевые слова: досуговая сфера, социокультурные инициативы, искусство, музейная посещаемость, культурно-просветительские мероприятия.

На сегодняшний день досуговая сфера в России развивается достаточно активно, но зачастую акцент смещается в сторону развлекательных мероприятий. Фиксируемая ситуация вынуждает музеи и выставочные площадки города конкурировать за внимание зрителя не только друг с другом, но также с широким спектром сугубо развлекательных форм досуговой деятельности [5].

Обращаясь к вопросу актуальных методов и форм мотивации посетителей к более вовлеченному посещению учреждений культуры, можно обнаружить, что зачастую они связаны с усилением развлекательного и/или интерактивного компонента в современной музейной сфере. Например, музеи и иные выставочные площадки в последние годы внедряют такие формы взаимодействия с посетителями как: геймификация, VR-технологии, активное использование ресурса социальных сетей, событийные мероприятия широкой тематики, разнообразная сувенирная продукция и коллаборации с коммерческими организациями [2].

По мнению автора, более эффективной мерой в долгосрочной перспективе является совмещение современных технологий с просветительскими проектами, направленными на широкую аудиторию, включающую представителей различных возрастных, гендерных и социальных групп. Несомненно, музейные и галерейные площадки и сами активно ведут просветительскую деятельность, но это не всегда решает проблему посещаемости в полной мере [1,3]. Зачастую подобные мероприятия востребованы скорее у вовлеченных, постоянных посетителей выставочных пространств, чем у потенциальной музейной аудитории. Соответственно потенциальная аудитория, а также те, кто редко посещают учреждения культуры, в частности музеи, остаются неохваченными или охваченными лишь частично музейными образовательными программами и проектами [4].

Исходя из предположения, что одной из возможных причин снижения частоты посещения музеев и выставочных пространств города Челябинска, может являться недостаточный уровень познаний в области искусства

у потенциальных посетителей, был разработан цикл просветительских лекций в области искусства [6]. В 2024 году на рассмотрение в общероссийскую общественную организация АИС (Ассоциацию искусствоведов) была представлена заявка на реализацию просветительского проекта: «Art & Science: от палеолитического искусства до NFT» с социологическим исследованием. Проект получил поддержку АИС и был реализован в течение 2024–2025 года.

Цикл лекций разрабатывался как культурно-просветительский проект для широкой аудитории и был направлен на актуализацию роли искусства как образовательного и рекреационного ресурса, позволяющего аккумулировать знания из смежных областей, расширять кругозор и не замыкаться исключительно в своей сфере деятельности. Важной составляющей проекта являлось изучение существующего на данный момент противоречия между общей заинтересованностью жителей города и их реальной посещаемостью музеев и выставочных пространств города, а также поиск путей для решения выявленных противоречий.

В течение 2024–2025 года лекционный цикл был дважды прочитан на открытых культурных площадках города, а также по завершению цикла проведено анкетирование среди участников. Обработка и интерпретация полученных результатов позволила сделать ряд предположений относительно возможности актуализации и популяризации роли искусства как образовательного и рекреационного ресурса для жителей современного, индустриального города. Среди участников около 60 % посещали лекции на постоянной основе, остальные участники частично пропускали встречи, что могло отразиться на точности результатов социологического исследования. Всего в первом этапе исследования приняло участие 217 человек.

Анализ результатов анкетирования позволяет прийти к следующим выводам:

1. Основными посетителями музеев города Челябинска, среди участников лекционного цикла, являются женщины (80 %) с высшим образованием, относящиеся

к возрастным группам «31- 45» (38 %) и «46–60» (27 %). Данные показатели схожи с результатами иных социологических исследований в данной области, что позволяет охарактеризовать «ядро» целевой аудитории.

2. Среди опрошенных был отмечен достаточно стабильный уровень интереса к посещению учреждений культуры (музеев):

- 30 % — посещают музей раз в месяц;
- 29 % — несколько раз в год;
- 36 % — один раз в год;
- 5 % — не посещают.

3. Оценивая уровень своих знаний в области искусства, большинство опрошенных отмечали их недостаточный уровень:

- 71 % — средний и низкий уровень знаний;
- 14 % — высокий уровень знаний;
- 15 % — затруднились ответить.

4. Оценивая свой интерес к получению дополнительных знаний в области искусства:

- 54 % заявили о своем интересе к теоретическим знаниям в области искусства;
- 46 % отметили интерес к получению практического опыта в области искусства.

Полученные данные являются предварительными и данная тема, несомненно, требует дальнейшего более глубокого изучения, но уже на данном этапе может дать некоторое представление о «ядре» целевой аудитории, а кроме того, подсветить потребности потенциальной аудитории выставочных пространств города Челябинска. Результаты опроса фиксируют противоречивую ситуацию: с одной стороны, у респондентов отмечается недостаточный уровень знаний в области искусства, а с другой стороны, можно отметить существенный интерес к изучению данной области знания.

Следовательно, можно предположить, что внедрение просветительских и образовательных проектов может стать стимулом для увеличения частоты посещений музеев как постоянными, так и потенциальными посетителями. Полученные результаты подчеркивают значимую роль культурно-просветительских инициатив в общей динамике посещаемости музеев и выставочных пространств города Челябинска, а также могут быть использованы для разработки более эффективных подходов к популяризации роли искусства как образовательного и рекреационного ресурса для жителей современного, индустриального города.

Литература:

1. Васильева, Т. Е. Генезис музейной педагогики в социокультурном образовательном контексте / Т. Е. Васильева, С. В. Соболев, О. Г. Панченко. — Текст: непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2010. — № 4. — С. 26–34.
2. Грусман, В. М. Становление и развитие социально-культурных функций российских музеев: дис. ... канд. пед. наук / В. М. Грусман. — СПб., 2001. — 190 с.
3. Камнева, Г. П. Просветительская работа в рамках музейно-выставочного сервиса / Г. П. Камнева. — Текст: непосредственный // Сервис в России и за рубежом. — 2011. — № 7. — С. 166–176.
4. Сапанжа, О. С. Культурологическое измерение музея: морфология музейности / О. С. Сапанжа. — Текст: непосредственный // Вопросы музеологии. — 2011. — № 2. — С. 3–13.
5. Смирнова, Э. В. Трансформация функций музея в современном социокультурном пространстве / Э. В. Смирнова. — Текст: непосредственный // Magister Dixit. — 2014. — № 2 (14). — С. 84–89.
6. Ченцова, О. В. Просветительская функция музеев: трансформация в контексте культурных запросов времени / О. В. Ченцова. — Текст: непосредственный // Культурное наследие России. — 2020. — № 1. — С. 47–52.

Цифровое неравенство в регионах России: доступ к образовательным онлайн-ресурсам

Олесева Айталиа Алексеевна, студент магистратуры
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

В статье рассматривается проблема цифрового неравенства в российских регионах в контексте доступа к образовательным онлайн-ресурсам. Проведен аналитический обзор международной и российской литературы, проанализированы открытые статистические источники и представлены методологические подходы для эмпирического исследования.

Ключевые слова: цифровое неравенство, доступ к образованию, онлайн-ресурсы, регионы России, цифровая грамотность, инклюзия.

Введение

В современном мире цифровые технологии становятся неотъемлемой частью повседневной жизни, оказывая значительное влияние на все сферы деятельности человека. Цифровизация затрагивает образование, здравоохранение, экономику, социальные отношения и многие другие аспекты, формируя новые возможности и вызовы. Однако наряду с положительными изменениями, цифровая трансформация также выявляет и усугубляет существующие социальные и экономические неравенства. В России, как и в других странах, наблюдается явление, известное как цифровое неравенство, которое проявляется в различиях в доступе к цифровым технологиям, уровню цифровой грамотности и возможностям использования этих технологий в различных регионах.

Цифровое неравенство в России проявляется по-разному в зависимости от географических, экономических и социальных факторов. В некоторых регионах доступ к интернету и современным цифровым услугам находится на высоком уровне, в то время как в других наблюдается значительная отсталость, что приводит к социальной изоляции и ограничению возможностей для развития. Это неравенство может быть связано с различными аспектами, включая уровень экономического развития региона, состояние инфраструктуры, образовательные возможности и уровень жизни населения. Важно отметить, что цифровое неравенство не только отражает существующие социальные и экономические разрывы, но и может усугублять их, создавая порочный круг, из которого сложно выбраться.

Анализ цифрового неравенства в регионах России требует комплексного подхода, который учитывает, как количественные, так и качественные показатели. Необходимо рассмотреть, как уровень доступа к интернету, наличие современных технологий, а также уровень цифровой грамотности населения влияют на возможности граждан и организаций в различных регионах. Важно также учитывать влияние государственных программ и инициатив, направленных на развитие цифровой инфраструктуры и повышение уровня цифровой грамотности, а также оценить их эффективность.

Причины и факторы цифрового неравенства в регионах России разнообразны и многообразны. Одним из

ключевых факторов является экономическое развитие региона, которое напрямую влияет на уровень инвестиций в цифровую инфраструктуру и доступность технологий. Регионы с высоким уровнем дохода и развитыми экономическими структурами, как правило, имеют лучшие показатели в области цифровизации. В то же время, менее развитые регионы сталкиваются с проблемами недостатка финансирования, что затрудняет развитие цифровой инфраструктуры и услуг. Кроме того, важным аспектом является уровень образования и цифровой грамотности населения. В регионах с высоким уровнем образования люди чаще используют цифровые технологии, что способствует их интеграции в повседневную жизнь и экономику.

Методология исследования

Теоретический обзор отечественных публикаций, оценка уровня и детерминантов цифрового неравенства в российских регионах в контексте доступа к образовательным онлайн-ресурсам и определить, какие факторы влияют на реальный образовательный доступ и результаты.

Практическая часть

Анализ цифрового неравенства в регионах России представляет собой важный аспект понимания современного общества, где доступ к информации и технологиям становится критическим фактором для социального и экономического развития. В последние годы Россия активно внедряет цифровые технологии в различные сферы жизни, однако уровень доступа к интернету и другим цифровым ресурсам значительно варьируется от региона к региону. Это различие обусловлено множеством факторов, включая экономическое развитие, инфраструктурные возможности, социальные условия и образовательный уровень населения.

На данный момент, по данным различных исследований, можно выделить несколько ключевых аспектов, которые влияют на уровень доступа к интернету в России. Во-первых, это географические особенности. Россия — самая большая страна в мире и большая часть ее территории занимает труднодоступные районы, такие как

Сибирь и Дальний Восток. Во-вторых, экономическое положение регионов также играет ключевую роль в доступности интернет-услуг. Региональные экономики, которые зависят от традиционных отраслей, часто имеют ограниченные финансовые ресурсы для инвестиций в цифровую инфраструктуру. В-третьих, важным фактором является

социальное неравенство. Уровень образования и цифровой грамотности населения также влияет на использование интернет-ресурсов. В регионах с низким уровнем образования и высоким уровнем безработицы люди могут не осознавать преимуществ, которые представляет интернет и не иметь навыков для его эффективного использования.

Рис. 1. Причинно-следственные цепочки доступа к онлайн-ресурсам

Заключение

Цифровое неравенство имеет прямое влияние на экономическое развитие регионов. Регионы, где уровень цифровизации выше, имеют больше возможностей для привлечения инвестиций, развития бизнеса и создания новых

рабочих мест. В то же время регионы с высоким уровнем цифрового неравенства рискуют оказаться в замкнутом круге бедности и отсталости, что негативно скажется на их будущем. Поэтому борьба с цифровым неравенством должна стать одной из приоритетных задач как для федерального, так и для регионального уровней власти.

Литература:

1. Алексеева О. А. Информационное общество: цифровое неравенство российских регионов // Региональные проблемы преобразования экономики, 2024. — № 11. — С. 7–13.
2. Алексеева О. А. Региональные проблемы преобразования экономики, 2024. — № 11. — С. 7–13.
3. Арамисов Т. Р. Социальное государство в цифровую эпоху: цифровые возможности или цифровое неравенство // Цифровая социология, 2025. — Т. 8. — № 2. — С. 27–44.
4. Архипова М.Ю., Сиротин В. П. Региональные аспекты развития информационно-коммуникационных и цифровых технологий в России // Экономика региона, 2019. — Т. 15. — № 3. — С. 670–683.

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Проблема изучения диалога культур в русскоязычной и узбекской литературе

Валиева Лайло Нурбой кизи, студент магистратуры

Научный руководитель: Хужанова Озода Таджиевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель, зав. кафедрой

Термезский государственный университет (Узбекистан)

Статья исследует ключевые темы и проблемы диалога культур в русскоязычной литературе Узбекистана. Основное внимание уделяется художественной модели мироощущения и человека в современном узбекском литературном пространстве.

Ключевые слова: межкультурный диалог, проблема диалога культур, взаимодействие культур в современной узбекской литературе.

The problem of studying the dialogue of cultures in Russian and Uzbek literature

The article explores key themes and problems of cultural dialogue in Russian language literature of Uzbekistan. Special focus is on the artistic model of human existence and the worldview in the modern Uzbek literary space.

Keywords: intercultural dialogue, the problem of the dialogue of cultures, the interaction of cultures in modern Uzbek literature.

Диалог культур как основа толерантности в современном обществе

Диалог культур — это цивилизованный способ сосуществования народов и сообществ, основанный на гуманитарном взаимопонимании. Литература играет ключевую роль в этом процессе, отражая и формируя идентичность народа. Каждый человек воспринимает мир через призму своей культуры и языка, которые служат носителями его мировоззрения.

Диалог культур включает широкий спектр взаимодействий между людьми разных традиций. В. С. Библер отмечает, что в современном мире человек становится не просто образованным, а культурным, способным интегрировать различные культуры и формы деятельности.

Взаимодействие культур в многонациональной Средней Азии, включая Узбекистан, определяется образом жизни, историей и религией.

Диалог культур в современной литературе Узбекистана

С обретением независимости узбекская культура достигла нового уровня во всех сферах, включая литературу. С 1980-х годов усилился интерес к национальной идентичности, что привело к появлению произведений с ярко

выраженной ментальностью. В начале XXI века русскоязычные писатели Узбекистана, такие как Саид Халил, Игорь Эрнст и Александр Колмогоров, начали публиковать свои работы.

Индивидуальный стиль Марты Ким, современной русскоязычной писательницы, отражает синтез национальных миров. Она использует восточные реалии, чтобы создать уникальное восприятие и видение предметов, соответствующее эстетическому кодексу Востока. Её произведения наполнены звуками из разных культурных систем, включая русскую частушку и восточные мотивы.

К прозе об Узбекистане относятся «Ташкентский роман» Евгения Абдуллаева и роман Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы». Несмотря на различия в стиле, эти произведения отражают общие ценности и героев, близких искусству и культуре.

Российский исследователь М. М. Голубков отмечает, что изменение культурного статуса литературы привело к утрате её функции формирования национального сознания. Однако Азия в литературе каждого поколения открывает новые грани, превращаясь из загадочного образа в реальный, сохраняя свою поэтическую сущность.

В русскоязычной литературе Узбекистана существуют две литературные традиции: русская классическая силлабо-тоническая поэзия и арабopersидская поэзия с тюркской ветвью. Эти традиции сосуществуют, влияя на язык

и культуру. Русская поэзия Узбекистана переняла традиционализм и элитарность «восточной» поэзии.

Сегодня формируется новая форма взаимодействия культур, когда влияние одной культуры на другую происходит через единое культурное пространство. Культура проникает в другой язык, изменяя языковую картину мира. Этот путь представляется наиболее перспективным для преодоления межэтнических и межконфессиональных барьеров, формируя человека с гуманитарным мышлением.

Сегодня наблюдается рост национального самосознания, что является проявлением народного духа. Особенно ярко это выражается в повышенном интересе к национальной культуре народов постсоветского пространства, включая Среднюю Азию. Распад Советского Союза и утрата традиций и жизненных ценностей привели к необходимости поиска устойчивых основ, способных противостоять разрушительным тенденциям. Такой основой становится народное сознание, включа-

ющее понятия, которые составляют основу жизни каждого человека: семья, традиции, преемственность поколений, отношение к природе, дому, очагу и другим важным аспектам. Эти элементы формируют национальный характер и являются основой человеческого бытия, которое подверглось значительным изменениям, особенно болезненно ощущаемым народами Востока.

Среди современных писателей, отразивших восточную модель жизни, выделяется Андрей Волос и его повесть «Сирийские розы». Волос, родившийся в Средней Азии и имеющий европейское происхождение, впитал психологию и культуру восточных народов, что сделало его близким по мировосприятию и мироощущению к восточному менталитету. Из-за социально-политических условий он эмигрировал из Средней Азии, но навсегда сохранил образ Востока как место своего детства. Наследуя дух и менталитет восточных народов и создавая национальные образы восточного мира, Волос стал своеобразным мостом между западной и восточной культурами.

Литература:

1. http://wiki.saripkro.ru/index.php/Формирование_духовнонравственных_ценностей_на_уроках_литературы
<http://festival.1september.ru/articles/587795/>
2. Давшан А. Н. Диалог культур в современном литературном процессе Узбекистана. // «Звезда Востока», № 3, 2012.
3. Малый шелковый путь. Т., 1999; Малый шелковый путь. Вып.2. ЛИА Р. Элинина
4. Изд. «Фан» АН РУз, 2003; Малый шелковый путь. Вып. 5. Т., 2004.

Лексические особенности заимствований в тексте новой редакции Конституции Республики Узбекистан

Дурдибоева Лобар Эргашевна, студент магистратуры
Ургенчский технологический университет RANCH (Узбекистан)

В статье рассматриваются лексические особенности заимствований, функционирующих в тексте новой редакции Конституции Республики Узбекистан. Анализируются источники заимствованной лексики, их тематическая классификация, степень языковой адаптации и функционально-стилистическая роль в официально-деловом и юридическом дискурсе. Особое внимание уделяется интернациональной общественно-политической и правовой терминологии, отражающей процессы глобализации и правовой модернизации.

Ключевые слова: заимствование, лексика, текст, конституция, юридическая терминология, интернационализм, официально-деловой стиль.

Новая редакция Конституции Республики Узбекистан, принятая в 2023 году, представляет собой нормативный текст высокой юридической силы, где кодифицируются базовые категории государственного устройства, правового статуса личности и институтов власти. Лексический состав такого текста закономерно тяготеет к «наднациональному» понятийному аппарату (универсальные правовые и политические термины) и одновременно фиксирует национально-специфические реалии (названия органов власти, административных единиц, общественных

институтов). В результате формируется смешанный слой лексики, где сосуществуют интернационализмы, исторически закрепившиеся заимствования, новые англицизмы (чаще — через терминологическую сферу) и локальные узбекизмы / реалии, транслитерированные в русскоязычной версии.

Современные узбекские лингвисты подчёркивают, что терминологическое пополнение языка происходит несколькими путями: через словообразовательные модели, калькирование, заимствование и семантическое расши-

рение уже существующих единиц [4, с. 4]. Для конституционного текста это особенно существенно, поскольку юридический смысл требует не только номинации явления, но и его однозначной интерпретации (минимизация полисемии и оценочности).

С точки зрения функциональной стилистики, Конституция относится к официально-деловой разновидности юридического дискурса: здесь доминируют стандартизированные клише, номинативность, терминологическая точность, а также прагматика «нормирования» (установление правил и статусов). В исследованиях по официальной коммуникации подчёркивается, что такие тексты обслуживают цели «выражения правового отношения к действительности», «организации институтов», «установления дипломатических и административных связей» [1, с. 190]. Эти цели прямо коррелируют с тем, какие заимствованные единицы закрепляются в тексте: как правило, это названия институтов (парламент, сенат, прокуратура), процедур (референдум) и абстрактных категорий (демократия, суверенитет).

В ядре русскоязычного конституционного текста находятся интернационализмы, закрепившиеся в юридической традиции. Уже преамбула демонстрирует плотность таких единиц: *демократия, свобода, равенство, социальная справедливость, государственный суверенитет, международное право* и др. [2, с. 1]. Эти слова, как правило, имеют книжную окраску и формируют «универсальный» понятийный каркас документа, обеспечивая сопоставимость конституционных формулировок с международно-правовым дискурсом.

Современные исследования административной лексики в русско-узбекском сопоставлении показывают важный механизм: заимствования «следуют за институциональными изменениями», то есть при появлении новых институтов часто переносится и их номинация [5, с. 36]. Это особенно релевантно конституционному тексту, поскольку он фиксирует структуру власти и базовые правовые механизмы государства.

Лексическая особенность интернационализмов в Конституции — их высокая абстрактность и «терминологическая безоценочность»: они маркируют не эмоцию, а юридическое понятие. В пределах конституционного дискурса это снижает риск «разночтений» и поддерживает требования юридической техники: понятие должно быть максимально стабильным и воспроизводимым в правоприменении.

Среди заимствований особую группу образуют термины, называющие формы народного волеизъявления и юридические процедуры. Пример — *референдум* (лат. через западноевропейские посредники), который в тексте задаёт точную юридическую процедуру: «...ставятся на всенародное голосование — референдум» [2, с. 2].

Функция таких заимствований в Конституции двойная:

- 1) номинативно-классифицирующая — термин «прикрепляет» норму к известному правовому институту;
- 2) интерпретационно-ограничительная — слово «референдум» включает набор процедурных признаков, ко-

торые далее раскрываются в отраслевом законодательстве, что обеспечивает преемственность правовой системы.

Для современного терминологического развития характерны гибридные образования и сочетание заимствованного компонента с национальным/родным. В узбекской терминологии такие модели описываются как продуктивные: термины могут быть «простыми, сложными, гибридными, парными, составными, аббревиатурными» [3, с. 53].

Русскоязычная редакция Конституции неизбежно фиксирует уникальные реалии узбекской государственности. В правовых текстах это не стилистическое украшение, а способ идентификации конкретного института. Например, когда в тексте фигурируют национальные названия органов власти или административных единиц, перевод «по смыслу» может быть недостаточным, потому что юридическое значение закреплено за официальным именем (включая орфографию и транслитерацию).

В узбекском конституционном тексте сосуществуют элементы разных источников: исконные тюркские, арабо-персидские и русские заимствования, встроенные в местные модели [5, с. 36]. В русскоязычном тексте эта многослойность проявляется в том, что ряд ключевых «узбекских» именовании сохраняется как официальные названия (через транслитерацию), а часть — представляется русскими юридическими эквивалентами.

Наряду с прямыми заимствованиями, важным механизмом формирования конституционной лексики является калькирование и семантическое уточнение существующих слов. Узбекские исследователи терминологии прямо указывают, что термин может формироваться не только путём заимствования, но и через кальку и «семантическое расширение» наличных единиц [4, с. 4].

Современная узбекская терминология фиксирует важную тенденцию: в XX веке значительный пласт интернациональных терминов входил «через русский язык», а в последние годы усиливается прямое проникновение англоязычных единиц [4, с. 4]. Для конституционного текста это означает следующее:

— базовая юридическая интернациональная лексика (демократия, суверенитет, конституция) исторически закреплена и стандартизирована;

— более новые заимствования (чаще из техносферы) в Конституции представлены минимально либо отсутствуют, поскольку основной корпус норм описывает «стабильные» государственно-правовые категории.

Исследования отечественных ученых в области дипломатической терминологии показывают, что классификация терминов по структуре (простые/сложные/гибридные/аббревиатуры) важна для описания того, как единица интегрируется в язык [3, с. 53]. В конституционном тексте предпочтение отдаётся формам с высокой степенью стандартности:

— устойчивые интернациональные существительные (референдум, демократия),

— юридические абстрактные номинации (суверенитет, справедливость),

— устойчивые сочетания (международное право).

Именно поэтому лексическая вариативность (дублиеты, разговорные варианты, альтернативные номинации) в Конституции практически исключена: документ задаёт эталон формулировки для всех последующих актов.

Таким образом, заимствованная лексика в конституционном тексте выполняет номинативную, системообразующую и интегративную функции, обеспечивая точность формулировок и соответствие международным правовым стандартам.

Литература:

1. Илмухаметов Б. Б. Официальная коммуникация и язык государственного управления в современном Узбекистане // Вестник Узбекского государственного университета мировых языков. — 2023. — № 2. — С. 185–196.
2. Конституция Республики Узбекистан (новая редакция). — Ташкент, 2023. — 96 с.
3. Мавлянов Д. Р. Дипломатик терминологиянинг лексик-семантик хусусиятлари (ўзбек ва рус тиллари материаллари асосида). — Тошкент: Фан ва технологиялар, 2024. — 168 б.
4. Мирханова Н. Ш. Замонавий ўзбек тилида термин яратиш усуллари ва заимстволарнинг роли // Ўзбек тили ва адабиёти. — 2025. — № 1. — С. 3–11.
5. Филология ва педагогика. Илмий-назарий журнал. Махсус сон: Маъмурий ва ҳуқуқий лексика муаммолари. — Тошкент, 2025. — № 1. — С. 30–42.

Локализация и перевод деловых и юридических текстов

Жаровина Полина Петровна, студент

Научный руководитель: Рычкова Людмила Васильевна, кандидат филологических наук, доцент
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Беларусь)

В статье автор рассматривает локализацию и перевод деловых и юридических текстов как комплексный процесс, требующий учёта норм целевой культуры и правовой системы.

Ключевые слова: локализация, перевод, деловые тексты, юридические тексты, межкультурная коммуникация, правовая система, адаптация текста.

Перевод и локализация деловых и юридических текстов требует единого, комплексного подхода, поскольку цель работы с такими документами — передать их смысл точным и понятным для целевой аудитории образом, соответствующим нормам целевой культуры и правовой системы.

В условиях глобализации, профессиональная работа с международными документами объединяет перевод и локализацию ради получения понятного и юридически корректного текста. Ниже рассмотрим общие принципы и причины единства переводческих и локализационных стратегий применительно к деловым и юридическим материалам и их региональные особенности.

Перевод официально-деловых и юридических документов опирается на ряд ключевых принципов, которые одинаково важны и при локализации для иной юрисдикции:

1. Точность и однозначность. Самый главный принцип — это обеспечение максимальной точности передачи смысла оригинала и исключение двусмысленностей. Юридический перевод должен быть точным, поскольку любая ошибка может повлечь серьезные последствия. Например, переводчик юридических текстов обязан подбирать строго эквивалентные термины для каждого понятия, избегая вольных трактовок [1].

В деловой документации ценятся ясность и краткость изложения — перевод должен быть ёмким, понятным и не содержать избыточных конструкций [1].

2. Терминологическая согласованность. Как деловые, так и юридические тексты требуют единства терминологии. В юридических документах термин, повторяющийся «из строки в строку», используется намеренно, чтобы избежать двусмысленности, и переводчик должен отражать эту согласованность [2]. Глоссарии и терминологические базы часто используются для обеспечения того, чтобы термины (например, 宪法/Конституция) каждый раз переводились одинаково. Единообразие терминов повышает точность и понятность перевода, а при локализации — учитывает возможные различия правовых терминов в другом языке. Например, стандарт ISO 20228 для юридического перевода особо подчеркивает требование последовательности и точности терминологии [3].

3. Юридическая эквивалентность: особенно в случае юридических текстов (и деловых контрактов) перевод такого документа должен быть юридически равнозначен оригиналу [4]. Часто это означает поиск эквивалентов исходных терминов в правовой системе страны перевода [5]. Цель состоит в том, чтобы сохранить предполагаемые права, обязанности или последствия для бизнеса в контексте языка

перевода. Переводчик должен учитывать различия правовых систем: иногда прямая калька термина непонятна или неприменима в целевом языке, тогда требуется подобрать аналог, который будет актуален. Тем не менее, юридическая сила документа должна оставаться той же. При локализации это может означать приведение текста в тот вид, который соответствует требованиям местного законодательства (например, включение обязательных юридических оговорок, адаптация ссылок на законы) [6].

4. Конфиденциальность и этичность. Работа с юридическими и бизнес-документами требует строгого соблюдения конфиденциальности. Переводчики и локализаторы обязаны защищать чувствительные данные, соблюдать профессиональную этику, особенно при работе с контрактами, финансовыми отчетами, персональными данными и т.д. [6].

Международные стандарты (например, ISO 20228, который мы упоминали выше) регламентируют этические аспекты предоставления переводческих услуг, что является неотъемлемой частью качественного перевода юридических текстов [3].

Таким образом, качественный перевод и локализация деловых и юридических текстов базируются на точности, стандартизации языка, терминологической согласованности, эквивалентности юридического содержания и соблюдении профессиональных норм. Эти принципы обеспечивают понятность документа для получателя и юридическую действительность перевода.

Единство подходов особенно наглядно демонстрируется в конкретных ситуациях, связанных с переводом документов, предназначенных для международного использования. Рассмотрим несколько примеров.

1) Международные двуязычные контракты. Когда компании из разных стран заключают контракты, часто создаются двуязычные версии соглашения (например, на английском и китайском или русском и английском языках). В таких случаях переводчик не просто переводит оригинал, но и учитывает, как контракт будет выглядеть на втором языке с юридической точки зрения. Локализация предполагает адаптацию структуры и терминологии к каждому языку, чтобы обе языковые версии имели равную юридическую силу. Как показывает практика, лучший подход — изначально подготовить параллельный двуязычный текст с одинаковой структурой и включить оговорку о преобладающем языке (*prevailing language clause*), которая прямо указывает, какая версия имеет приоритет в случае расхождений [7]. Например, в договоре между китайской и иностранной компанией обычно оговаривается, что в случае спора преимущественную силу имеет китайская версия. Это требует, чтобы китайский перевод был максимально точным и понятным китайской стороне. Однако другая версия также должна быть максимально эквивалентной, так как оговорка о преобладающем языке не избавляет стороны от необходимости создания точного перевода, от которого зависит их взаимопонимание.

Данный пример демонстрирует, что недостаточно просто перевести договор, и что его необходимо локализовать для каждой правовой системы. При этом обе версии должны быть согласованы сторонами.

2) Стандартные формы и шаблоны. Во многих деловых и юридических документах (банковских формах, визовых заявлениях, формах регистрации компаний и т.д.) используются шаблоны, которые необходимо переводить и локализовывать. Например, форма, предназначенная для русскоязычной аудитории, будет переведена на китайский язык, но прямой буквальный перевод может быть неподходящим для китайских партнёров, если, например, поля не будут переупорядочены в соответствии с местными стандартами. Локализация в данном случае включает адаптацию единиц измерения, форматов даты, названий и даже формата бумаги к принятому в стране стандарту. Если в форме китайской компании указывается адрес, переводчик не только переведет слова, но и обеспечит соответствие порядка улицы, города, почтового индекса белорусскому/российскому формату (который отличается от китайского формата). Аналогичным образом, юридические шаблоны, такие как доверенности или уставы, часто содержат ссылки на законы или ведомства: их необходимо заменить правильными местными ссылками или предоставить пояснение [8]. Таким образом, качественный перевод и локализация шаблона предотвращают недопонимание и гарантируют, что документ будет являться актуальным в рамках международного сотрудничества.

3) Деловые письма и переписка. Перевод деловых писем — яркий пример того, как перевод сочетается с локализацией. Например, письмо китайской компании белорусскому партнеру (написанное на китайском языке) будет переведено на русский язык для использования в Беларуси с учётом культурных нюансов. Китайские деловые письма могут содержать вежливые фразы или косвенные выражения, которые не имеют прямого эквивалента в русскоязычном официальном письме. Переводчик найдет аналогичный способ передать уважение или намерение. И наоборот, при переводе русскоязычного делового письма на китайский язык необходимо помнить о добавлении форм вежливости и избегать чрезмерно резких высказываний, чтобы соответствовать китайскому этикету [8]. Специалист, работающий с подобной корреспонденцией, скорректирует такие элементы таким образом, чтобы тон и стиль письма производили на получателя такой же эффект, как и оригинал. В результате получается перевод, который не только точно передает содержание, но и выглядит естественным для читателя — это и есть сочетание переводческих навыков и локализации.

Перевод и локализация деловых и юридических текстов требуют единого, комплексного подхода, поскольку конечной целью является точная и юридически обоснованная передача смысла для целевой аудитории. Ключевые общие принципы включают терминологическую согласованность, юридическую эквивалентность и функ-

циональную ясность — всё это гарантирует не только лингвистическую правильность текста, но и его соответствие правовым нормам целевого языка.

Точная и последовательная терминология имеет важное значение, особенно в юридически обязывающих документах, где каждый термин должен иметь точный эквивалент в языке перевода. В обязанности переводчика часто входит локализация терминов, не имеющих прямых эквивалентов, для сохранения той же юридической силы. Конфиденциальность, профессиональная этика и соблю-

дение международных стандартов, также играют центральную роль в обеспечении качества.

Практические примеры, такие как двуязычные контракты, стандартизированные формы и деловая переписка, показывают, что успешный перевод должен дополняться локализацией, что включает адаптацию структуры документа, форматирования, юридических ссылок и коммуникативного тона к ожиданиям целевой правовой системы и аудитории (например, между русско- и китайскоязычной лингвокультурами).

Литература:

1. Боблева, Е. И. Особенности перевода официально-деловой документации / Е. И. Боблева, Д. К. Ефимов // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. — 2021. — № 3 (51). — С. 110–113.
2. Особенности перевода официально-деловых текстов // PrimaVista. — URL: <https://www.primavista.ru/rus/articles/osobennosti-perevoda-oficialno-delovyh-tekstov> (дата обращения: 11.12.2025).
3. Принципы юридического толкования — ISO 20228 // Conference-Interpretation.asia. — URL: <https://conference-interpretation.asia/ru/принципы-юридического-толкования> (дата обращения: 15.11.2025).
4. Маракин, Д. О. Особенности, правила и способы перевода текстов юридической направленности / Д. О. Маракин // Международный научный журнал «Вестник науки». — 2025. — Т. 1, № 6 (87). — С. 1190–1194.
5. Legal Localization in Translation: What You Need to Know // Traductions Nexus. — URL: <https://traductionsnexus.com/en/legal-localization-in-translation/> (date of access: 28.11.2025).
6. Why Legal Texts Need Expert Translation and Localization? // Localization Agency. — URL: <https://www.localization.agency/why-legal-texts-need-expert-translation-and-localization/> (date of access: 28.11.2025).
7. What Strategic Considerations Guide High-Stakes Legal Translation for China? // HI-COM (translate.hicom-asia.com). — URL: <https://translate.hicom-asia.com/question/what-strategic-considerations-guide-high-stakes-legal-translation-for-china/> (date of access: 01.12.2025).
8. «本地化»在法律文件翻译中的作用是什么? // ChinaPharmConsulting. — URL: https://www.chinapharmconsulting.com/cn/hy_zs/47765.html (date of access: 01.12.2025).

К вопросу о понятии «эквивалентность» в теории перевода

Жукова Екатерина Олеговна, студент магистратуры
Московская международная академия (г. Москва)

В статье автор исследует различные подходы к определению понятия «эквивалентность» в теории перевода.

Ключевые слова: эквивалентность, перевод, исходный текст, целевой текст.

Понятие эквивалентности является одним из ключевых в теории перевода, что обуславливает необходимость четко определить его содержание и смысловые границы. Сам термин «эквивалентность» имеет латинское происхождение и образован от корней *aequus* — «равный» и *valens* — «обладающий силой» [8].

Согласно философскому энциклопедическому словарю эквивалентность в широкой трактовке представляет собой обозначение «всевозможных отношений типа равенства, т. е. отношений, обладающих свойствами рефлексивности, симметричности и транзитивности» [13].

Таким образом, в обобщенном виде эквивалентность определяется как равнозначность или равноценность двух или более объектов, утверждений или понятий,

т. е. данное понятие описывает ситуацию, когда что-то одно можно заменить на другое без потери смысла или ценности.

Необходимо отметить, что само по себе понятие «эквивалентность» не является эксклюзивным для теории перевода, оно широко используется и в других областях знаний, к примеру, таких как экономика, математика и логика. Если в экономике оно означает равноценность товаров или равнозначность активов, то в логике эквивалентность указывает на равносильность высказываний или понятий, а в математике — соответствие между двумя множествами.

Что касается времени появления термина «эквивалентность» собственно в науке переводоведения, то большин-

ство исследователей связывают его с именем выдающегося русского и американского лингвиста Р. О. Якобсона, который в своей статье «О лингвистических аспектах перевода», опубликованной в 1959 году, впервые использовал термин эквивалент применительно к художественному переводу.

По мнению Р. О. Якобсона, «эквивалентность — это интерпретация словесных знаков посредством другого языка» [15]. Учёный подчеркивал, что полная эквивалентность между языками невозможна, поскольку каждый язык имеет уникальную структуру, лексику и культурные особенности.

В 1960–1980-е годы начался интенсивный этап внедрения понятия «эквивалентность» в переводоведческую науку, при этом значительный вклад в изучение проблемы достижения эквивалентности в переводе в то время внесли американские лингвисты Ю. Найда, Дж. Кэтфорд и Дж. Касагранде.

Ю. Найда разработал концепцию динамической эквивалентности, согласно которой перевод требует такой адаптации лексических и грамматических средств, чтобы итоговый текст воспринимался так, «как если бы автор писал непосредственно на другом языке». Динамическая эквивалентность ориентируется на восприятие реципиента и стремится обеспечить сопоставимое влияние переведённого текста на читателя [10].

Динамической эквивалентности Ю. Найда противопоставлял формальную эквивалентность, при которой переводчик стремится найти для каждого слова оригинала не идентичное, но близкое по семантике значение.

Дж. Кэтфорд в своей работе «Лингвистическая теория перевода» 1965 года рассмотрел ряд важнейших теоретических вопросов перевода, включая вопрос о понятии и условиях эквивалентности перевода. Учёный определял эквивалентность перевода как «замену текстового материала на исходном языке эквивалентным текстовым материалом на языке перевода» [9].

Суть подхода Дж. Кэтфорда к эквивалентности перевода заключается в том, что эквивалентность не означает формального или дословного совпадения, а скорее соответствие между элементами исходного и переводного текстов на основе их различительных признаков и ситуативной уместности. Согласно Дж. Кэтфорду, эквивалентные единицы могут занимать схожие позиции в своих языковых системах, но их значения не будут полностью совпадать из-за структурных, семантических, культурных и коннотативных различий в самих языках [9].

Дж. Касагранде в своих работах предложил понятие «абсолютная эквивалентность, суть которого состоит в обеспечении одинаковой реакции получателей текста на переводящем языке. Для проверки этой эквивалентности, по его мнению, необходимо достичь одинаковой реакции аудитории, как если бы они прочитали исходный текст [11].

Нетрудно заметить, что понятие эквивалентности перевода Дж. Касагранде весьма близко к концепции «ди-

намической эквивалентности» Ю. Найды, поскольку оба учёных подчёркивали, что задача переводчика не просто «переложить» слова с одного языка на другой, но добиться того, чтобы перевод был понят и воспринят так же, как и оригинал у носителей исходного языка.

Выдающийся немецкий лингвист О. Каде, оказавший значительное влияние на развитие теории перевода, разработал теорию переводческой эквивалентности. Он определял эквивалентность перевода как инвариантность плана содержания и плана выражения текста оригинала и перевода, то есть сохранение смысловой нагрузки и языковой формы. Он определял эквивалентность перевода как сохранение неизменными как содержания, так и способов выражения оригинала, то есть передачу той же смысловой нагрузки и языковой формы. В последующих работах О. Каде расширил это представление: отказавшись от узкой привязки к соотношению языковых знаков, он стал рассматривать эквивалентность в широкой коммуникативной перспективе, учитывающей целостную роль текста в общении [6].

Такое понимание термина «эквивалентность» представляется наиболее исчерпывающим, поскольку в переводе эквивалентность включает не только семантическую и языковую схожесть с оригиналом, но и коммуникативную эквивалентность — сохранение коммуникативной цели и функциональных доминант исходного текста. Это подразумевает, что перевод должен вызывать у целевой аудитории такую же реакцию или выполнять те же функции, что и оригинал, то есть сохранять его прагматическое воздействие.

Другой немецкий исследователь А. Нойберт определял эквивалентность как сохранение прагматического отношения текста оригинала, то есть сохранение характера воздействия текста на получателя. По его мнению, в переводе должна быть сохранена именно направленность текста оригинала, тогда как грамматика и семантика могут быть адаптированы под язык перевода, главное — это сохранение прагматической функции [12]. Таким образом, во главу угла при переводе учёный ставил именно передачу коммуникативных ценностей.

Г. Егер соглашался с А. Нойбертом в том, что текст перевода должен быть эквивалентен тексту оригинала на коммуникативном уровне. Он рассматривал эквивалентность перевода как сохранение коммуникативной значимости оригинала, которая включает в себя как лингвистическую часть (смысл), так и экстралингвистическую (контекст и цель). По его мнению, перевод считается эквивалентным, если он выполняет ту же функцию и передает тот же смысл, что и исходный текст [3]. Для одного исходного текста может существовать множество эквивалентных переводов, поскольку они могут различаться в зависимости от коммуникативной ситуации.

Примечательно, что многие исследователи, подчеркивая сложность и многоплановость понятия «эквивалентность», в принципе отказываются от попытки сформулировать хоть сколько-нибудь полное его определение.

Так, М. Хэллидей указывает на то, что эквивалентность, как понятие контекстуальное, не может быть измерена, и поэтому дать ей строгое определение невозможно [3].

В отечественной переводоведческой литературе подходы к определению эквивалентности различаются по акценту на семантические (смысловое совпадение) или формальные (структурное, стилистическое) аспекты. Семантический подход подчеркивает близость содержания, в то время как формальный фокусируется на структурном и языковом соответствии между оригиналом и переводом.

А. Д. Швейцер определял эквивалентность перевода как сохранение доминантной функции высказывания. Эквивалентность отдельных слов, по его мнению, предполагает максимально возможную близость всех компонентов семантической структуры слов, формирующих содержание текста.

По А. Д. Швейцеру, главная задача перевода — обеспечить коммуникативную эквивалентность, то есть добиться одинакового коммуникативного эффекта в исходном и переводном текстах. Эта эквивалентность связана с функциональной, требующей сохранения функциональных доминант оригинала. Когда коммуникативная эквивалентность охватывает семантический и прагматический уровни и подкрепляется функциональной, можно говорить о полной эквивалентности. [14].

По мнению В. С. Виноградова, под эквивалентностью следует понимать «сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе» [4].

Исследователь подчеркивает, что эквивалентность между оригиналом и переводом в первую очередь предполагает единство восприятия содержащейся в тексте информации — как той, что апеллирует к разуму, так и той, что затрагивает эмоциональную сферу адресата [4]. Подобно своим предшественникам, ученый подчеркивал невозможность полного переноса всех компонентов содержания подлинника.

В. Н. Комиссаров видит основной целью перевода максимально полное воспроизведение содержания оригинала, а под эквивалентностью понимает смысловую общность соотнесенных единиц языка и речи [7].

Л. С. Бархударов определяет эквивалентность как «семантическую категорию, реализующуюся в смысловом совпадении текстов на языке оригинала и текста на языке перевода». Ученый подчеркивает, что сопоставимость оригинала и перевода определяется не отдельными языковыми единицами и даже не изолированными предложениями, а текстом в целом (при этом предложение может рассматриваться как минимальная единица текста). Только на уровне целостного текста становится возможна подлинная семантическая эквивалентность, что, в свою очередь, требует применения переводческих трансформаций [2].

Российский переводовед Н. К. Гарбовский в своих работах исследует категорию эквивалентности, опираясь на

семантический анализ понятия. Он отмечает, что термин «эквивалент» обозначает объект, равнозначный другому в той мере, что при его замене получается полноценная подмена. Исходя из этого, Гарбовский делает вывод: эквивалентность не предполагает абсолютную взаимозаменяемость сопоставляемых текстов, а возможна лишь в определённом аспекте. Поэтому, по мнению ученого, рассмотрение эквивалентности как неабсолютной категории предотвращает максималистские оценки качества перевода [5].

Среди современных российских исследователей, работающих над проблемой переводческой эквивалентности, следует также выделить И. С. Алексееву. Она рассматривает эквивалентность как комплексное понятие, включающее как конечный продукт перевода, максимально приближённый к оригиналу, так и языковые средства, применённые для его достижения. Алексеева утверждает, что современная теория перевода ушла от представления о достижимости абсолютной копии исходного текста [1].

По итогам своих исследований И. С. Алексеева приходит к схожему с Гарбовским выводу: полная передача всей информации оригинала и точное восстановление текста через перевод невозможны. Перевод не обеспечивает абсолютного тождества между исходником и переводом; соответственно переводческая эквивалентность означает достижение наибольшего возможного соответствия, опирающегося на высокий профессионализм переводчика.

Большинство исследователей рассматривают эквивалентность как центральное условие существования перевода, что отражено и в определениях самого понятия.

Ю. Найда указывал, что перевод должен обеспечивать на языке перевода максимально близкое и естественное соответствие оригиналу — «наиболее близкий естественный эквивалент» [10].

Анализ различных точек зрения ученых-переводоведов на содержание понятия «эквивалентность» позволил прийти к выводу, что единого определения эквивалентности не существует: так же, как разные трактовки перевода возникали на разных этапах развития переводоведения, разнообразные представления об эквивалентности отражают историческое изменение взглядов на природу перевода.

Определения эквивалентности в настоящее время варьируются от максимально близкого соответствия в переводе до более абстрактных понятий, таких как сохранение цели коммуникации, идентификация ситуации, или функциональная и прагматическая идентичность текста.

Полная трактовка эквивалентности должна отражать многоуровневость этого понятия — его обусловленность семантикой, структурой, функциями, коммуникативно-прагматическими особенностями, жанровыми чертами и другими значимыми свойствами текста.

Наиболее верным в этой связи представляется понятие эквивалентности перевода, предложенное В. С. Виноградовым: «эквивалентность — это сохранение отно-

сительного равенства между оригиналом и переводом по содержательной, смысловой, стилистической и функционально-коммуникативной информации» [4].

Эквивалентность выступает ключевым параметром перевода, позволяющим достигать смысловой соизмеримости исходного и целевого текстов. При этом полное то-

ждество с оригиналом практически недостижимо из-за семантических, структурных и прагматических расхождений между ними. Следовательно, верхней границей переводческой эквивалентности можно считать максимально возможную степень сохранения содержания оригинала в переводе.

Литература:

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева. — М.: Издательский центр «Академия», 2004.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. — М.: Международные отношения, 1975.
3. Брыкина С. В., Широкова Д. А. Эквивалентность перевода: лексематический аспект / С. В. Брыкина, Д. А. Широкова // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. — 2012. — № 27.
4. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. — М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001.
5. Гарбовский Н. К. Теория перевода: учебник и практикум для вузов / Н. К. Гарбовский. 3-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2023.
6. Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / О. Каде; отв. ред. В. Н. Комиссарова. — М.: Международные отношения, 1978.
7. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. — М.: Высш. шк., 1990.
8. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. — М.: Наука, 1975.
9. Кэтфорд Д. К. Лингвистическая теория перевода. Об одном аспекте прикладной лингвистики / Д. К. Кэтфорд; перевод В. Д. Мазо. — М.: Либроком, 2009.
10. Найда Ю. Теория и практика перевода / Ю. Найда. — М.: Brill, 1978.
11. Сдобников В. В. Коммуникативно функциональный подход к переводу в западном переводоведении / В. В. Сдобников // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2010. № 1.
12. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода / А. Нойберт. — М.: Международные отношения, 1978.
13. Фролов И. Л. Философский словарь / И. Л. Фролов. — М.: Республика, 2001.
14. Швейцер А. Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты) / А. Д. Швейцер; под ред. В. Н. Ярцевой. — М.: Наука, 1988.
15. Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода: избранные работы / Р. О. Якобсон. — М.: Прогресс, 1985.

Особенности англоязычного юридического текста как объекта предпереводческого анализа

Жукова Екатерина Олеговна, студент магистратуры
Московская международная академия (г. Москва)

В статье автор анализирует особенности англоязычного юридического текста как объекта предпереводческого анализа.

Ключевые слова: юридический текст, предпереводческий анализ, юридический термин.

Юридический текст представляет собой особый вид письменной коммуникации, объективированной в виде официального письменного документа и отличающейся своей функциональной направленностью и специфическими лингвистическими характеристиками. Основная цель таких текстов — регламентирование пра-

вовых отношений, фиксация обязательств и полномочий сторон, а также обеспечение юридической определённости в их правовом положении [4].

Юридические тексты обладают рядом особенностей, которые делают их перевод особенно сложным. Для юридических текстов характерны использование клиширо-

ванных фраз, сложные синтаксические конструкции, использование причастных, инфинитивных оборотов и герундиальных форм, что создает потребность в тщательном разборе каждой части текста для исключения потерь смысла.

Джон Э. Джозеф подчеркивает, что перевод юридических текстов любого рода — это практика, которая находится на стыке трех областей теоретических исследований: теории права, теории языка и теории перевода [13].

Понятие «юридический перевод» используется в теории и практике перевода для обозначения перевода текстов, относящихся к области права и используемых для обмена юридической информацией между людьми, говорящими на разных языках.

Е. С. Ошанова отмечает, что юридический перевод представляет собой разновидность информативного перевода, главной целью которого является наиболее полная передача и отражение содержащихся в тексте сведений.

В самом общем виде юридический перевод, по мнению Е. С. Ошановой, можно определить как адаптацию системы понятий и процедурных сценариев правовой культуры текста на языке оригинала к системе соотносимых понятий и сценариев правовой культуры в тексте на языке перевода [9].

Т. А. Александрова, подчеркивая наличие ряда специфических черт юридического дискурса (высокая формализованность, терминологичность, клишированность, архаичность), которые предопределяют специфику перевода юридических текстов, отмечает: «Юридический перевод является в большей степени актом межкультурной коммуникации, чем актом межъязыковой коммуникации, поскольку в переводческий контакт вступают разные правовые системы и правовые культуры, несовпадения в которых обуславливают многие проблемы юридического перевода» [1].

Процесс перевода юридических документов включает в себя несколько этапов, одним из которых является предпереводческий анализ. Г. В. Терехова дает следующее определение понятия «предпереводческий анализ»: «предпереводческий анализ — это предварительное изучение текста перевода, в ходе которого текст рассматривается с точки зрения его типа, структуры, коммуникативной цели, рецептора и т. д.» [11].

На основе вышеприведенного определения можно сделать вывод, что предпереводческий анализ юридического текста — это обязательный подготовительный этап работы переводчика, предшествующий самому переводу, на котором происходит глубокое изучение исходного текста для выявления его особенностей, коммуникативной задачи и разработки наиболее эффективной переводческой стратегии.

Предпереводческий анализ позволяет переводчику увидеть текст в его смысловом и структурном единстве, подобрать соответствующие средства перевода, обратить внимание на специфические особенности оригинала и выбрать лучшие пути решения переводческих задач, определить уровень эквивалентности перевода [6].

Предпереводческий анализ складывается из нескольких операций или этапов. Наиболее универсальным является подход И. С. Алексеевой к определению этапов предпереводческого анализа, они включают в себя:

1. Сбор внешних сведений о тексте предполагает выяснение времени создания и публикации оригинала, описание источника, автора и реципиента.

Так, если деловое письмо написано от имени организации и в ее интересах, то, следовательно, настоящий источник — эта организация, а не подготовивший письмо сотрудник. Поэтому при переводе такого делового письма следует выбирать соответствующие языковые средства для передачи официально-делового стиля данного текста на иностранном языке.

2. Определение состава информации, т. е. выявление вида информации, заложенной в тексте. По мнению И. С. Алексеевой, существует четыре вида информации:

- когнитивная, которая включает объективные сведения о внешнем мире (к когнитивной информации договора, к примеру, относятся такие его составляющие, как: название фирмы, имя и должность автора письма, наименование товара и т. д.) [3].

О. Г. Скворцов указывает, что юридические, научные и деловые тексты содержат в основном когнитивную информацию, т. е. имеют информационно-терминологический характер (большое количество информации, выраженной в терминах) [10].

- оперативная, представленная побуждениями к совершению определённых действий путём применения различных побудительных средств (формы глагольного императива, модальные глаголы и т. п.). По мнению К. М. Левитана, законодательные юридические тексты содержат именно оперативную информацию, поскольку имеют властно-обязательный характер, влекущий правовые последствия.

- эмоциональная (экспрессивная), т. е. содержащая сведения, относящиеся к сфере чувств (приветствие, прощание, слова оценки и т. п.). Экспрессивная информация также может быть включена в официально-деловые документы (приветствия и прощания, эмоционально высказанные мнения и оценки). Эмоциональная информация в таких документах ограничена рамками делового этикета и поэтому должна передаваться при переводе соответствующими языковыми средствами с теми же ограничениями.

- эстетическая, т. е. информация, представленная метафорами, рифмой, игрой слов, эпитетами и другими стилистическими тропами, привлечением невербальных знаков, средствами фонетической стилистики. Эстетическая информация, как правило, в юридических документах отсутствует.

3. Определение плотности информации (компрессивности), которая может быть высокой, средней или низкой. Повышение плотности информации свойственно только когнитивному виду. Например, в юридических текстах

текстах используется множество терминов, сокращений и т. п. — средств повышения плотности информации.

4. Определение коммуникативной цели (коммуникативного задания) текста — предполагает предварительное изучение текста с точки зрения его коммуникативной задачи, к примеру, цель юридического текста может быть связана с правовым регулированием общественных отношений и упорядочением поведения граждан.

5. Определение речевого жанра и стиля. Речевой жанр (функциональный стиль) выявляет стилевые особенности текста, на которые следует обратить внимание при переводе. Для освоения техники юридического перевода необходимо хорошо знать соответствующую терминологию и особенности структуры текстов различной стилистической разновидности.

В. А. Салимовский отмечает, что правовая сфера полностью лежит в основе официально-делового стиля, в рамках которого выделяются три подстиля: законодательный (нормативные акты), юрисдикционный (правоохранительные органы и система правосудия) и административный (административные и гражданско-правовые отношения) [7].

Шлепнев Д. Н. указывает, что в настоящее время «можно с полным правом заявить о существовании юридического стиля, который, в свою очередь, детализируется далее (стиль договоров (контрактов), стиль нормативно-правовых актов, стиль судебных решений, стиль учредительных документов юридических лиц и т. д.)» [12]. Между тем, полагаем необходимым рассматривать юридический стиль как разновидность официально-делового функционального стиля.

Практически все специалисты в области юридического перевода в той или иной степени единодушны в том, что одной из главных его составляющих является юридическая терминология, характеризуя её как ключевой или главный компонент юридического текста и, соответственно, его предпереводческого анализа.

К. М. Левитан полагает, что ключевым звеном юридического текста в юридическом аспекте является юридический термин, которому уделяется особое внимание, поскольку юридический перевод представляет собой передачу смысла юридического текста посредством «подбора адекватных переводческих соответствий на уровне слов и словосочетаний» [8].

Под юридическими терминами принято понимать слова или словосочетания, которые имеют специфическое юридическое значение и служат для выражения определённых правовых понятий. Терминология же представляет из себя совокупность терминов различных сфер (гражданского, уголовного, административного) права.

Рассматривая вопросы трансформации при переводе юридических терминов, ученые предлагают классифицировать их на основе морфологического состава на три группы:

- простые термины (justice — правосудие, юстиция, evidence — улика, свидетельское показание);

- составные термины или терминологические сочетания (tax law налоговое законодательство, legal proceeding — судопроизводство, процессуальные действия);

- сокращения или аббревиатуры (DOJ — Department of Justice — Министерство юстиции США, CtAppeal — Court of Appeal — апелляционный суд) [2].

В зависимости от области применения юридическая лексика делится на четыре категории.

Первая включает общеупотребительные термины, встречающиеся в разных сферах общественной жизни и прочно вошедшие в обиход (например, Justice — правосудие, справедливость).

Вторая категория охватывает слова, широко понятные, но имеющие более узкую специфику и реже используемые в повседневной речи (plaintiff and defendant — истец и ответчик; abuse of rights — злоупотребление правом).

Третья — это собственно юридические термины, значение которых без специальной подготовки определить трудно (The «Miranda rule» — право не давать показаний против себя; John Doe and Richard Roe — условные имена истца и ответчика, применяемые при анонимности или неизвестности реальных лиц).

Четвёртая группа содержит технические термины, относящиеся к смежным областям (экономике, политике, медицине) и пересекающиеся с правовой сферой (Beneficial ownership — бенефициарное владение, Medical malpractice — врачебная ошибка (проф. халатность)).

Лексемы юридической сферы по отраслевой принадлежности целесообразно разделять на три группы. Первая — общеюридические термины, фиксирующие базовые, универсальные правовые категории (например, contract — контракт, договор). Вторая — межотраслевые единицы, используемые в нескольких ветвях права (например, force majeure — непреодолимая сила, применимо в гражданском и финансовом праве). Третья — отраслевые термины, функционирующие преимущественно в пределах конкретной сферы правоотношений (например, plea bargain — сделка о признании вины; custody — опека/определение места жительства ребенка) [2].

Британский филолог Д. Кристал, анализируя развитие юридической терминологии в британском и американском вариантах английского языка, выделил три группы юридических терминов с точки зрения их происхождения: термины, употребляющиеся только в британском варианте (англицизмы); термины, употребляющиеся только в американском варианте (американизмы); термины, пришедшие из одного или другого варианта и ставшие частью стандартного английского языка (World Standard English — WSE) [14].

Важно также отметить, что английский язык, будучи динамичной и адаптивной системой, на протяжении своей истории активно впитывал элементы других языков. Особое место в этом процессе занимали латинский и французский языки, чье влияние на английскую юридическую терминологию является фундаментальным. Это влияние обусловлено глубокими историческими, по-

литическими и культурными связями, которые сформировались между Англией и континентальной Европой, а также ролью латыни как языка международного общения и права на протяжении многих веков.

В английской юридической терминологии сохранилось множество латинских заимствований, к примеру: *alibi* (от лат. «где-то в другом месте») — доказательство пребывания обвиняемого в другом месте в момент совершения преступления, *de facto* (от лат. «фактически») — существующий в действительности, независимо от законного оформления, *de jure* (от лат. «по праву») — законно, юридически.

Существует также ряд терминов, которые либо непосредственно пришли из французского, либо имеют французские корни и используются в русском и английском праве. Так, к примеру, термин «*force majeure*» (форс-мажор) означает непреодолимые обстоятельства, которые освобождают от ответственности.

Поскольку правовые системы североамериканских колоний Британии после провозглашения независимости США в 1776 году стали развиваться путём, отличным от пути развития правовой системы Великобритании и других её колоний, это повлияло на юридическую терминологию в британском и американском вариантах английского языка.

В результате одно и то же понятие зачастую обозначается разными терминами. Так, Е. А. Дегтярева отмечает, что в Соединённом Королевстве и США, к примеру, используются различные термины для обозначения деловых ассоциаций: *company* — в британском праве, *corporation* — в праве США [5]. Сфера вещного права также сохраняет

следы исторического развития обеих стран. Английский термин «*freehold*», описывающий неограниченное владение землей, находит свой эквивалент в американском понятии «*fee simple*». При этом британская концепция длительного владения «*leasehold*» в США обычно сводится к терминам «*lease*» или «*rental agreement*», несмотря на вариативность законодательства различных штатов.

Необходимо отметить, что большая часть английской юридической терминологии все же совпадает по значению и используется и в британском, и в американском вариантах английского языка, это обусловлено тем влиянием, которое оказали традиции английского общего права на формирование правовой системы США.

Своеобразие правового лексикона продиктовано национально-культурным кодом государства, что находит отражение не только в наборе специфических дефиниций, но и в их смысловой глубине, а также в характере взаимодействия внутри терминосистемы. Таким образом, юридическое понятие выступает в роли лингвокультурной единицы, сформировавшейся под влиянием вековых традиций и профессиональной эволюции социума.

Юридическая понятийно-терминологическая система отражает политико-правовую культуру общества, его идеологию, нравственные и религиозно-духовные ценности». В этой логике предпереводческий анализ юридического текста неизбежно должен включать такой этап, как установление и соотношение объема понятий-концептов, передаваемых терминами-аналогами. Подбор эквивалентных соответствий на уровне лексем и их сочетаний в этой связи имеет решающее значение.

Литература:

1. Александрова Т. А. Стратегии достижения эквивалентности перевода юридических текстов с английского языка на русский / Т. А. Александрова // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. — 2023. — № 01 (93).
2. Александрова О. А., Коварская Н. А. Трансформации при переводе юридических терминов / О. А. Александрова, Н. А. Коварская // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. — 2016. — № 4 (8).
3. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева. — М.: Издательский центр «Академия», 2004.
4. Вяселева Р. Р., Короткова М. Д., Макшанцева Е. А. Специфика перевода правовых документов / Р. Р. Вяселева, М. Д. Короткова, Е. А. Макшанцева // Язык науки и профессиональная коммуникация. — 2020. — № 1(2).
5. Дегтярева Е. А. Юридические термины и их особенности в британском и американском вариантах английского языка / Е. А. Дегтярева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. — 2022. — № 3 (22). С. 286.
6. Ипполитова А. А. Предпереводческий анализ как один из этапов перевода / А. А. Ипполитова // Молодой ученый. — 2021. — № 49 (391).
7. Кожина М. Н. Стилистика русского языка: учебник. — 5-е изд. / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2016.
8. Левитан К. М. Юридический перевод: основы теории и практики: учеб. пособие / К. М. Левитан. — М.: Проспект; Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2011.
9. Ошанова Е. С. Лингвистические трансформации при переводе юридической терминологии с русского на английский и немецкий языки / Е. С. Ошанова // Вестник ИЖГТУ имени М. Т. Калашникова. — 2018. — № 4 (21).
10. Скворцов О. Г. Перевод деловой и юридической документации: учебное пособие / О. Г. Скворцов. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2021.

11. Терехова Г. В. Теория и практика перевода: Учебное пособие / Г. В. Терехова. — Оренбург: ГОУ ОГУ, 2004.
12. Шлепнев Д. Н. Юридический перевод, юридический текст, юридический дискурс: к вопросу об определении / Д. Н. Шлепнев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 12 (78).
13. Joseph J. E. Indeterminacy, Translation and the law / J. E. Joseph // Translation and the law, Morris Marshall / ed., American Translators Association Scholarly Monograph Series. Vol. VIII. — Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. — 1995.
14. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal // Cambridge University Press. — 2019.

Предпереводческий анализ русских культуронимов из романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза»

Исмагилова Регина Илмировна, студент магистратуры
Московская международная академия (г. Москва)

Статья посвящена предпереводческому анализу русских культуронимов в романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза». Цель — выявление, анализ культуронимов и обоснование роли предпереводческого этапа для их адекватной передачи. Исследование выявляет типы культуронимов, их роль в создании атмосферы романа, а также рассматривает переводческие трудности и подходы к их интерпретации. Работа актуальна для переводчиков и исследователей переводоведения.

Ключевые слова: культуронимы, трудность перевода, реалии, переводоведение, культурно-маркированная лексика, советская культура, лингвокультурология, художественный текст, идионим, ксеноним, полионим.

Роман Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» представляет собой уникальный лингвокультурный феномен современной русской литературы. Произведение, повествующее о судьбе татарской крестьянки, вырванной из привычного мира коллективизацией и репрессиями 1930-х годов, строится на глубоком столкновении культурных кодов. Этот конфликт находит прямое отражение в языке, насыщенном культурно-специфической лексикой — культуронимами, которые и становятся предметом настоящего предпереводческого анализа. Цель исследования заключается в систематизации этих языковых единиц, выявлении их функций в создании художественного мира и прогнозировании ключевых трудностей для их адекватной передачи на английский язык [1].

В центре внимания находятся 115 русских культуронимов, отобранных методом сплошной выборки. Их анализ позволяет утверждать, что в романе Яхиной язык выступает не просто средством номинации, а активным носителем исторической памяти и культурной идентичности. Доминирующими тематическими блоками, через которые раскрывается авторский замысел, становятся сферы быта и социально-политических реалий. Повседневный быт героев материализуется через плотный пласт лексики, описывающей жилище, одежду, пищу и утварь. Такие слова, как *изба*, *печь*, *лапти*, *чугунок* или *баланда*, выходят за рамки простого обозначения предметов. Они превращаются в символы, значение которых трансформируется по мере развития сюжета. Печь в родном доме Зулейхи — это сакральный центр мироздания, хранительница очага, тогда как в условиях сибирской ссылки тот же образ уступает место *бараку с нарами*, а запах домашней еды — *пайку* и *баланде*. Каждая из этих деталей стано-

вится полем битвы за сохранение человеческого достоинства и остатки идентичности в условиях, призванных их уничтожить. Этот же бытовой пласт обогащается татарскими реалиями (*лэгэн*, *казылык*), подчеркивающими вунтренний, интимный мир героини.

Прямой антитезой этому миру выступает лексика, формирующая каркас новой, насильственно навязываемой реальности.

Культуронимы *раскулачивание*, *НКВД*, *колхоз*, *трудодень*, *этап* — это не нейтральные понятия, а концепты-орудия, несущие в себе импульс государственного террора. Их культурная специфика и историческая маркированность не имеют прямых аналогов в англоязычной картине мира. Так, слово *раскулачивание* для Зулейхи является не экономическим термином, а синонимом личной катастрофы, точкой разрыва всей прежней жизни. Аббревиатура *НКВД* превращается в символ безликой и беспощадной репрессии. Административные наименования (*председатель*, *комендант*) и новые социальные ярлыки (*товарищ*, *враг народа*) фиксируют слом традиционной иерархии и рождение новой [2].

Для глубокого понимания функций культуронимов продуктивным оказывается их анализ через призму лингвокультурологических типов: идионимов, ксенонимов и полионимов. Идионимы, такие как название деревни *Юлбаш* (тат. «начало дороги») или река *Ангара*, служат не просто топографическими указателями, а насыщенными символами, маркирующими пространственно-временной континуум романа — от утраченной родины до места изгнания и нового становления. Татарские ксенонимы (*туй*, *калым*, *бабай*), органично вплетенные в русскоязычный текст, выполняют функцию «внутреннего» кода, через

который передается мировосприятие Зулейхи, ее связь с верой и традицией.

Наиболее сложной и значимой группой являются полионимы — устаревшие слова, воссоздающие атмосферу конкретной исторической эпохи. *Землянка, раскулачивание, трудовень* — эти единицы требуют от переводчика не просто поиска эквивалента, а реконструкции целого культурно-исторического контекста, без которого они теряют свою смысловую емкость и эмоциональную мощь. Именно в полионимах, как и в целом в пласте социально-политической лексики, концентрируются основные переводческие трудности. Проблема лексических и культурных лакун стоит наиболее остро: для многих реалий (*лапти, изба, трудовень, домовой*) в английском языке отсутствуют не только прямые соответствия, но подчас и сами концепты. Переводчик сталкивается с необходимостью передать не только денотативное значение, но и комплекс коннотаций, исторических ассоциаций и символических смыслов, которые для носителя исходной культуры являются самоочевидными. Дилемма баланса между «экзотизацией» (сохранением иноязычной формы) и «доместикацией» (адаптацией для целевого читателя) требует взвешенного подхода.

В качестве стратегий преодоления этих трудностей можно предложить комбинацию методов. Для ключевых,

семантически насыщенных культуронимов, несущих высокую идейную нагрузку (*раскулачивание, НКВД, намаз*), наиболее оправданы транслитерация или калькирование с обязательным контекстуальным раскрытием или комментарием. Описательный перевод и поиск функциональных аналогов могут быть применены к отдельным предметам быта. Все методы должны служить главной цели: сохранению в переводе той самой многослойности, где каждый культуроним выступает кирпичиком в построении аутентичного, эмоционально достоверного и исторически точного художественного мира

Таким образом, предпереводческий анализ культуронимов романа «Зулейха открывает глаза» подтверждает, что их адекватная передача является условием успешной межкультурной коммуникации. Переводчик выступает здесь в роли глубокого интерпретатора и культурного посредника, чья задача — не просто перекодировать текст, а реконструировать для иноязычного читателя сложный комплекс исторических, социальных и ментальных реалий, воплощенных в конкретных языковых единицах. От того, насколько точно и художественно убедительно будет передан этот уникальный культурный пласт, зависит сохранение художественной целостности, исторической достоверности и эмоциональной силы оригинального произведения.

Литература:

1. Абубакирова, А. И. Теоретические основы исследования культуронимов / А. И. Абубакирова. — Текст: непосредственный // Студенческий форум. — 2021. — № 16–1(152). — С. 50–52. К. От двух до пяти. — М.: Детская литература, 2017.
2. Голованева, Е. В. Культуроним в переводе: определение и классификация / Е. В. Голованева. — Текст: непосредственный // Материалы ежегодной научной конференции студентов и магистрантов университета, 25–29 апр. 2022 г.: в 4 ч. Ч. 2. — Минск: МГЛУ, 2022. — С. 54–55.
3. Кабакчи, В. В. Введение в интерлингвокультурологию / В. В. Кабакчи, Е. В. Белоглазова. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юрайт, 2025. — 250 с. — Текст: непосредственный.

Особенности перевода русских культуронимов на английский язык на материале романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза»

Исмагилова Регина Илмировна, студент магистратуры
Московская международная академия (г. Москва)

Статья исследует стратегии перевода русских и татарских культуронимов на английский язык на материале романа Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза». Анализируется передача лингвокультурных реалий (идионимов, ксенонимов, полеонимов), создающих уникальный исторический контекст Советской России 1930-х годов и быт народов. Цель работы — выявить эффективные приемы сохранения культурной специфики исходного текста и минимизации потерь для англоязычного читателя.

Ключевые слова: культуронимы, переводческие стратегии и трансформации, культурно-маркированная лексика, советская культура, лингвокультурология, художественный текст, идионим, ксеноним, полионим.

В рамках практического анализа переводческих стратегий, примененных Лизой Хейден в англоязычной

версии романа Гузель Яхиной «Zuleikha Opens Her Eyes», выявляется системный подход, построенный на трех

взаимосвязанных уровнях трансформаций: формальном, содержательном и грамматико-синтаксическом. Работа переводчика представляет собой сложный процесс культурной медиации, где каждое решение является компромиссом между сохранением аутентичности и обеспечением понятности для иноязычного читателя.

На начальном, формальном уровне доминирует стратегия осознанной экзотизации через практическую транскрипцию с элементами транслитерации. Ключевые, «иконические» реалии материальной и социальной жизни, такие как *izba* (изба) и *valenki* (валенки), переносятся в текст перевода с минимальными фонетическими адаптациями. Этот сознательный выбор выполняет несколько функций. Он создает эффект погружения, визуально и аудиально маркируя описываемый мир как культурно иной. Кроме того, он позволяет экономить нарративную энергию, полагаясь на контекстуальную расшифровку: значение *valenki* проясняется через описание лютого мороза. Схожим образом передаются и другие предметы быта: *lapoti* (лапти) и *chugunok* (чугунок). Однако для тех же реалий в иных контекстах или для дополнительной ясности могут применяться описательные приемы (*felt boots*, *cast-iron pot*) или генерализация (как в случае с *pech* — печь, которая иногда обобщается до нейтрального *stove*). Неотъемлемой частью этого процесса является последующая грамматическая натурализация заимствованных единиц: они получают английские артикли (*the izba*), флексии множественного числа (*valenkis*) и свободно встраиваются в синтаксические конструкции, что обеспечивает их органичное существование в ткани английского повествования.

Параллельным приемом выступает калькирование, применяемое к понятиям с прозрачной внутренней формой. Этот метод занимает промежуточную позицию между полным заимствованием и смысловой адаптацией, сохраняя образность оригинала, не перегружая текст. Например, *полушубок* становится *half-coat*, а *красный угол* — *red corner*. Выбор между транскрипцией и калькированием определяется уникальностью реалии, частотой ее употребления в тексте и способностью контекста восполнить ее значение [1].

Когда стратегия сохранения формы оказывается недостаточной для передачи полного смыслового объема культуронима, на первый план выходят содержательные лексические трансформации. Генерализация позволяет заменить узкое, видовое понятие более широким, родовым, чтобы избежать избыточной культурной детализации. Так, *посиделки* могут стать *gatherings*, а специфический *лэзэн* — *a large copper basin*. Противоположный процесс — конкретизация — уточняет слишком широкую семантику русского слова в данном контексте: *утварь* может конкретизироваться до *a set of wooden spoons*.

Наиболее творческой и сложной трансформацией является модуляция, или смысловое развитие. Этот прием становится ключевым для передачи абстрактных, эмоционально и идеологически нагруженных концептов, не

имеющих прямых эквивалентов. Например, русское понятие *тоска* в разных контекстах модулируется как *a deep yearning*, *melancholy* или *a dull ache of the soul*. Особую сложность представляет перевод идеологизированной лексики советской эпохи. Такие термины, как *враг народа* или *раскулачивание*, редко передаются прямыми кальками. Вместо этого Хейден прибегает к модуляции, раскрывающей их скрытый смысл и перформативную силу: *враг народа* может стать *those branded 'enemies of the state'*, а *раскулачивание* — *the state confiscation that broke their household*. Модуляция служит инструментом не просто лингвистической, но и культурно-исторической интерпретации [2].

Завершающий уровень работы составляют лексико-грамматические трансформации, обеспечивающие целостность культурного впечатления и интеграцию сложных концептов в повествовательный поток. Описательный перевод (экспликация) используется для семантически «непрозрачных» культуронимов, особенно из татарской обрядовой сферы. Понятия вроде *ошкеруче* или *туй* получают развернутые пояснения, встроенные прямо в текст: *the ancient keepers of rites and healing lore* или *the sprawling, multi-day wedding feast*. Антонимический перевод применяется для передачи определенной модальности или безальтернативности ситуации через отрицание противоположного. Утверждение о непрерывности «закона» может быть преобразовано в *there was no arguing with the decree*, что акцентирует чувство бессилия персонажей.

Стратегией, пронизывающей весь процесс, является компенсация. Она основана на принципе возмещения неизбежной потери в одном месте текста добавлением эквивалентного смыслового или стилистического элемента в другом [3].

Компенсация может быть локальной: утрата фольклорного колорита при переводе *примета* как *sign* компенсируется добавлением характеризующей детали в соседнем предложении. Наиболее значима распределенная компенсация, работающая с комплексными символическими пространствами, такими как *подполье* или *сундук*. Их глубинная культурная семантика (связь с предками, хранение семейной памяти) не может быть передана прямыми эквивалентами *cellar* или *chest*. Вместо этого их символический вес воссоздается рассредоточенно — через детализацию содержимого, действия персонажей и эмоциональные оценки, рассыпанные по всему тексту [4].

В своей совокупности эти многоуровневые трансформации, наглядно иллюстрируемые примерами из аналитической таблицы 1, демонстрируют системный характер переводческого подхода Лизы Хейден.

Через баланс экзотизации и адаптации, сохранения формы и глубинной модуляции смысла, локальных решений и глобальной компенсации ей удается реконструировать в английском языке целостную художественную реальность. Полученный текст не является точной заменой изолированных единиц, а становится самостоятельным произведением, способным генерировать со-

Таблица 1. Примеры из списка исследования культуронимов романа Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза»

№	Культуроним (оригинал)	Контекст (примерный)	Перевод (Lisa C. Hayden)	Стратегия перевода & Краткий анализ
1	Изба	Жили в деревянной избе с русской печью	izba	Транскрипция. Базовый термин, формирующий культурный фон. Сохраняется для создания эффекта аутентичности
2	Печь	Топила печь березовыми дровами	pech / stove	Транскрипция/Генерализация. Чаще транскрибируется (pech) как центр дома, но может обобщаться до stove в нейтральном контексте
3	Лапти	Сплел новые лапти из лыка	lapoti / bast shoes	Транскрипция/Описательный перевод. Частая транскрипция (lapoti) с возможным пояснением (bast shoes) при первом упоминании

поставимую с оригиналом культурную насыщенность, историческую глубину и эмоциональную достоверность. Это позволяет англоязычному читателю совершить полноценное погружение в трагический мир Зулейхи, где иностранность языка становится не барьером, а проводником в иную временную и культурную действительность.

Литература:

1. Антонова, А. М. Инокультурная литература — искусство возможного / А. М. Антонова. — Текст: непосредственный // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2022. — № Т. 19, № 1. — С. 105.
2. Базарова, М. Д. Проблема адекватности и эквивалентности в художественном переводе / М. Д. Базарова. — Текст: непосредственный // Язык: категории, функции, речевое действие: материалы XIV Междунар. науч. конф., Москва — Коломна, 15–16 апр. 2021 г. Ч. 2. — Москва; Коломна: ГСГУ, 2021. — С. 18–21.
3. Иванов, А. С. Формальные лексические и лексико-семантические трансформации в переводе / А. С. Иванов, Е. А. Шишкин. — Текст: непосредственный // Яковлевские чтения: сб. науч. ст. II Межведомств. науч.-практ. конф. с междунар. участием. В 2 ч. Ч. 2. — Новосибирск: Новосиб. воен. ин-т войск нац. гвардии РФ, 2023. — С. 411–415.
4. Кабакчи, В. В. Введение в интерлингвокультурологию / В. В. Кабакчи, Е. В. Белоглазова. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юрайт, 2025. — 250 с. — Текст: непосредственный.

Лингвистические особенности перевода текста технического задания на примере англо-русской интерпретации

Куркина Валерия Андреевна, студент магистратуры
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

Перевод технических документов относится к наиболее ответственной сфере профессиональной коммуникации. Техническое задание требует точности, однозначности и структурной строгости. Лингвистическая форма в подобных текстах выступает инструментом технологической точности, а выбор термина влияет на интерпретацию параметров оборудования.

Цель исследования — выявление закономерностей в передаче инженерных понятий при переводе с русского языка на английский. Особое внимание уделено трансформациям различного уровня, которые делают возможной адаптацию оригинального текста к требованиям технического стандарта.

В техническом переводе доминируют понятия эквивалентность и функциональная точность. По мнению

Дж. Бирна, переводчик действует как инженер, создающий «работающий лингвистический механизм». В концепции М. Олохан перевод технического текста опирается на принципы компактности, логической связности и терминологической строгости [1, с. 27].

В российской школе перевода большое значение имеет понятие переводческой трансформации. Отечественные исследователи отмечают: переводчик использует преобразования, направленные на передачу информации при изменении формы, синтаксиса и ритма текста [2, с. 129]. Ключевым приемом при работе с техническими текстами служит структурная компрессия — свертывание исходной формы при сохранении технического содержания.

Перевод технического задания демонстрирует множество лексико-грамматических преобразований, направ-

ленных на достижение точности и компактности. Рассмотрим некоторые примеры, которые были выявлены при анализе переводов. Русское выражение «несамоходные холостые роликовые опоры на рельсовых тележках» передано как “*rail-mounted non-driven idler roller supports*”. Все прилагательные переведены в форме атрибутивных модификаторов, а структура предложения приобрела компактность. Появление термина *idler* вместо буквального *idle* используется для отражения ориентации на устоявшийся инженерный вокабуляр.

Фраза «с запасом прочности не менее 1,25» преобразована в “*with a safety factor of at least 1.25*”. Переводчик использует узкоспециальный термин *safety factor*, тем самым устраняя разговорное сочетание *запас прочности*. Происходит переход от описательной формы к описательной — таким образом повышается уровень точности текста.

В выражении «материал роликов: по вашей рекомендации» используется прием прагматической нейтрализации: английский вариант “*as per supplier’s recommendation*” устраняет личное обращение и сохраняет официально-деловую стилистику текста. Подобная замена исключает субъективность и формирует безличный характер перевода, присущий формату технических документов.

Перевод фразы «система автоматического выравнивания нагрузки между тележками (если возможно)» как “*automatic load leveling system between trolleys (if feasible)*” демонстрирует компрессию смысла. Термин *leveling* выражает действие, а вся фраза становится компактной номинативной структурой.

Русская конструкция «управление: ручное или механизированное (по согласованию)» преобразована переводчиком в “*control: manual or mechanized (to be agreed upon)*”. Здесь инфинитивная форма *to be agreed upon* передает значение согласования без личных элементов. Применяется прием грамматической транспозиции и переход к безличной конструкции.

Фраза «максимальная нагрузка до 600 т» переведена как “*maximum load up to 600 tons*”. Переводчик сохраняет числовые параметры, однако заменяет «тонн» на *tons*, что требует уточнения при условии, что перевод увидят коллеги из других стран, поскольку британская и американская системы измерений различаются.

В предложении «защита от коррозии: многослойное покрытие (эпоксидный грунт + полиуретановое покрытие)» английский вариант звучит как “*corrosion protection: multi-layer coating (epoxy primer + polyurethane topcoat)*”. Здесь происходит терминологическая кодификация — термины приведены к международным стандартам ISO. Таким образом повышается уровень унификации текста.

Особый интерес представляет пример перевода фразы «блокировка от самопроизвольного движения» — “*locking mechanism to prevent unintended movement*”. В английской версии используется инфинитивная конструкция, где значение цели выражено прямо. Такое преобразование иллюстрирует семантическую трансформацию, ориентированную на функциональную точность.

Во фразе «регулировка положения: гидравлическая, с точностью ± 1 мм» — “*position adjustment: hydraulic, with ± 1 mm precision*” — выражается сжатие описательной конструкции и переход к параметрической модели, типичной для инженерной документации.

В тексте перевода прослеживается системность применяемых трансформаций. На лексическом уровне наблюдается терминологическая унификация. Переводчик стремится к употреблению устойчивых английских эквивалентов, используемых в инженерных спецификациях. Лексемы *roller support*, *rotator*, *assembly*, *drive system*, *coating*, *adjustment* создают терминологическую систему, которая обеспечивает прозрачность и единообразие описания технического требования.

Грамматические преобразования отражают структурные различия языков. Русские инфинитивные обороты часто заменяются английскими номинативными конструкциями: «проверка работы всех систем» → “*verification of all systems functionality*”. Такая замена способствует упрощению синтаксиса текста без потери информативности.

При переводе наблюдается тенденция к редукции связочных элементов. Например, из фразы «конструкция: рельсовое основание для перемещения по цеховым путям» в переводе остается “*rail-mounted base for movement along shop floor tracks*”. Русская связка «для перемещения по» заменена существительным *movement*.

Адаптация также затрагивает прагматический уровень. Исходный текст содержит элементы этикетного общения («по согласованию», «по вашей рекомендации»), тогда как английский вариант их нейтрализует. Переводчик формирует документ без признаков адресности.

Интерес представляет передача сложных существительных. В английском тексте они образуют цепочки модификаторов: “*rail-mounted non-driven idler roller supports*”, “*automatic load leveling system*”, “*frequency converter control unit*”, которые выполняют роль микротекстов и концентрируют смысл внутри одного термина.

Переводчик активно использует приемы смысловой компрессии. Избыточные русские элементы (ср. «для проведения», «в процессе», «при необходимости») в английской версии технического задания исчезают или заменяются нейтральными структурами: “*for assembly and welding operations, if feasible*”.

В целом анализируемый пример перевода демонстрирует переход от синтаксической разветвленности к номинативной лаконичности. Каждая фраза строится по принципу инструкции: параметр, характеристика, действие. Подобная организация соответствует жанровой функции технического задания как нормативного документа, предназначенного для специалистов.

Наблюдается также активный процесс адаптации формата данных. Все единицы измерения приведены к международной метрической системе, названия материалов — к английской технической номенклатуре. Перевод не только воспроизводит содержание, но и подчиняется требованиям международной системе стандартов.

Таким образом, переводчик действует в рамках функционально-коммуникативного подхода: его основная цель — обеспечить практическое использование текста специалистом, владеющим английским языком.

Анализируемые тексты технического задания демонстрируют высокий уровень лингвистической адаптации. Основные приемы (номинативизация, терминологическая унификация, структурная компрессия и прагматическая нейтрализация)

позволяют достигать функциональной эквивалентности. Переводчик создает текст, удобный для восприятия инженерами и специалистами международных компаний.

Технический перевод выступает как вариант профессиональной деятельности, в котором язык является важной частью процесса. Компактность, стандартизованность, отсутствие личных форм и отсутствие адресата обеспечивают практическую применимость текста.

Литература:

1. Илюшкина М. Ю. Теория перевода: основные понятия и проблемы: учебное пособие / М. Ю. Илюшкина; научный редактор М. О. Гузикова; Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015. — 84 с.
2. Byrne J. Technical Translation: Usability Strategies for Translating Technical Documentation. — Dordrecht: Springer, 2006.

Особенности перевода медицинских терминов

Мамзина Линара Анваровна, студент
Оренбургский государственный университет

В статье автор рассматривает общие характеристики медицинского текста как специализированного типа текста, а также выявляет основные проблемы и трудности перевода медицинской терминологии. Целью работы является выявление основных проблем и трудностей, возникающих в процессе перевода медицинских текстов.

Ключевые слова: медицинская терминология, проблема медицинского перевода, медицинская литература.

Медицинский перевод играет ключевую роль в обеспечении международного обмена знаниями, разработке новых лекарственных препаратов и технологий, а также в оказании медицинской помощи пациентам.

Медицинский текст — это научный текст, предназначенный для специалистов, работающих в области медицины, и посвященный вопросам здоровья человека [1]. Выделяют следующие виды медицинских текстов:

- научные статьи, описывающие методы и выводы медицинских исследований;
- обзоры, т. е. аналитические статьи, посвященные всестороннему рассмотрению проблемы, имеющей значение для клинической практики;
- клинические отчёты, описывающие ситуации, которые имеют связь с редкими заболеваниями или новыми методами лечения;
- инструкции по применению лекарств, регламентирующие порядок использования и приема фармацевтических препаратов.
- различные медицинские заключения, содержащие экспертную оценку состояния.

К особенностям медицинского текста можно отнести объективность изложения, высокую информативность и простоту изложения. В таких текстах отсутствуют элементы эмоциональности. Одним из ключевых требований при их написании является соблюдение полноты и точности.

Для успешной деятельности в области медицинского перевода необходимо обладать обширным лексическим запасом, охватывающим не только стандартную терминологию, но и термины, относящиеся к симптомам, фармацевтическим препаратам и медицинскому оборудованию. Также стоит отметить, что в медицинском переводе встречаются заимствованные слова из различных языков.

Латынь в медицине традиционно используется в анатомической, клинической и фармацевтической терминологии. Знание латыни позволяет врачам разных стран мира без труда понимать друг друга. Давняя традиция использования латинского языка в медицине служит объединяющим фактором для медиков всего мира и для унификации медицинского образования [5].

В первую очередь, говоря о трудностях, с которыми сталкивается переводчик при переводе текстов с медицинской тематикой, следует отметить специфичную лексику.

Некоторые термины могут иметь разные значения в зависимости от контекста. Переводчик должен уметь определить правильное значение в данном случае. Например, термин *angina* в англо-русском медицинском словаре под редакцией И. Ю. Марковиной имеет два разных значения:

- 1 ангина, острая боль в горле, тонзиллит;
- 2 грудная жаба, стенокардия [3].

Неправильный перевод может привести к путанице в диагнозе. Словоупотребление «unstable angina» может быть

переведено, как «нестабильная ангина» (в значении воспаления горла), но также возможен и другой перевод — «нестабильная стенокардия», что указывает на высокий риск развития инфаркта.

Медицинская литература также изобилует аббревиатурами и сокращениями. При переводе аббревиатуры важна ее верная расшифровка. Часто переводчику необходимо обращаться к специализированной медицинской литературе для получения расшифровок, и лишь после этого он может приступить к переводу на иностранный язык.

В своих работах Е. Е. Сухарева, Н. С. Черникова писали, что группа медицинских сокращений является самой обширной группой лексики, вызывающей трудности при переводе медицинских текстов.

— Перевод названий уникальных методов диагностики / лечения, а также перевод названий документов и классификаторов происходит посредством описательного перевода, так как прямых соответствий в переводящем языке нет: FAD diet (Food faddism) — строгие диеты, направленные на быструю потерю веса, часто не предполагающие поддержание результата в дальнейшем [4].

Перевод названий медицинских организаций и учреждений вызывает определенные трудности, так как в этой области часто встречаются аббревиатуры и сокращения, которые могут совпадать с названиями других учреждений.

— ABMI — American Bariatric Medicine Institute (медицинское учреждение США, специализирующееся на борьбе с лишним весом), ABMI — Alberta Biodiversity Monitoring Institute (Институт мониторинга биоразнообразия штата Альберта, Канада) [4].

Особое внимание следует уделять эпонимам. Эпонимы — это названия болезней, различных патологических состояний, какого-либо понятия, метода или препарата по личному имени человека, который их открыл или изобрёл. Эпонимические термины составляют большую часть медицинской терминологии, например, в неврологии эпонимы составляют около 30 % всего терминологического фонда. Перевод эпонимов представляет собой сложную задачу, обусловленную, прежде всего, особенностями их использования в медицинской литературе. Некоторые особенности перевода медицинских эпонимов:

- учёт национальной специфики. Если термин существует только в рамках национальной медицинской лексики, его обычно передают описательно, используя латинские эквиваленты, или подбирают общепринятый в данной национальной системе термин-эпоним.

Литература:

1. Абросимова, Н. А. Введение в медицинский перевод / Н. А. Абросимова. — учебное пособие. — М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. — 116 с.
2. Маилова, К. Л. Эпонимы в английской медицинской терминологии / К. Л. Маилова, О. П. Куйбышева. // Биология и интегративная медицина. — 2018. — № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eponimy-v-angliyskoymeditinskoj-terminologii>
3. Марковина, И. Ю. Англо-русский медицинский словарь / И. Ю. Маркович, Э. Г. Улумбеков. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2013. — 496 с. — URL: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785970424735.html>

- учёт происхождения имени собственного. При выборе способа перевода, необходимо принять во внимание национальную принадлежность фамилии при переводе термина.

- описательный перевод, т. е. передача смысла термина через его подробное описание.

— Здесь можно выделить несколько наименований: — болезни (Hodgkin's disease — болезнь Ходжкина); — синдромы (Down's syndrome — синдром Дауна); — анатомические единицы организма (Horner's muscle — мускул Горнера) [5].

Важной чертой медицинского перевода служит обогащение словарного запаса. Медицина постоянно совершенствуется — научные открытия происходят регулярно, появляются новые препараты и вакцины, а специалисты создают современные методы диагностики. По мере возникновения новых понятий увеличивается и количество используемых слов, что требует от переводчика непрерывного изучения свежих языковых единиц для обеспечения точности передачи информации.

Серьезной проблемой при работе над медицинским текстом выступают расхождения в системах классификации и различия в структуре организации здравоохранения.

— Например, в Российской Федерации широко распространена числовая система группировки крови (I, II, III, IV), тогда как в ряде других государств применяются международные буквенные обозначения (O, A, B, AB).

Недостаточная детализация двуязычных медицинских словарей также является проблемой. Учитывая стремительное развитие сферы здравоохранения, как традиционные печатные издания, так и цифровые ресурсы не могут полностью соответствовать потребностям специалистов по переводу. В связи с этим переводчики вынуждены формировать собственные базы данных терминов.

В заключении важно отметить, что главной проблемой медицинского перевода является отсутствие единой глобальной терминологии, что в конечном итоге приводит к недопониманиям. Поэтому переводчик должен обладать обширными знаниями в этой области. Для точного отражения всех особенностей медицинского текста требуются специфические знания и навыки.

Данный вид перевод требует высокого уровня осведомленности в медицинской области, стремления развиваться и постоянно совершенствовать свои навыки и знания.

4. Сухарева, Е. Е. Проблемы перевода медицинского дискурса в контексте социального перевода / Е. Е. Сухарева, Н. С. Черникова. — // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2014. — № 4. — С. 115–120.
5. Хакимова, В. М. Роль латинского языка в медицине и в современном мире / В. М. Хакимова. // Медицинский вестник Башкортостана. — 2011. — № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-latinskogo-yazyka-v-meditsine-i-v-sovremennom-mire>

Особенности перевода романа У. С. Моэма *The moon and sixpence*: эквивалентность, ирония, культурные реалии и переводческие трансформации

Марченко Светлана Романовна, студент магистратуры
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Роман У. С. Моэма The Moon and Sixpence строится на сочетании повествовательной сдержанности, скрытой иронии и культурно-колониального фона, который влияет на смысл не меньше, чем сюжет. В статье анализируется, как эти параметры воспроизводятся в русском переводе: где «буквальная близость» помогает, а где меняет дистанцию рассказчика и читательский эффект. Эквивалентность рассматривается как совпадение смысловых опор (денотативных и оценочных) на разных уровнях текста, а адекватность — как способность перевода удержать художественную функцию: ироническую перспективу, жанровую нейтральность и ритм моэмовской фразы. На материале сопоставления фрагментов оригинала и русскоязычных соответствий описаны типовые зоны напряжения: социальная семантика оценочных слов, «простота без упрощения» в философских репликах, перевод реалий Таити и колониальной иерархии. Отдельно показаны продуктивные трансформации (компрессия, модуляция, перестройка синтаксиса, компенсация), позволяющие сохранить авторскую интенцию.

Ключевые слова: художественный перевод, эквивалентность, адекватность, доместикация, форенизация, У. С. Моэм, ирония, культурные реалии, переводческие трансформации.

Введение

Текст Моэма внешне прозрачен: он избегает высоких регистров, предпочитает точное наблюдение прямой оценке и часто «работает» не словами-маркерами, а воссозданием деталей. Для переводчика это означает, что проблема возникает не там, где «сложно понять смысл», а там, где смысл понятен, но легко смещается тон: нейтральное английское слово в русском может оказаться излишне моральным, разговорным или экспрессивным. В результате меняется не только фраза, но и образ рассказчика — его дистанция и степень участия.

Роман *The Moon and Sixpence* показателен ещё и тем, что культурный фон Таити и колониальная перспектива включены в философию книги: разговор о свободе и искусстве постоянно «проверяется» социальными ролями, деньгами и асимметрией взглядов «метрополии» и «периферии». Поэтому перевод здесь удобно рассматривать как баланс трёх задач: (1) смысловая точность, (2) стилистическая сдержанность, (3) сохранение культурной маркированности там, где она смыслообразующая.

Цель работы — показать, какие переводческие решения позволяют удержать ироническую дистанцию, философскую «простоту» и культурные реалии романа в русском тексте, и где возникают типовые искажения.

Задачи: уточнить рабочие критерии эквивалентности и адекватности применительно к прозе Моэма; описать,

как выбирается доместикация/форенизация в зависимости от функции реалии; разобрать трансформации при передаче иронии, философских фрагментов и культурно-колониального контекста; сформулировать практические рекомендации как вывод из анализа (а не как универсальный список).

Корпус примеров и процедура анализа

Корпус примеров составили фрагменты романа У. С. Моэма *The Moon and Sixpence* и их русскоязычные соответствия. Анализ строится на сопоставлении контекстов и на оценке того, какой читательский эффект создают разные решения переводчика: точность денотативного смысла, тональность, ритм фразы, степень «видимости» рассказчика и культурная маркированность единиц. В качестве операциональных ориентиров используются уровни эквивалентности (лексический, синтаксический, прагматический, стилистический) и понятие переводческой адекватности как сохранения художественной функции текста (в традиции отечественного переводоведения и функциональных подходов) [3; 8; 12; 13]. При обращении к категориям доместикации и форенизации учитывается их трактовка как культурной стратегии перевода и как способа управления «чужим» в принимающем тексте [14].

Примечание о примерах. Если приводится русский вариант без указания издания и переводчика, он рассма-

тривается как авторский рабочий перевод (для целей анализа). При подготовке итоговой версии статьи желательно заменить такие места на цитаты из конкретного опубликованного перевода с точными выходными данными (см. примечание к списку литературы).

1. Эквивалентность и адекватность: рабочие критерии для прозы Моэма

В этой работе эквивалентность понимается как совпадение значимых смысловых опор на разных уровнях текста: что именно утверждается, какая оценка имплицирована, как распределены акценты и что оставлено «между строк». Адекватность — это уже характеристика перевода как целого: способен ли русский текст воспроизвести художественную функцию оригинала — прежде всего дистанцию повествователя, иронический эффект и жанровую сдержанность Моэма. Поэтому буквальная близость конструкций рассматривается не как цель, а как частный случай, приемлемый лишь там, где она не меняет тон и перспективу.

Такое разведение удобно согласуется с традиционным различием «смысловой общности» и «функциональной результативности» перевода в отечественной теории [3; 12] и с идеей динамической/функциональной эквивалентности, где важен эффект и коммуникативная направленность [11]. В рамках данного анализа из подхода Ю. Найды берётся не терминология «в лоб», а методический принцип: сравнивать не отдельные «слова-пары», а то, как решение работает на читателя в данном контексте [11].

Наблюдение по материалу романа

У Моэма социальная оценка часто встроена в нейтральную лексику: слово выглядит «простым», но несёт классовый или культурный оттенок. В русском переводе риск в том, что нейтральная социальная оценка превращается в моральную (или наоборот), и тогда конфликт «личность — общество» начинает читаться как конфликт «добро — зло», чего у Моэма обычно нет.

Пример

Оригинал: I don't want to be respectable. I want to be myself. [15].

Вариант 1 (ближе к социальной семантике): «Я не хочу быть респектабельным. Я хочу быть самим собой».

Вариант 2 (морализаторский сдвиг): «Я не хочу быть порядочным. Я хочу быть самим собой».

Комментарий: respectable в контексте романа тянет не к «морали», а к социальному стандарту «приличия/устроенности». «Порядочный» добавляет этическую оценку и незаметно меняет рамку конфликта; «респектабельный» сохраняет классово-социальный оттенок и звучит чуть холоднее — что ближе к интонации Моэма.

2. Доместикация и форенизация как управляемая стратегия, а не «выбор из двух»

Пара «доместикация/форенизация» важна не как бинарная этикетка, а как способ описать, насколько перевод делает чужое привычным и что при этом теряется/сохраняется. В рамках данного анализа из концепции Л. Венути берётся мысль о «видимости» переводчика и о культурной цене «сглаживания» инаковости: чрезмерная доместикация может превращать текст в «как будто написанный по-русски», но вместе с тем вымывает культурные маркеры и асимметрии [14].

Для The Moon and Sixpence продуктивнее гибриды: идиоматику и нейтральные «сцепки» речи можно доместифицировать (ради естественности), а культурно значимые реалии и колониальные маркеры — удерживать (форенизировать) в разумной степени, чтобы мир романа не стал абстрактным.

Пример

Оригинал (название): The Moon and Sixpence [15].

Вариант 1 (традиционно доместицирующий образ): «Луна и грош».

Вариант 2 (форенизация культурной детали): «Луна и шестипенсовик». Комментарий: «Грош» закрепляет метафору «высокое/низкое» и читательски работает сразу, но конкретная английская монета исчезает. «Шестипенсовик» сохраняет культурную деталь и точность, но рискует утяжелить заглавие и сделать его «объясняющим». В исследовательской перспективе важно не выбрать «единственно верное», а показать, какую семантику активирует каждый вариант: образность против культурной фактуры.

3. Ирония и нарративная дистанция: как не «перевести эмоцию вместо интонации»

Ирония Моэма редко выражена открыто: чаще это эффект несоответствия между нейтральной формой высказывания и ситуацией, в которую оно помещено. Поэтому при переводе ключевыми становятся ритм, степень экспрессии и точность регистра. Если русский вариант «подкрашивает» реплику — добавляет эмоциональные усилители или книжность — меняется наблюдательная интонация и, вслед за ней, образ повествователя.

В терминах переводческих трансформаций здесь особенно часто работают модуляция и компенсация: смысл сохраняется, но иронический эффект переносится на синтаксис или на точный выбор «холодного» слова [7; 12].

Наблюдение по материалу романа

Моэм делает иронию почти незаметной: она проявляется в том, как герой описан «как факт». Русский перевод легко превращает это в психологическую экспрессию — и тогда вместо иронии появляется пафос.

Пример

Оригинал: a man possessed of a passion for painting [15]

Вариант 1 (сдержанно): «человек, одержимый страстью к живописи».

Вариант 2 (эмоционально-разговорно): «человек, безумно увлечённый живописью».

Комментарий: «одержимый» сохраняет сухую интенсивность и не добавляет разговорной эмоциональности. «безумно увлечённый» звучит сочувственно-оценочно и делает повествователя «теплее», чем он у Моэма; это сдвигает дистанцию.

4. Философские фрагменты: «простота без упрощения»

Философия в романе не подаётся как трактат: она встроена в реплики и наблюдения и часто держится на афористичности. Поэтому переводчик сталкивается с парадоксальной задачей: не усложнять (книжной абстракцией) и одновременно не упрощать (убирая логическую остроту). Здесь полезна установка, близкая функциональному подходу: сохранять форму «мысли-в-фразе» и её ритм [11; 12].

Наблюдение по материалу романа

Когда фраза звучит афористично, соблазн велик «развернуть смысл» ради ясности. Но у Моэма ясность достигается не пояснениями, а точной метафорой.

Пример

Оригинал: Money is like a sixth sense without which you cannot make a complete use of the other five. [15].

Вариант 1 (компрессия, афоризм сохраняется): «Деньги — как шестое чувство: без него остальные пять не работают в полную силу».

Вариант 2 (развёрнуто-пояснительный): «Деньги — это своего рода шестое чувство, потому что без него человек не способен полноценно пользоваться остальными пятью».

Комментарий: во 2-м варианте появляется объясняющая логика («потому что...»).

5. Культурные реалии и колониальный контекст: точность без экзотизации

Реалии Таити в романе — не декоративный фон. Они участвуют в построении колониальной перспективы и демонстрируют, как европейский взгляд классифицирует пространство и людей. Поэтому перевод «реалий» — это не только вопрос лексики, но и вопрос того, какую картину мира поддерживает русский текст.

В отечественной традиции это удобно описывать через сочетание приёмов: транскрипция/транслитерация имён

собственных, описательный перевод для предметов быта при отсутствии эквивалента, а также ограниченное комментирование (обычно — в примечаниях), если без него сцена теряет смысл [8; 13].

Наблюдение по материалу романа

Слишком «общее» слово делает колониальный слой невидимым, а слишком «экзотизирующее» — превращает его в открытку.

Пример

Оригинал (топонимы): Tahiti; Papeete [15].

Вариант 1 (нейтральная передача): «Таити; Папее́те».

Вариант 2 (нежелательная «обобщающая» подмена): «остров; город». Комментарий: в 2-м варианте исчезает конкретика мира романа и культурная координата. В 1-м сохраняется точка на карте и историческая фактура; при необходимости редкое название можно поддержать контекстной подсказкой, но не заменять.

6. Идиоматика и устойчивые образы: функциональные аналоги и компенсация

Фразеология и устойчивые образы в романе выполняют две функции: (1) речевая характеристика персонажей и (2) экономия повествования — смысл упакован в привычный оборот. В переводе доступны четыре стратегии: калькирование, дословный перевод, функциональный аналог, компенсация. Для Моэма чаще всего продуктивны функциональный аналог и компенсация: они позволяют сохранить прагматику и не ломают естественность русской фразы [7; 8; 12].

Наблюдение по материалу романа

Дословное копирование английской конструкции, будучи понятной в оригинале, часто приводит к искусственному, неестественному звучанию в русском тексте. Но и слишком «своя» русская идиома иногда добавляет темперамент, которого у Моэма нет. Поэтому решение проверяется вопросом: остаётся ли повествователь таким же «невозможным наблюдателем»?

Пример

Оригинал (заглавный устойчивый образ): The Moon and Sixpence [15].

Вариант 1 (образно-русский аналог): «Луна и грош».

Вариант 2 (буквально-культурный): «Луна и шестипенс».

Комментарий: оба варианта возможны как стратегии, но несут разную прагматику. Если в исследовании важна именно культурная фактура английской монеты (социальная «цена» мечты), полезнее вариант 2 или компро-

мисс «шестипенсовик». Если важнее читательская мгновенная оппозиция «мечта/мелочь», оправдан вариант 1. Здесь сама постановка альтернативы — часть анализа.

7. Синтаксис и ритм: сегментация без потери «хода мысли»

Синтаксис Моэма часто разворачивается поступательно: он добавляет уточнения и строит наблюдение как цепочку маленьких логических шагов. Русский перевод может членить длинные конструкции, но риск в том, что дробление превращает рассуждение в пересказ. Поэтому сегментация оправдана, если сохраняется «траектория» мысли и не меняется модальность — та самая спокойная, почти протокольная манера рассказчика.

Наблюдение по материалу романа

Афоризмы и формулы (особенно с относительными придаточными) лучше работают, когда русский вариант сохраняет «один удар» и не разводит структуру на несколько объясняющих предложений.

Пример

Оригинал: Money is like a sixth sense without which you cannot make a complete use of the other five. [15].

Вариант 1 (одна фраза, ритм сохранён): «Деньги — как шестое чувство, без которого нельзя в полной мере пользоваться остальными пятью».

Вариант 2 (сегментация с потерей темпа): «Деньги — это шестое чувство. Без него остальные пять чувств оказываются неполноценными».

Комментарий: во 2-м варианте появляется «публицистический» тон и лишняя категоричность («неполноценными»). 1-й вариант удерживает нейтральность и ход мысли.

8. Лексические повторы и концепты: мотив money / деньги как смысловая связка

Сквозные повторы у Моэма — не стилистическая бедность, а способ держать концепт в поле внимания. В русском тексте переводчики часто стремятся «разнообразить» лексику (деньги/монеты/наличные/грош), но

чрезмерная вариативность разрывает связку и ослабляет мотив. Оптимальным оказывается частичное решение: сохранять «ядро» повторов в ключевых местах, а вариативность включать как точечную конкретизацию, а не как самоцель [8; 12].

Наблюдение по материалу романа

Если концепт поддерживается повтором, то в русском варианте важнее сохранить не абсолютное число повторов, а их позиции: где слово «возвращается» как смысловой крючок и связывает философский тезис с бытовой сценой.

Пример

Оригинал: Money is like a sixth sense... [15].

Вариант 1 (ядро сохраняется): «Деньги — как шестое чувство...».

Вариант 2 (неудачная вариативность): «Наличные — как шестое чувство...». Комментарий: «наличные» сужает концепт до формы денег и переводит мысль в бытовую плоскость; «деньги» держит философскую обобщённость и лучше связывается с дальнейшими повторениями мотива.

Заключение

Сравнивая оригинал *The Moon and Sixpence* с русскими версиями, видим, что самая большая проблема перевода Моэма — не «сложность языка», а необходимость воссоздать уникальную авторскую задумку: ирония должна звучать сдержанно, философские идеи вплетаться в обычные предложения, а культурноколонизальный контекст служить смысловым механизмом. В этих условиях адекватность перевода достигается не суммой «правильных эквивалентов», а согласованием решений на разных уровнях: лексика не должна повышать экспрессию, синтаксис — ломать ход наблюдения, а стратегия доместикизации/форенизации — стирать культурные и социальные различия, которые для романа принципиальны. Наиболее продуктивными оказываются трансформации компрессии, модуляции, синтаксической перестройки и компенсации, применяемые точно и проверяемые через сохранение дистанции рассказчика и читательского эффекта [7; 8; 12; 14].

Литература:

1. Автономова, Н. С. Познание и перевод: опыты философии языка / Н. С. Автономова. — М.: РОССПЭН, 2008. — 702 с.
2. Альбукова, О. В. Обзор существующих подходов к проблеме оценки качества перевода / О. В. Альбукова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 4. — С. 65–69.
3. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. — М.: Междунар. отношения, 1975. — 240 с.
4. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение / В. С. Виноградов. — М.: Высш. шк., 2001. — 256 с.
5. Гальперин, И. Р. Стилистика английского языка / И. Р. Гальперин. — М.: Высш. шк., 1977. — 301 с.

6. Голубкова, О. Н. Оценка качества перевода художественного произведения в исторической перспективе / О. Н. Голубкова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2019. — № 5. — С. 129–133.
7. Денина, О. О. Использование переводческих трансформаций для достижения адекватности перевода / О. О. Денина // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2015. — № 11. — С. 186–190.
8. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. — М.: ЭТС, 2002. — 424 с.
9. Ковалёва, О. Н. Лингвокультурологические особенности перевода художественного текста / О. Н. Ковалёва, Е. А. Варзакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — № 11. — С. 400–404.
10. Кокшарова, Н. Ф. Лекции по стилистике (английский язык) / Н. Ф. Кокшарова. — Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2011. — 104 с.
11. Найда, Ю. К принципам соответствия / Ю. Найда // Теория и практика перевода: сборник статей. — М.: Прогресс, 1983. — С. 113–128.
12. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. — М.: Междунар. отношения, 1974. — 216 с.
13. Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. — М.: Наука, 1988. — 215 с.
14. Venuti, L. The Translator's Invisibility: a history of translation / L. Venuti. — London; New York: Routledge, 1995. — 353 p.
15. Maugham, W. S. The Moon and Sixpence / W. S. Maugham. — London: William Heinemann, 1919. — 312 p.
16. Моэм, У. С. Луна и грош = The Moon and Sixpence; Театр; Рассказы / У. С. Моэм; пер. с англ. Н. Ман, Г. Островской. — М.: Правда, 1983.

Семиотический анализ известных фирменных логотипов

Перевалушко Виолетта Михайловна, студент

Научный руководитель: Нейман Светлана Юльевна, кандидат филологических наук, доцент
Омский государственный технический университет

В статье автор проводит семиотический анализ известных логотипов через призму теорий Ч. С. Пирса и Ф. де Соссюра, раскрывая механизмы их воздействия на сознание и подсознание потребителя. Актуальность обусловлена необходимостью понимания межкультурной коммуникации брендов, а также как графические формы трансформируют брендовые ценности. Исследование показало формирование смыслов и их восприятие в разных языковых средах. Особое внимание уделено межкультурному аспекту: выявлены различия в восприятии скрытых значений логотипов носителями английского и русского языков. Результаты демонстрируют, что даже универсальные знаки подвержены культурно-обусловленной интерпретации.

Ключевые слова: семиотический анализ, фирменный логотип, межкультурная коммуникация, восприятие бренда, визуальная семиотика.

Визуальная среда современного мира — это непрерывный диалог знаков и символов. Каждый день люди сталкиваются с сотнями логотипов, но лишь единицы из них прочно закрепляются в сознании, становясь не просто опознавательными знаками компаний, а полноценными культурными артефактами. Успех этих логотипов не случаен, поскольку он является прямым следствием грамотного применения законов семиотики — науки о знаках и знаковых системах.

Семиотический подход позволяет рассматривать логотип не как простое изображение, а как коммуникативное восприятие, в котором зашифрованы философия бренда, его ценности и обещания потребителю. Как отмечают Паллотта В. И. и Сичкарь Т. В., графический дизайнер в современном обществе выступает главным визуальным коммуникатором, создателем знаковых систем, где форма неотделима от содержания [6]. Целью работы является проведение семиотического анализа известных логотипов чтобы раскрыть их воздействие на сознание и подсознание потребителя, учитывая различия в восприятии в разных языковых средах.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Применить базовые категории семиотики Ч. С. Пирса (репрезентант, объект, интерпретант) для структурного описания выбранных фирменных знаков.
2. Классифицировать исследуемые логотипы в соответствии с типологией знаков (икона, индекс, символ).
3. Дополнить анализ, используя теорию Фердинанда де Соссюра (денотация и коннотация) для каждого логотипа.
4. На конкретных примерах выявить и сопоставить различия в восприятии вышеперечисленных значений логотипов у групп людей, владеющих английским и русским языками.

В основе анализа лежит классическая триадическая модель знака Чарльза Сандерса Пирса. Согласно этой модели, любой знак имеет три основные характеристики:

- Репрезентамен (Representamen): Материальная форма знака (то, что мы видим: изображение, форма, цвет).
- Объект (Object): Предмет или понятие, на который указывает знак.
- Интерпретанта (Interpretant): Смысл, который возникает в сознании интерпретатора; понимание знака.

Пирс также выделил три типа знаков:

- Икона (Icon): Знак, основанный на физическом сходстве (например, фотография).
- Индекс (Index): Знак, основанный на причинно-следственной или ассоциативной связи (дым является последствием огня).
- Символ (Symbol): Знак, связь которого с объектом условна и основана на общественном договоре (герб, флаг, гимн — это государственные символы).

Логотипы редко являются однозначными. Чаще всего они представляют собой гибридные формы. Знак может быть индексно-символическим или иконо-символическим [4, 7].

Кроме того, необходимо опираться на понятия, введенные Фердинандом де Соссюром:

- Денотация (Denotation): Прямое, буквальное значение знака, его «словарное» определение.
- Коннотация (Connotation): Культурно обусловленные ассоциации, чувства и идеи, которые вызывает знак.

Именно на уровне коннотации и работает суть брендинга, обращаясь к коллективному бессознательному [4, 7].

Swoosh как индекс скорости и символ победы. Репрезентаменом выступает черный изгиб на прозрачном или белом фоне, характеризующийся энергией и асимметрией (см. рис. 1). Объектом является бренд Nike и его спортивная одежда и обувь. Логотип Nike — это пример знака, работающего одновременно как индекс и символ. Сама форма «Swoosh» (от англ. «пролетать со свистом») — это визуализация следа, оставляемого движущимся объектом. Он указывает на скорость, полет. Это не статичный образ, а его следствие, что делает его сильным индексом и напрямую указывает на производство спортивной одежды и обуви. На символическом уровне «Swoosh» выходит далеко за рамки спортивной экипировки. Название бренда заимствовано у древнегреческой богини победы Ники. Форма крыла отсылает к ее скульптурным изображениям, где она часто предстает крылатой. Таким образом, логотип становится условным символом победы, достижения. Этот смысл был усилен одним из слоганов бренда «Just Do It» (с англ. «Просто сделай это»). Вместе логотип и слоган создают сильную интерпретанту: Nike — это не просто одежда, это атрибут победителя. Денотация логотипа Nike представляет собой плавную галочку. Коннотация заключается в том, что логотип символизирует крыло богини победы Ники, ассоциируясь с успехом. Форма олицетворяет скорость и энергию, характерные для спорта [1].

Логотип Apple — это почти чистый символ, чья сила заключается в многогранности и культурной насыщенности его интерпретанты. Объектом является компания Apple и ее продукция. Репрезентамен и денотация выражаются в стилизованном изображении яблока однотонного цвета с правильным боковым вырезом (см. рис. 2). Наиболее устойчивая коннотация связана с библейским мифом о Древе Познания. Надкушенное яблоко является указанием на плод, с которого началась история человеческого самосознания. Эта ассоциация идеально соответствовала миссии Apple: создавать компьютеры как инструменты для мышления, творчества и расширения интеллектуальных возможностей. Второе значение заключается в отсылке к «яблоку раздора» и общая идея нарушения запрета. Apple всегда позиционировала себя как «мятежник» против индустриальных гигантов. Надкусанное яблоко символизирует разрыв с шаблонами, готовность бросить вызов установленным правилам. Интерпретантом является совокупность образа минимализма, современности и премиальности, красивого дизайна и технологий. Логотип Apple является иконическим символом. На бытовом уровне название «Apple» (с англ. «Яблоко») и его изображение были выбраны за свою простоту, дружелюбность и отсутствие ассоциаций с сложной электроникой. Это делало технологичный продукт более человечным и доступным. Вырез (укус) также решал практическую задачу, чтобы яблоко не спутали с другим фруктом [1].

Логотип Google — это сложный символ, который использует комбинацию шрифтового решения и цвета для передачи своих ценностей (см. рис. 3). Объектом является корпорация Google LLC, ее продукты, а также поисковая система Google как основной продукт. Название компании является ошибочным написанием слова «googol» (гугол) — математического термина, обозначающего единицу со ста нулями. Это прямо указывает на миссию компании и интерпретанту: структурировать и сделать доступным необъятное количество информации в интернете. Таким образом, логотип символизирует бесконечную информацию и технологическую мощь. Упрощенный, геометрический, дружелюбный без за-

Рис. 1. Логотип Nike «Swoosh»

Рис. 2. Логотип Apple

сечек стиль кастомного шрифта Product Sans также является символом. Он условно обозначает современность, доступность и открытость бренда. Ключевую роль играет цвет, который является ключевым индексным элементом. Google использует яркие, первичные цвета, в отличие от других компаний. Это нарушение правил создает образ компании, которая не боится быть неформальной, творческой и дружелюбной. Порядок цветов не является стандартной радугой, что подчеркивает нестандартный подход. Этот подход отлично соотносится с исследованиями, описанными в работе Беловой Л. А. и Ромашовой М. А., где отмечается, что для непищевых и технологичных брендов особенно востребованы знаки-символы, раскрывающие свой потенциал через культурные коды [3]. Репрезентатив и денотация логотипа Google — это слово «Google», написанное шрифтом без засечек, где каждая буква окрашена в один из четырех цветов. Современная версия логотипа без теней и градиентов отражает общий тренд на минимализм, символизируя простоту и удобство использования продуктов Google. Коннотация имеет большой комплекс смыслов: простота и доступность, инновации и неформальность, всезнание и мощь, повседневность и незаменимость, современность и будущее [5].

Рис. 3. Логотип Google

Lacoste как символ атаки и безупречного стиля. Репрезентатив представлен стилизованным зеленым изображением крокодила, развернутого влево (см. рис. 4). Объектом является компания Lacoste и ее продукция. Интерпретанта выражается в качестве, ассоциируемые с крокодилом и перенесенные на бренд: аристократизм, элегантность, сила, выносливость. Также интерпретанта включает в себя историю успеха самого Лакоста, связь со спортом и высокими достижениями. Знак является иконой, так как имеет прямое изобразительное сходство с крокодилом. Одновременно это индекс, так как он указывает на причину своего появления — личность Рене Лакоста. Со временем изображение крокодила стало символом определенного социального статуса, французской изысканности в повседневной одежде. Денотация представлена в виде фирменного знака производителя одежды Lacoste. Коннотация вызывает ассоциации со спортивным аристократизмом, успехом, принадлежностью к определенному социальному слою, качеством, Францией, теннисом [1].

Рис. 4. Логотип Lacoste

Microsoft Windows как символ универсального цифрового пространства. Репрезентатив можно описать как четыре голубых квадрата, образующих симметричную фигуру, напоминающую окно (см. рис. 5). Объектом является операционная система Windows и корпорация Microsoft. Интерпретанта выражается в многооконном интерфейсе системы, универсальности, разнообразии возможностей, технологичности, структурированности цифрового пространства. Изначально логотип был яркой иконой, схематично изображающей окно интерфейса, главного объекта взаимодействия пользователя. В текущей версии связь с реальным окном ослабла, знак стал в большей степени символом. Четыре квадрата стали условным обозначением многофункциональности и экосистемы Microsoft. Является индексом доминирования на рынке ПК, указывает на повсеместность и стандарт. Денотация выражается в виде логотипа операционной системы Windows. Коннотация связана со стандартом для настольных компьютеров, удобством, привычностью, бизнес-средой [1].

Рис. 5. Логотип Microsoft Windows

Mercedes-Benz как индекс инженерного превосходства. Репрезентативен представлен геометрически точной трехлучевой звездой, заключенной в окружность (см. рис. 6). Часто исполняется в серебристом или черном цвете, что ассоциируется с металлом, технологичностью, элегантностью. Объектом являются компании Mercedes-Benz Group AG и производимые им автомобили премиум-класса. Интерпретанта вызывает ассоциации с комплексом значений, включающий высочайшее качество, инженерное совершенство, безопасность, роскошь, статус и лидерство в автомобилестроении. Звезда как небесное тело традиционно связывают с высокими целями, ориентиром. В первую очередь, этот логотип является символом. Связь между конкретной геометрической фигурой трехлучевой звезды и производством автомобилей является полностью условной и исторически обусловленной. Ее значение («моторизация на земле, воде и в воздухе») — результат успешного закрепления этого смысла за знаком в массовом сознании благодаря десятилетиям маркетинга и качества продукции. Также логотип выступает как мощный индекс. Он указывает на причинно-следственную связь: присутствие этого знака на радиаторной решетке автомобиля является прямым указанием на его принадлежность к элитному сегменту и инновационные технологии. Денотация значит товарный знак производителя автомобилей Mercedes-Benz. Коннотации включают успех, финансовое благополучие, консервативную надежность. В более широком культурном контексте — символ капитализма, объект, фигурирующий, например, в фильмах как атрибут богатства [2].

Mercedes-Benz

Рис. 6. Логотип Mercedes-Benz

Disney как икона волшебного мира и символ детства. Репрезентативен является два основных элемента: стилизованное, плавное, дружелюбное написание слова «Disney» и изображение сказочного замка с башнями как силуэт (см. рис. 7). Объектом выступает корпорация The Walt Disney Company и весь ассоциируемый с ней контент: анимационные и художественные фильмы, тематические парки, товары. Интерпретантой является волшебство, детство, беззаботность, семья, счастливые воспоминания, «место, где сбываются мечты». Замок является яркой иконой. Он обладает прямым изобразительным сходством с реальным, хоть и стилизованным, архитектурным сооружением — замком Золушки. Логотип является прямым индексом индустрии развлечений и семейного досуга. И подпись, и замок давно превратились в глобальные символы. Они обозначают не просто компанию, а целую культурную вселенную. Денотацией является фирменный знак Disney. Коннотациями выступают магия, ностальгия и индустрия детства [8].

Для того, чтобы сравнить различия восприятия логотипов у носителей английского и русского языков, ассоциации были собраны в Таблице 1.

Рис. 7. Логотип Disney

Таблица 1

Логотип бренда	Восприятие у носителей английского языка	Восприятие у носителей русского языка
Nike	Ассоциация со словом «swoosh» делает восприятие более полным, соединяя визуал с звуком, что усиливает ощущение динамики.	Восприятие происходит на более визуальном и символическом уровне. «Галочка» в многих культурах является символом правильности, одобрения, завершенности действия. Это положительно окрашивает восприятие бренда, даже без знания этимологии названия. Образ крыла также является универсальным архетипом свободы, скорости и возвышения.
Apple	Слово «apple» является одним из первых и самых базовых в языке, что усиливает ощущение простоты и фундаментальности. Игра слов «byte/bite» (от англ. «Байт/укус») также приходит на ум данной аудитории, добавляя подтекст.	Библейский миф о Древе Познания является универсальным, поэтому основная коннотация считывается без потерь. Однако лингвистическая игра может быть не так очевидна. Восприятие строится в основном на символическом и эстетическом уровне: яблоко как образ совершенства, гармонии и элегантности.
Google	Происхождение названия от «googol» добавляет акцент на интеллектуальности и масштабе, который является важной частью идентичности бренда.	Ассоциация с детскими брендами, использующие чистые яркие цвета, создает ощущение простоты, дружелюбия и интуитивной понятности. Лингвистический барьер здесь практически не играет роли, так как бренд стал нарицательным, а визуальная коммуникация оказалась эффективной.
Lacoste	Название бренда Lacoste не имеет самостоятельного смысла, это фамилия основателя. Поэтому восприятие строится почти исключительно на визуальном образе крокодила и его коннотациях.	В 90-е и 2000-е годы сложился устойчивый сленгизм «крокодил» или «крок» для обозначения поло от Lacoste. Это мощная коннотация, добавляющая слой социальной идентификации, например это было символом успешной молодежи.
Microsoft Windows	Слово «Windows» (от англ. «Окна») имеет прямую и очевидную связь с графическим интерфейсом операционной системы. Поэтому логотип-«окно» воспринимается как прямая иконическая иллюстрация к названию.	Название «Windows» часто используется без перевода. Хотя слово «окна» понятно, в контексте IT оно не является общепринятым. Логотип может восприниматься скорее как абстрактный символ некой компьютерной «системы», а не как изображение окон.
Mercedes-Benz	Название «Mercedes» является женским именем (от испан. «милость»), данным в честь дочери одного из первых партнеров компании. Это добавило названию изящества и шарма. «Benz» — это прямая фамилия основателя Карла Бенца. Таким образом, вербальная часть несет историческую, «человеческую» нагрузку. Визуальная звезда воспринимается как абстрактный символ, дополняющий это имя славой.	Слово «Мерседес» полностью утратило связь с именем собственным и стало именем нарицательным для целого класса роскошных автомобилей, часто используемым в просторечии. Фамилия «Бенц» также стерта из массового сознания. Поэтому вся смысловая нагрузка ложится на трехлучевую звезду. Именно она является первичным и самым сильным индексом, безошибочно указывающим на статус и качество.
Disney	Слово «Disney» является прежде всего фамилией основателя, Уолта Диснея. Поэтому логотип-подпись воспринимается как личная печать создателя, что добавляет исторической глубины. Замок при этом работает как икона конкретного места и символа обещанного опыта.	Фамилия «Дисней» также известна, но для широкой аудитории, она вторична. Первичен визуальный образ — замок и особый шрифт. В русском культурном поле Disney прочно ассоциируется с мультфильмами. Поэтому коннотации часто более личные и ностальгические. «Диснеевский мультяшник» как синоним качественной, красочной анимации детства.

Проведенный семиотический анализ известных фирменных логотипов на основе теорий Ч. С. Пирса и Ф. де Соссюра подтвердил, что эффективный логотип не просто картинка и не только обозначает бренд, но и использует культурно-обусловленные смыслы и эмоции, обращаясь к ценностям целевой аудитории. Важным результатом работы стало выявление заметных различий в восприятии одних и тех же логотипов носителями английского и русского языков. Эти различия обусловлены как лингвистическими факторами, так и культурно-историческим контекстом, в который погружен потребитель. Таким образом, исследование демонстрирует, что даже глобальные и универсальные визуальные знаки подвержены культурной интерпретацией. Для успеха на международном рынке компаниям нужно не только разработать визуальный знак, но и понимать, как его будут воспринимать в разных странах.

Литература:

1. Что символизируют известные логотипы. — Текст: электронный // unisender.com: [сайт]. — URL: <https://www.unisender.com/ru/blog/chto-simvoliziruyut-izvestnye-logotipy/#anchor-13> (дата обращения: 24.11.2025).
2. Mercedes-Benz Logo History. — Текст: электронный // logome.ai: [сайт]. — URL: <https://www.logome.ai/blogs/mercedes-benz-logo-history> (дата обращения: 25.11.2025).
3. Белова, Л. А. Логотип: к вопросу семиотического выбора / Л. А. Белова, М. А. Ромашова. — Текст: непосредственный // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. — 2017. — № 2. — С. 130–140.
4. Елина, Е. А. Семиотика рекламы / Е. А. Елина. — М.: Дашков и К°, 2009. — 136 с. — Текст: непосредственный.
5. Кузнецов, А. Ф. Символика как средство формирования конкурентоспособных брендов. Семиотический анализ крупнейших мировых брендов / А. Ф. Кузнецов. — Текст: непосредственный // Политика, экономика и инновации. — 2016. — № 4.
6. Паллотта, В. И. Семиотический аспект в дизайне логотипов и товарных знаков / В. И. Паллотта, Т. В. Сичкарь. — Текст: непосредственный // Научный журнал «Костюмология». — 2019. — № 3.
7. Степанов, Ю. С. Семиотика / Ю. С. Степанов. — М.: Наука, 1971. — 111 с. — Текст: непосредственный.
8. Факты о 20 знаменитых логотипах за media. — Текст: электронный // adpass.ru: [сайт]. — URL: <https://adpass.ru/fakty-o-20-znamenityh-logotipah-zamedia/> (дата обращения: 24.11.2025).

Влияние знания идиом на уровень владения английским языком и межкультурную коммуникацию

Хабарова Ольга Николаевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Зимовец Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Данная статья исследует взаимосвязь между знанием английских идиом и уровнем владения английским языком, а также влиянием этого знания на эффективность межкультурной коммуникации. Рассматривается роль идиом в языковой компетенции, сложности, возникающие при их интерпретации носителями языка, и стратегии, используемые для преодоления этих сложностей. Результаты исследований подчеркивают важность обучения идиомам для достижения высокого уровня владения английским языком и успешной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: идиомы, английский язык, владение языком, межкультурная коммуникация, языковая компетенция, носители языка.

Введение

Английский язык занимает доминирующее положение в глобальной коммуникации, являясь лингва франка в бизнесе, науке, образовании и культуре. Свободное владение английским языком открывает широкие возможности для личного и профессионального роста, облегчает доступ к информации и способствует успешной межкультурной коммуникации. Однако, достижение высокого

уровня владения языком предполагает освоение не только грамматики и лексики в их прямом значении, но и понимание и использование идиом.

Идиомы — это устойчивые выражения, значение которых не выводится из суммы значений входящих в них слов. Например, «to kick the bucket» (умереть) не имеет ничего общего с буквальным значением «пнуть ведро». Непонимание идиом может привести к неправильной интерпретации речи, затруднению коммуникации и, как

следствие, негативному влиянию на межкультурное взаимодействие.

Данная статья рассматривает важность знания английских идиом для повышения уровня владения языком и улучшения межкультурной коммуникации. В статье будут рассмотрены теоретические аспекты идиоматичности, трудности, с которыми сталкиваются изучающие язык при их интерпретации, стратегии, используемые для преодоления этих трудностей, и влияние знания идиом на успешность межкультурной коммуникации.

Идиомы в контексте языковой компетенции

Владение языком (языковая компетенция) является сложным и многогранным явлением, включающим в себя не только грамматические знания и словарный запас, но и способность использовать язык адекватно в различных коммуникативных ситуациях. Гурикова (Гурикова, 2018) выделила четыре основных компонента языковой компетенции:

- Грамматическая компетенция: знание грамматических правил языка.
- Социолингвистическая компетенция: знание того, как использовать язык в соответствии с социокультурными нормами и контекстом ситуации.
- Дискурсивная компетенция: способность создавать связные и логичные тексты и речи.
- Стратегическая компетенция: способность решать коммуникативные проблемы и компенсировать пробелы в знании языка.

Идиомы играют важную роль в каждом из этих компонентов. Знание идиоматических выражений улучшает понимание дискурса, особенно в устной речи, где они часто используются. Социолингвистическая компетенция требует понимания того, как идиомы могут быть использованы для выражения определенных смыслов и отношений между говорящими. Использование идиом уместно и к месту демонстрирует высокий уровень владения языком и увеличивает эффективность коммуникации.

Сложности интерпретации идиом для неносителей языка

Изучающие английский язык сталкиваются с рядом трудностей при интерпретации и понимании идиом. Основными причинами этих трудностей являются (Фоменко, 2019):

- Непрозрачность значения: Значение идиомы не выводится из значений входящих в нее слов.
- Культурные корни: Идиомы часто связаны с культурными традициями, историческими событиями и фольклором, которые могут быть незнакомы неносителям языка.
- Формальные вариации: Некоторые идиомы допускают вариации в форме, что затрудняет их распознавание и интерпретацию.

– Ложные друзья переводчика: В некоторых случаях идиомы могут быть похожи на выражения в родном языке, но иметь другое значение.

Эти сложности приводят к непониманию, недоразумениям и затрудняют взаимодействие с носителями языка.

Стратегии обучения и понимания идиом

Для преодоления трудностей, связанных с изучением идиом, рекомендуется использовать различные стратегии. Одной из эффективных стратегий является контекстуальное обучение, когда идиомы изучаются в контексте аутентичных текстов и ситуаций. Другие полезные стратегии включают:

- Объяснение значения и происхождения идиомы: Рассказ об истории и культурном контексте идиомы помогает лучше запомнить ее значение.
- Использование визуальных средств: Картинки, видео и комиксы могут облегчить понимание и запоминание идиом.
- Практика использования идиом в речи и письме: Активное использование идиом помогает закрепить их в памяти и развить навык употребления в различных коммуникативных ситуациях.
- Специальные словари и учебники идиом: Использование специализированных ресурсов, в которых собраны наиболее распространенные идиомы и даны их объяснения.

Влияние знания идиом на межкультурную коммуникацию

Межкультурная коммуникация — это процесс общения между людьми, принадлежащими к разным культурам. Успех межкультурной коммуникации во многом зависит от знания и понимания культурных особенностей друг друга, включая языковые нормы и идиоматические выражения.

Знание идиом позволяет не только лучше понимать речь носителей языка, но и избегать потенциальных ошибок и недоразумений. Использование идиом уместно и к месту сигнализирует о высоком уровне владения языком и уважении к культуре страны, язык которой изучается. В свою очередь, это может повысить доверие и взаимопонимание между участниками коммуникации.

Однако, необходимо помнить, что использование идиом должно быть уместным и соответствовать контексту ситуации. Неуместное употребление идиом может вызвать недоумение или даже оскорбление, особенно если идиома содержит культурные отсылки или стереотипы, которые могут быть восприняты негативно.

Заключение

Знание английских идиом играет важную роль в достижении высокого уровня владения английским языком и успешной межкультурной коммуникации. Идиомы яв-

ляются неотъемлемой частью языковой компетенции, влияя на все ее компоненты. Сложности, возникающие при интерпретации идиом, могут быть преодолены с помощью различных стратегий обучения и практики. В конечном счете, овладение идиоматикой английского языка позволяет не только улучшить понимание и использо-

вание языка, но и способствует развитию межкультурного взаимопонимания и уважения. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на разработку эффективных методов обучения идиомам и оценку влияния знания идиом на различные аспекты межкультурной коммуникации.

Литература:

1. Citron F. M. M., Cacciari C., Funcke J. M., Hsu C.-T., Jacobs A. M. Idiomatic Expressions Evoke Stronger Emotional Responses in the Brain Than Literal Sentences // *Neuropsychologia*. 2019. Vol. 131. P. 233–248.
2. Идиомы. Ю. С. Гурикова. Ростов-на-Дону 2020 г.
3. Идиоматический перевод с русского на английский — С. С. Кузьмин. Москва 2004г.
4. Фоменко Л. Н. Влияние классических языков на современный английский // *Вестник ИМСИТ*. 2019. — № 2 (78). — С. 24–26
5. «Идиомы в современном английском языке 2019–2025»

Музыкальная терминология как лексико-семантическая система

Худайбергана Дилфуза Янгибоевна, студент магистратуры
Ургенчский технологический университет RANCH (Узбекистан)

В статье рассматривается музыкальная терминология как целостная лексико-семантическая система, обладающая внутренней структурой и устойчивыми семантическими связями. Анализируются особенности функционирования музыкальных терминов в системе языка, их классификация, тематическая организация и основные семантические процессы, характерные для данной области лексики. Особое внимание уделяется системности музыкальной терминологии, проявляющейся в иерархии понятий, парадигматических и синтагматических отношениях, а также во взаимодействии общезыковой и специальной лексики в музыкальном дискурсе.

Ключевые слова: музыкальная терминология, лексико-семантическая система, термин, музыкальный дискурс, семантика, классификация терминов.

Музыкальный термин представляет собой особый тип лексической единицы, функционирующей в рамках профессионального музыкального знания. В терминоведении подчеркивается, что термин — это не просто слово, а языковая форма научного или профессионального понятия. Как отмечал Г. О. Винокур, термин возникает тогда, когда «слово включается в систему понятий определённой области знания и начинает обслуживать её логические потребности» [1, с. 7]. В музыкальной сфере это означает, что термин закрепляется за строго определённым элементом музыкальной теории или практики: интервалом, ладом, жанром, формой, приёмом исполнения.

Специфика музыкальных терминов заключается в том, что они отражают не только абстрактные теоретические категории, но и чувственно воспринимаемые явления — звук, тембр, ритм, динамику. Так, термин *тембр* обозначает сложное акустическое качество звука, которое не может быть сведено к одному физическому параметру, однако в музыкальной терминологии он получает устойчивое понятийное наполнение [7, с. 42]. Это подтверждает мысль о том, что музыкальные тер-

мины находятся на стыке научного и художественного познания.

Отличие от общезыковой лексики музыкальные термины ориентированы на однозначность. Однако эта однозначность реализуется прежде всего внутри профессионального контекста.

Рассмотрение музыкальной терминологии как лексико-семантической системы предполагает выявление внутренних связей между её элементами. По мнению А. А. Реформатского, терминология любой области знания строится не как перечень слов, а как система, в которой «каждый термин определяется через своё место среди других терминов» [9, с. 121]. В музыкальной терминологии данное положение проявляется особенно наглядно.

Центральное место в системе занимают базовые, родовые понятия: *звук, ритм, лад, мелодия, гармония, форма*. От них производны более частные термины. Так, понятие *лад* включает такие видовые элементы, как *мажор, минор, дорийский лад, фригийский лад*. В свою очередь, *мажор* и *минор* могут быть уточнены через дополнительные

характеристики (*гармонический минор, мелодический минор*).

Иерархичность системы обеспечивает логическую упорядоченность музыкальной терминологии и облегчает усвоение профессионального знания. В учебных и научных текстах данная иерархия реализуется через дефиниции, классификации и терминологические ряды [8, с. 96]. Следовательно, музыкальная терминология демонстрирует чётко выраженную многоуровневую организацию, что является важным признаком лексико-семантической системы.

Внутренняя системность музыкальной терминологии проявляется через совокупность семантических отношений между терминами. Прежде всего это родовидовые связи, которые обеспечивают логическую классификацию понятий. Однако не менее значимы и другие типы отношений — синонимические, антонимические и ассоциативные.

Синонимия в музыкальной терминологии носит ограниченный характер. Как подчёркивает В. М. Лейчик, для терминосистем предпочтительна минимизация синонимии, поскольку она может нарушать точность профессиональной коммуникации [6, с. 64]. Тем не менее в музыкальной сфере встречаются случаи частичной синонимии, особенно в публицистическом дискурсе, где сочетания *скорость исполнения* и *темп* могут использоваться параллельно [4, с. 143].

Антонимия играет важную роль в формировании музыкального мышления. Противопоставления *мажор* — *минор*, *консонанс* — *диссонанс*, *такто* — *легато* формируют бинарные оппозиции, отражающие фундаментальные эстетические категории музыки [1, с. 71].

Ассоциативные связи проявляются в пределах семантических полей, например поля динамики (*пиано, меццо-форте, форте*) или темпа (*адажио, анданте, аллегро, престо*), что позволяет точно фиксировать степень проявления музыкального признака [11, с. 118].

Характерной особенностью музыкальной терминологии является высокий процент заимствованной лексики. Это объясняется историческими условиями формирования европейской музыкальной теории, где ведущую роль играла итальянская традиция [3, с. 203]. Термины *аллегро, адажио, крещендо, диминуэндо* являются интернациональными и закреплены в большинстве языков мира.

С точки зрения терминоведения заимствованные музыкальные термины отличаются высокой семантической устойчивостью. По наблюдению А. В. Суперанская, интернациональные термины сохраняют стабильность значения благодаря своей включённости в международное научное и профессиональное общение [10, с. 89].

В публицистических музыкальных текстах заимствованные термины часто сопровождаются пояснениями, что способствует их популяризации и семантическому освоению широкой аудиторией, что усиливает коммуникативный потенциал музыкальной терминологии.

Несмотря на нормативную направленность, музыкальная терминология не лишена полисемии. Так, термин

форма может обозначать как общее композиционное устройство произведения, так и конкретный тип музыкальной структуры [8, с. 101]. Подобная полисемия носит системный характер и не нарушает профессионального понимания.

Процесс детерминологизации проявляется в выходе музыкальных терминов за пределы специального употребления. Лексемы *ритм, импровизация, аранжировка* активно используются в переносных значениях в публицистике и разговорной речи [5, с. 214]. В результате термин частично утрачивает точность, но приобретает образность и экспрессивность.

Лингвисты подчёркивают, что детерминологизация является естественным следствием взаимодействия терминосистемы с общезыковой лексикой и не разрушает её целостности [6, с. 132].

В публицистическом дискурсе музыкальные термины нередко выполняют оценочную и экспрессивную функцию. Употребление терминов *кульминация, форте, финал* усиливает эмоциональное воздействие текста и одновременно сохраняет связь с профессиональным значением [4, с. 149]. По нашему мнению, музыкальная терминология проявляет функциональную гибкость, сохраняя при этом признаки целостной лексико-семантической системы.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что музыкальная терминология представляет собой целостную и структурированную лексико-семантическую систему, функционирующую в рамках профессионального музыкального знания и одновременно активно взаимодействующую с общезыковой лексикой. Музыкальные термины не являются изолированными языковыми единицами: они образуют иерархически организованную систему, в которой каждый элемент определяется через совокупность родовидовых, парадигматических и синтагматических связей.

Особое значение в формировании музыкальной терминосистемы имеют заимствования, прежде всего интернационального характера, которые отличаются высокой степенью семантической стабильности и служат средством унификации музыкального знания в межкультурном пространстве. Вместе с тем музыкальная терминология демонстрирует динамичность, что выражается в процессах полисемии и детерминологизации, особенно активно проявляющихся в публицистическом и массовом дискурсе.

Таким образом, музыкальная терминология выступает не только как инструмент профессионального описания музыкальных явлений, но и как важный компонент языковой картины мира, отражающий взаимодействие научного, художественного и коммуникативного аспектов языка. Рассмотрение музыкальной терминологии в лексико-семантическом аспекте открывает перспективы для дальнейших исследований, в том числе в сравнительно-типологическом и междисциплинарном направлениях, а также в контексте анализа современных публицистических текстов.

Литература:

1. Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс. — Л.: Музыка, 1971. — 376 с.
2. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Избранные работы по русскому языку. — М.: Учпедгиз, 1959. — С. 5–21.
3. Грубер Р. И. История музыкальной культуры. — М.: Музыка, 1981. — 432 с.
4. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. — М.: Педагогика, 1994. — 247 с.
5. Крысин Л. П. Современный русский язык: лексика и культура речи. — М.: Дрофа, 2008. — 336 с.
6. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. — М.: ЛКИ, 2007. — 256 с.
7. Медушевский В. В. Интонационная форма музыки. — М.: Композитор, 1993. — 268 с.
8. Назайкинский Е. В. Логика музыкальной композиции. — М.: Музыка, 1982. — 319 с.
9. Реформатский А. А. Введение в языкознание. — М.: Аспект Пресс, 2001. — 536 с.
10. Суперанская А. В. Общая терминология: вопросы теории. — М.: Наука, 1989. — 246 с.
11. Холопова В. Н. Теория музыки: мелодика, ритмика, фактура. — М.: Музыка, 2002. — 304 с.

Особенности терминологии ветеринарной медицины

Ювакаева Арина Радиковна, студент
Оренбургский государственный университет

Статья посвящена изучению специфики перевода терминологии ветеринарной медицины. Целью работы является выявление особенностей формирования и функционирования данной терминосистемы, а также анализ основных способов образования ветеринарных терминов (заимствование, словообразование, аббревиация, семантическая деривация, эпонимия) для разработки точных стратегий их перевода. Результаты исследования позволяют систематизировать подходы к передаче терминов с учётом их морфологической структуры, этимологии и семантики, что минимизирует ошибки при переводе специальных текстов. Практическая значимость работы заключается в возможности её применения переводчиками, ветеринарными специалистами и студентами для обеспечения точности и адекватности профессиональной коммуникации и работы с научно-технической литературой.

Ключевые слова: ветеринарная терминология, перевод терминов, словообразование, заимствование, эпонимия.

Features of veterinary medicine terminology

Yuvakaeva Arina Radikovna, student
Orenburg State University

The article is devoted to the study of the specifics of translating veterinary medicine terminology. The purpose of the work is to identify the features of the formation and functioning of this terminological system, as well as to analyze the main ways of forming veterinary terms (borrowing, word formation, abbreviation, semantic derivation, eponymy) in order to develop accurate translation strategies. The results of the study make it possible to systematize approaches to the transfer of terms, taking into account their morphological structure, etymology and semantics, which minimizes errors in the translation of special texts. The practical significance of the work lies in the possibility of its application by translators, veterinary specialists and students to ensure the accuracy and adequacy of professional communication and work with scientific and technical literature.

Keywords: veterinary terminology, translation of terms, word formation, borrowing, eponymy.

Терминология любой профессиональной сферы представляет собой динамичную систему, отражающую её концептуальные и практические особенности. Ветеринарная медицина как научная дисциплина и область практической деятельности обладает уникальной терминологической системой, формирование и функционирование которой обусловлено рядом специфических факторов. Изучение этих особенностей имеет важное значение не только для лингвистов, но и для самих ве-

теринарных специалистов, студентов, а также для специалистов смежных областей. То, что для лингвиста выступает предметом анализа, для работника сферы ветеринарии служит инструментом познания и практической деятельности.

Ветеринарная медицина является одной из самых прогрессирующих направлений словарного состава языка, что связано с быстрым темпом развития медицины и международной интеграцией в этой сфере.

Исследованию ветеринарной медицины посвящено много научных работ. По мнению С. А. Яковлевой, «ветеринарная терминология представляет собой систему стандартизированных обозначений, построенных на взаимосвязи именуемых понятий, проявляющихся в процессе коммуникативной и познавательной деятельности в данной сфере научной деятельности» [8].

Большинство терминов ветеринарной медицины имеют латинское и древнегреческое происхождение. Латинский язык выполняет роль универсальной основы для биологической и медицинской систематики. Именно на этом языке построены международные номенклатуры, классифицирующие растения и животных. Этот же язык служит единым и обязательным средством для написания врачебных рецептов, а также является общепризнанным инструментом научного сообщества для точного описания анатомии и физиологии всех живых организмов.

Ветеринарная терминология разнообразна и может быть классифицирована по различным признакам. Ю. Ю. Тимкина разработала классификацию ветеринарной терминологии для учебных целей, разделив термины на группы:

— Медицинские: abortion (прерывание беременности), diagnosis (диагноз), infection (инфекция), vaccination (вакцинация).

— Анатомические: gland (железа), intestine (кишечник), rumen (рубец).

— Биологические: female (самка), nutrition (питание), selection (селекция) [3].

Также часто встречаются собственные ветеринарные термины, сформировавшиеся исключительно в этой области, в значительной степени состоят из эпонимов. Эпонимы — это обозначения, включающие имена ученых, которые иллюстрируют эволюцию ветеринарии как дисциплины и связаны с причинами заболеваний животных, методами их диагностики и терапии (Marek's disease) [2].

Формирование терминологии ветеринарной медицины подчиняется общим закономерностям развития научного языка, однако обладает и рядом специфических особенностей. Основными способами образования ветеринарных терминов являются заимствование, словообразование (аффиксация и словосложение), аббревиация, семантическая деривация и эпонимия.

Одним из наиболее продуктивных способов пополнения ветеринарной терминологии является заимствование, прежде всего из латинского и древнегреческого языков. Так, термины arthritis (воспаление суставов), dermatitis (воспаление кожи), mastitis (воспаление молочной железы) имеют греческие корни, где суффикс -itis обозначает воспалительный процесс. Заимствованные термины, как правило, обладают высокой степенью интернациональности, что облегчает профессиональную коммуникацию между специалистами разных стран. По мнению Л. В. Щербы, интернациональные термины способствуют устранению двусмысленности и повышению точности научного высказывания [6].

Следующим способом обогащения терминологии ветеринарной медицины является способ словообразования. При таком способе несколько латинских и греческих корней складываются в одно слово и образуют термин. Например, такие слова как stupor (оцепенение), tremor (дрожание) образовались путем присоединения суффиксов и приставок. Такие термины достаточно ёмкие и понятные для анализа. Знание значений отдельных элементов терминов позволяет быстро определить значение целого термина. Например, термин gastrohgydorrhoea (гастрогидрорея) означает выделение очень водянистого желудочного сока с малой кислотностью [5].

Аббревиация как способ образования новых терминов давно входит в ветеринарную терминологию. Современные исследователи выделяют несколько типов аббревиаций, которые активно используются в терминосистеме нормальной физиологии. Наиболее распространены аббревиатуры, формируемые из первых букв слов в сокращаемом словосочетании. В первую очередь это буквенные аббревиатуры, возникающие путём соединения названий начальных букв исходных слов. Термин CPR служит классическим примером буквенной аббревиатуры в терминосистеме нормальной физиологии и реаниматологии. Он образуется путем взятия начальных букв английского словосочетания «cardiopulmonary resuscitation» (сердечно-легочная реанимация), где С — от «cardio» (сердечный), Р — от «pulmonary» (легочный), R — от «resuscitation» (реанимация). Такой способ образования позволяет компактно обозначать сложный медицинский термин, широко используемый в международной практике для описания базовых мер по восстановлению дыхания и кровообращения. Аббревиатуры и сокращения обладают множеством грамматических свойств, что обусловлено склонностью английского языка к сжатию, экономии средств выражения и упрощению синтаксических структур. При переводе на русский анализ этих особенностей помогает выбрать калькирование («MRI — МРТ») или транслитерацию, сохраняя компрессию и точность, как рекомендует А. Я. Коваленко для терминов-словосочетаний. Это особенно актуально для новых ветеринарных неологизмов, где экономия средств отражает профессиональный жаргон [4].

Семантическая деривация представляет собой процесс расширения или переноса значения слова на обозначение нового термина. В медицине этот способ активно пополняет терминологию через метафоры, метонимию или специализацию значений, делая язык более гибким и образным. Он особенно характерен для физиологии и патологии, где бытовые слова приобретают точный терминологический статус. Современное значение медицинского термина часто расходится с его первоначальной этимологией. К примеру, термин «biceps» переводится с английского на русский как «бицепс» и обозначает мышцу, входящую в мышечную систему [1].

Эпонимия — это способ появления новых терминов путем включения имени собственного в обозначение болезни, симптомов, процедуры и т. д. В медицинской терминологии эпонимы с фамилиями ученых образуют обширную группу. Имена свыше шести тысяч увековечены в данной лексике. Список эпонимов постоянно пополняется в связи с непрерывным развитием медицины. Примером может послужить Gyri Heschli (Гешля извилины). Это короткие поперечные височные извилины в глубине латеральной борозды, где локализуется корковый конец слухового анализатора. Их впервые описал австрийский анатом и патолог Рихард Гешль (1824–1881) [7]. Здесь метод эпонимии применяется для увековечивания вклада ученого в нейроанатомию, превращая его фамилию в стандартный термин, что облегчает запоминание и историческую идентификацию структуры в медицинской номенклатуре.

Анализ методов образования новых терминов позволяет переводчику точнее выбрать способ передачи их на целевой язык, учитывая морфологическую структуру, этимологию и семантику оригинала. Это особенно необходимо для ветеринарной медицины, где термины имеют греко-латинские корни и образуются через композицию, что влияет на точность перевода. Такой подход может минимизировать ошибки в переводе, так как точность передачи терминов является обязательным условием адекватного перевода специальных текстов.

Таким образом, перевод текстов, содержащих термины ветеринарной медицины требует тщательного подхода, потому что в подобных материалах даже небольшая ошибка может стать фатальной. Самая важная задача переводчика — точная передача информации без внесения собственных изменений и трактовок.

Литература:

1. Акжигитов, Г.Н., Акжигитов Р. Г. Большой англо-русский медицинский словарь — М., 2005. — 1224с.
2. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. — М., 1982.
3. Тимкина Ю. Ю. Классификация ветеринарной терминологии в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 6–1 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-veterinarnoy-terminologii-v-angliyskom-yazyke>
4. Тургунбеков Т. А., Ключникова Л. В. Анализ типов перевода английских финансовых терминов на русский язык // Культура и цивилизация. — 2024. — Т. 14, № 6А. С. 137–146. URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-culture-2024-6/a18-turgunbekov-klyuchnikova.pdf>
5. Фомина М. А., Бабаева Д. Х., Бекнзарова М. К. о словообразовании в медицинской терминологии // Кронос: психология и педагогика. — 2019. — № 1 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-slovoobrazovanii-v-meditsinskoj-terminologii>
6. Щерба Л. В. О понятии смешения языков (Стенограмма доклада, прочитанного на заседании Института языкознания 15 октября 1936 г.) // Ruthenia.Ru. URL: <https://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba8.htm>
7. Эдилова Х. И., Черепанова Е. М., Архипова И. С. Эпонимы в анатомической терминологии // Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения URL: http://elib.usma.ru/bitstream/usma/3635/1/USMU_Sbornik_statei_2020_3_256.pdf
8. Яковлева, С.А. Сокращения как лингвистическая особенность ветеринарных терминов (на материале английского языка) // Magister Dixit. — 2011. — С. 36–40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sokrascheniya-kak-lingvisticheskaya-osobennost-veterinarnyh-terminov-na-materiale-angliyskogo-yazyka>

Корпусный анализ медицинских терминов в разговорной речи (на материале устного корпуса Национального корпуса русского языка)

Янгибоева Гузаль Дилшодовна, студент магистратуры
Ургенчский технологический университет RANCH (Узбекистан)

В статье рассматриваются особенности функционирования медицинских терминов в современной разговорной речи на материале устного корпуса Национального корпуса русского языка. Установлено, что медицинские термины, переходя в сферу повседневного общения, подвергаются процессам детерминологизации, семантического упрощения и экспрессивной переоценки.

Ключевые слова: медицинская терминология, разговорная речь, устный корпус, Национальный корпус русского языка, детерминологизация, корпусный анализ.

Современные исследования разговорной речи показывают, что специализированная лексика всё активнее выходит за пределы профессиональных дискурсов и за-

крепляется в повседневной устной коммуникации. Особенно заметен этот процесс в сфере медицинской терминологии, которая благодаря медиатизации науки,

цифровым источникам информации и росту медицинской грамотности населения становится частью обыденного языкового сознания [8, с. 12].

Корпусная лингвистика предоставляет надёжный инструментарий для анализа реального употребления языковых единиц, позволяя перейти от интуитивных наблюдений к эмпирически подтверждённым выводам. В этой связи Национальный корпус русского языка рассматривается как ключевая база для исследования динамики разговорной речи, включая функционирование терминологической лексики в устном общении [5, с. 5].

Устный корпус НКРЯ включает тексты спонтанной разговорной речи, интервью, бытовые диалоги и полупубличные жанры, что делает его репрезентативным источником для изучения функционирования медицинских терминов вне профессионального дискурса. Современный этап развития корпуса характеризуется расширением параметров поиска и уточнением жанровой разметки, что существенно повышает аналитический потенциал корпусных данных [1, с. 18].

При отборе материала важно учитывать разграничение терминологического и нетерминологического употребления лексических единиц. Как отмечают современные терминоведы, в условиях разговорной речи многие медицинские термины функционируют в консубстанциональной зоне, сочетая признаки научной и общезыковой лексики [7, с. 41].

Наиболее частотной в разговорной речи является группа терминов, связанных с повседневным телесным опытом человека. Лексемы *давление*, *температура*, *аллергия*, *воспаление* регулярно используются в бытовых диалогах для обозначения текущего состояния здоровья и служат средством объяснения или оправдания поведения говорящего. Подобная прагматическая функция медицинской лексики подчёркивается в исследованиях разговорного дискурса, где здоровье рассматривается как социально значимый аргумент [3, с. 67].

Вторую значимую группу образуют термины, связанные с диагностикой и медицинскими процедурами (*анализы*, *обследование*, *диагноз*). Их употребление в разговорной речи выполняет функцию легитимации высказывания и демонстрации осведомлённости говорящего, даже при отсутствии точного понимания медицинской сущности обозначаемых процессов [6, с. 29].

Одним из ключевых процессов, выявленных при корпусном анализе, является детерминологизация медицинских терминов. Под детерминологизацией понимается частичная или полная утрата термином строго специализированного значения при сохранении его внешней формы. В разговорной речи этот процесс сопровождается семантическим расширением, оценочной переинтерпретацией и метафоризацией [2, с. 53]. Так, термин *диагноз* в бытовом общении часто используется в переносном значении и обозначает негативную оценку ситуации или поведения человека. Аналогичным образом термины *симптом*, *психоз*, *депрессия* выходят за рамки клинического

употребления и приобретают экспрессивный характер, что связано с эмоциональной природой разговорной речи.

Пандемия COVID-19 стала мощным катализатором проникновения медицинской терминологии в разговорную речь. Такие лексемы, как *ковид*, *ПЦР*, *антитела*, *сатурация*, за короткий период перешли из профессионального медицинского дискурса в сферу повседневного общения. Лингвисты отмечают, что пандемийная лексика отличается высокой частотностью и устойчивостью в разговорных контекстах, а также активной словообразовательной продуктивностью [4, с. 9].

В разговорной коммуникации медицинские термины выполняют не только номинативную, но и прагматическую функцию. Они используются для выражения заботы, контроля поведения, аргументации и самопрезентации. Как показывают исследования медицинского дискурса в онлайн- и офлайн-среде, терминология становится инструментом конструирования социальной роли «информированного пациента» [6, с. 14].

Проведённый корпусный анализ медицинских терминов в разговорной речи на материале устного корпуса Национального корпуса русского языка позволил выявить устойчивые закономерности функционирования специализированной лексики в условиях повседневной устной коммуникации. Полученные результаты подтверждают, что медицинская терминология в современной языковой практике активно выходит за пределы профессионального медицинского дискурса и становится важным элементом обыденного речевого взаимодействия.

Установлено, что наибольшей частотностью в разговорной речи обладают медицинские термины, связанные с повседневным телесным опытом, самонаблюдением и распространёнными заболеваниями (*давление*, *температура*, *аллергия*, *воспаление*). Их употребление обусловлено высокой коммуникативной значимостью и прагматической востребованностью, поскольку такие единицы выполняют функцию объяснения, оправдания или легитимации поведения говорящего в бытовых ситуациях [3, с. 69].

Корпусные данные показывают, что значительная часть медицинских терминов в разговорной речи функционирует в режиме детерминологизации. Термины утрачивают строгость научного значения, подвергаются семантическому расширению и нередко используются в оценочном или метафорическом смысле. Особенно показательны примеры переносного употребления лексем *диагноз*, *симптом*, *депрессия*, которые в бытовом общении обозначают не медицинское состояние, а обобщённую характеристику ситуации или поведения человека [2, с. 55].

Важным результатом исследования является выявление прагматических функций медицинской терминологии в диалогической речи. Медицинские термины выступают инструментом аргументации, демонстрации осведомлённости, выражения заботы и контроля, а также средством снижения тревожности за счёт рационализации переживаний. По нашему мнению, терминология

в разговорной речи выполняет не только номинативную, но и социально-регулятивную функцию, что соответствует современным представлениям о многофункциональности лексических единиц [6, с. 31].

Отдельного внимания заслуживает влияние экстралингвистических факторов, прежде всего медиатизации медицины и пандемии COVID-19, которые существенно ускорили процесс проникновения узкоспециальных медицинских единиц в разговорную речь. Пандемийная лексика (*ковид*, *ПЦР*, *антитела*, *сатурация*) продемонстрировала высокую степень адаптации к разговорным моделям и устойчивость в бытовом общении, что под-

тверждает динамичность современного языкового процесса [8, с. 14].

В целом результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что медицинская терминология в разговорной речи представляет собой динамическую и функционально нагруженную подсистему современного русского языка. Корпусный подход показал свою эффективность как метод выявления реальных коммуникативных практик и может быть продуктивно использован в дальнейших исследованиях разговорной речи, медицинского дискурса и процессов взаимодействия терминологической и общеязыковой лексики.

Литература:

1. Архангельский Т. А. Корпусная лингвистика: методы и инструменты анализа устной речи. — М.: Языки славянской культуры, 2025. — 312 с.
2. Киселёва Л. А. Детерминологизация медицинских терминов в современном русском языке // Вопросы языкознания, 2024. — № 2. — С. 48–60.
3. Комалова Л. Р. Коммуникативный репертуар потенциального пациента и врача в интернет-дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2024. — № 3. — С. 82–94.
4. Русский язык коронавирусной эпохи (COVID-19): коллективная монография / под ред. М. А. Кронгауза. — М.: Изд-во РГГУ, 2020. — 256 с.
5. Савчук С. О. Национальный корпус русского языка как инструмент исследования разговорной речи // Русский язык в научном освещении, 2024. — № 1. — С. 3–15.
6. Торубарова И. И. Репрезентация медицинского контента в сетевом и разговорном дискурсе // Филологические науки. — 2024. — № 1. — С. 25–34.
7. Шанлун Х. Консубстанциональные термины и их функционирование в корпусах текстов // Терминоведение, 2024. — № 4. — С. 38–45.
8. Шмелёва Е. Язык пандемии: медицинская лексика в общественном и разговорном употреблении. — М.: Индрик, 2021. — 144 с.

НАУЧНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Положение хоккейного клуба «Лада» и его перспективы на текущий сезон 2025–2026 гг.

Кулаков Артём Алексеевич, студент

Научный руководитель: Осинин Андрей Иванович, преподаватель
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Статья посвящена анализу провального для ХК «Лада» из Тольятти старта сезона 2025/2026 в КХЛ. Несмотря на громкие заявления руководства о новой странице в истории клуба, увеличение бюджета благодаря спонсору «Полипласт» и масштабную трансферную кампанию с рекордным числом новичков, команда занимает лишь 10-е место из 11 в Западной конференции после 34 матчей, набрав 23 очка и отставая на 14 очков от зоны плей-офф. В статье подробно разбираются ключевые причины катастрофического положения. Главной из них названа провальная кадровая политика: несмотря на большое количество приобретений, многие легионеры (Дюфур, Лоуренс) не оправдали ожиданий, а команде критически не хватает опытных лидеров. Назначение Бориса Миронова на пост главного тренера также не принесло положительных изменений — команда демонстрирует нестабильную игру без четкой тактической схемы. Основной вывод статьи неутешителен: при текущем раскладе и отсутствии качественных точечных усиления в трансферное окно шансы «Лады» на выход в плей-офф сезона 2025/2026 близки к нулю. Команде, скорее всего, предстоит завершить регулярный чемпионат в нижней части таблицы, а руководству — провести серьезную работу над ошибками в планировании состава на будущее.

Ключевые слова: Лада Тольятти, континентальная хоккейная лига, регулярный чемпионат, первая часть сезона, сезон 2025–2026, трансферная политика, выход в плей-офф, перспективы, результаты.

В первой половине сезона регулярного чемпионата Фонбет континентальной хоккейной лиге тольяттинский клуб занимает неутешительное 10 место на западе. В этой статье рассмотрим первую половину сезона её результаты и попытаемся предположить, что будет с ладой по окончании регулярки и смогут ли они выйти в плей-офф, ведь в последний раз лада пробилась в плей-офф сразу же после длительной паузы в ВХЛ и в сезоне 2023–2024 тольяттинский клуб проиграл в первом раунде Омскому Авангарду.

Ожидания перед сезоном

Спортивный директор «Лады» Сергей Гомоляко в интервью allhockey.ru поделился ожиданиями от следующего сезона, рассказал, как будет комплектоваться команда

Какой стратегии вы будете придерживаться при комплектовании состава «Лады»?

— Стратегия у нас одна — мы будем привлекать молодых и местных игроков. Также нужны и ветераны для того, чтобы получился сплав молодости и опыта. Посмотрим, из кого будем комплектовать команду. Неограниченно свободных агентов мало на рынке. Будем смотреть.

Конечно, мы будем в каждой игре бороться за победу. У нас не будет равнодушных.

— Какие позиции собираетесь укрепить в первую очередь?

— Как обычно, нужны игроки на все позиции. У нас есть молодые ребята, которые, дай бог, будут прогрессировать. Но нам нужны игроки в первое и второе звено.

С приходом нового спонсора в виде «Полипласта» финансирование клуба увеличилось на один миллиард за сезон. Каким будет зарплатный бюджет в следующем году? Вырастет ли он?

— С этим вопросом лучше обратиться к Александру Валерьевичу.

— Снова пошли слухи о задержках по зарплатам. Есть понимание, когда погасят долги?

— Это «утка». Александр Валерьевич и Александр Зинурович уже на пресс-конференции сказали, что долги перед игроками и работниками клуба начнут выплачиваться с 1 июня. Со всеми рассчитаются.

— В какой хоккей будет играть «Лада»?

— Надеюсь, «Лада» будет показывать быстрый хоккей с быстрым переходом от обороны к атаке. Хотелось бы, чтобы команда много владела шайбой. Думаю, тренерский

штаб определит, во что будет играть «Лада». Надеюсь, что это будет современный хоккей.

— Клуб подписал контракт с «Полипластом». Вам дали гарантию, что не повторится ситуаций из прошлого сезона с задержками зарплат и полетов регулярными рейсами?

— Гарантию дали. Но по финансам, как я уже говорил, лучше спрашивать Александра Валерьевича.

— И в заключение: болельщики «Лады» могут рассчитывать на прогресс команды в следующем сезоне?

— Конечно же, мы хотим, чтобы команда прогрессировала. Мы — максималисты, нам необходимо всегда выигрывать. Будем делать все для того, чтобы игра улучшилась, и болельщики радовались победам вместе с нами. Всех приглашаю на матчи «Лады». Надеюсь, что игра команды не огорчит ни нас, ни болельщиков. Действительно, контракт с таким большим спонсором вселял оптимизм, что у команды наконец-то будет стабильное финансирование и появятся качественные игроки под решение задач. Также посмотрим, что сказал губернатор Самарской области Вячеслав Федорищев перед началом регулярного чемпионата. По его словам, команда входит в предстоящий сезон сильно обновлённой, с новым руководством и тренерским штабом.

Некоторые ожидания

Возвращение былых мощи, силы и успеха. Для этого создаются необходимые условия, сформирован бюджет, который позволит бороться за высокие позиции. Открытие новой страницы в истории клуба. Все эти заявления вселяли оптимизм, но давайте рассмотрим трансферную политику клуба и попытаемся сравнить, это всё-таки усиление или просто набор перспективной молодёжи, и качественных, но уже стареющих ветеранов.

Селекция

«Лада» — безоговорочный лидер этого лета по количеству приглашённых новичков, и конкурентов в этом у неё нет вообще: у идущего на втором месте «Авангарда» в графе «Пришли» числится на десяток фамилий меньше. Конечно, далеко не все новобранцы получают место в основе, но масштаб приобретений всё равно впечатляет.

— Ушли: вратарь Волков Константин Л., защитники Баранцев Денис, Демидов Николай, Ибрагимов Марсель (Авангард, обмен), Севостьянов Александр, Шараканов Магомед (Динамо Мск, из аренды), нападающие Бикмуллин Рафаэль (Сочи), Владимиров Николай, Волков Александр С. (Локомотив, из аренды), Иванюженков Артём, Камара Энтони, Колтыгин Павел, Моисеев Данила (ЦСКА), Неколенко Архип (Сибирь), Попугаев Никита А., Фисенко Михаил (Ак Барс), Черников Егор (Автомобилист)

— Пришли: вратари Бочаров Иван (Торпедо), Попов Денис (АКМ, ВХЛ), защитники Белоусов Максим (Локомотив), Земчёнок Артём (СКА, обмен), Зимин Никита М. (Молот, ВХЛ), Карпов Артём (Локомотив), Коттон Алекс (Нитра, Словакия), Попов Олег (Норильск, ВХЛ), Рыков

Егор (Витязь), Сафонов Игорь (Южный Урал, ВХЛ), нападающие Аноп Даниил (АКМ, ВХЛ), Башкиров Данил (Авангард, обмен), Дюфур Уильям (Колорадо, НХЛ), Дяденькин Данила (Норильск, ВХЛ, обмен), Лоуренс Джошуа (Пеликанс, Финляндия), Обидин Андрей (Автомобилист), Основин Вячеслав (Адмирал), Петров Глеб (АКМ, ВХЛ), Поляков Николай П. (СКА, обмен), Рейнгардт Илья (Авангард, обмен), Савчик Иван (Витязь), Савчук Райли (КooKoo, Финляндия), Хохлачёв Александр (Сочи), Хохлачёв Тимофей (AIC, NCAA), Чивилёв Андрей (СКА)

Топ-3 подписания

Для нападающего Уильяма Дюфура сезон 2021/2022 выдался звёздным. Он, забросив 56 шайб и набрав 116 очков в QMJHL, стал лучшим снайпером и вторым бомбардиром регулярки (у первого было на три очка больше), был признан самым ценным игроком сначала QMJHL, а затем и розыгрыша Мемориального кубка, в котором тоже стал лучшим бомбардиром, и который вместе с командой завоевал. И выиграл молодёжный чемпионат мира (в той же сборной был и Коннор Бедар, например). Но при переходе на взрослый уровень результативность Дюфура стала год за годом снижаться, и переезд в Европу видится логичной попыткой перезагрузиться.

Его соотечественник Джош Лоуренс в Северной Америке на взрослом уровне вообще не играл — сразу же после выпуска из QMJHL переехал в Швейцарию, а затем в Финляндию. И всё же интересен именно выпускной сезон в молодёжной лиге Квебека, поскольку тогда Лоуренс играл вместе с Дюфуром, и львиную долю шайб Уильям забросил как раз с его передач (всего он отдал 70 и разделил первое место в списке лучших ассистентов чемпионата). Так что приглашение этих двух форвардов — ничто иное, как возрождение весьма успешной связки.

Андрей Чивилёв немного старше Дюфура и Лоуренса, но его «карьерный сезон» был годом позже, чем у них, когда он блеснул в «Нефтехимике» (13+18 в 68 матчах). На Андрея обратили внимание в СКА, переход в который, возможно, был ошибочным. Прошлый сезон он провёл на правах аренды в «Витязе», где приблизился к своему уровню «Нефтехимика»-2023, получил место в спецбригадах и большинства, и меньшинства. И вполне способен прогрессировать дальше.

Тренер

Павел Зубов, сменивший по ходу прошлого чемпионата Браташа, остался в штабе, а новым главным тренером стал Борис Миронов. В сезонах 2021/2022 и 2022/2023 он дважды руководил «Спартакoм», в общей сложности провёл 82 матча и выиграл 38 из них. В том числе пять встреч в плей-офф (одна победа). Также он возглавлял в МХЛ «Красную армию», а в ВХЛ «Звезду», и трудился ассистентом в «Нефтехимике» и «Тракторе». Могу сказать, что никакого топового усиления не пришло, кроме блестя-

щего вратаря Ивана Бочарова, остальные игроки либо получали мало времени в своём прошлом клубе как Антон Земчёнок из СКА, либо это перспективная молодежь из ВХЛ и АХЛ, вы можете сказать, что как это Лада может себе позволить например Ливо, но в данной трансферной политике вместо большого числа перспективной молодёжи за которую ещё и платили, я думаю что можно было собрать одно качественное звено по меркам КХЛ, а по меркам Лады так и вовсе очень хороших игроков. Межсезонье было для «Лады» многообещающим — после появления нового спонсора, компании «Полипласт», были надежды, что состав команды станет существенно сильнее. На бумаге отчасти это подтвердилось — состав «Лады» пополнили Земченков, Чивилев, Поляков, Обидин, Основин, Хохлачев, Башкиров, а особенно громким получился трансфер Мака Холлоуэлла из «Локомотива». Не пригласивший Бобу Хартли защитник с зарплатой 60 миллионов рублей в год стал самым дорогим игроком тольяттинцев за долгие годы. Вот только и вопросов к решениям менеджмента «Лады» в межсезонье было немало. В первую очередь по подписаниям легионеров — защитники Коттон, нападающие Дюфур, Лоуренс и Савчук никогда не играли в КХЛ, и в итоге только последний проявляет себя неплохо. Да и назначение главным тренером Бориса Миронова изначально казалось странным решением. Да, в «Тракторе» он был важной частью тренерского штаба Бенуа Гру, в первый же сезон в КХЛ дошедшего до финала, но опыт самостоятельной работы в «Спартаке» для Миронова удачным назвать сложно.

Старт сезона регулярки и текущее положение команды

«Лада» «посыпалась» с самого начала — после победы в стартовом матче над «Автомобилистом» последовали чувствительные поражения. Возможно, руководство и дало бы ещё время Миронову, но игра команды осталась на прежнем уровне. И тут возникает главный вопрос: а мог ли что-то оперативно изменить Десятков? Покинули команду защитник Рыков, нападающие Основин, Хохлачев, подписали в оборону Антипина, но игра «Лады» осталась на прежнем уровне. Даже в матче с «Сочи», никак не превосходящим тольяттинцев по подбору игроков: получилось зацепить лишь одно очко.

В выездной игре с ЦСКА «Лада» начала неплохо, повела 2:0, но хватило тольяттинцев меньше чем на половину игры. Следующими жертвами должны стать канад-

ские нападающие Дюфур и Лоуренс, но как минимум половина команды играет на очень низком уровне — всех-то не разгонишь. По информации «СЭ», лишиться работы может спортивный директор клуба Сергей Гомоляко — уже сейчас понятно, что трансферная кампания была провалена. Очевидно не хватает игроков с лидерскими качествами — такими, например, как у перебравшегося в Казань Фисенко. А расторгнутый в августе Юртайкин раскрылся в «Нефтехимике» и входит в топ-10 лучших бомбардиров регулярки. Ставить крест на этом сезоне рано, но пока не видно, за счет чего в Тольятти могут исправить ситуацию. После девяти подряд поражений Лада с новым тренером нащупала темп набора очков и набрала 5 очков в трех матчах, но после этого команда еще один раз набрала за 4 игры солидные 7 очков, но это был последний яркий всплеск команды в первой половине регулярного чемпионата на котором команда занимает 10 из 11 место в западной конференции, набрав 23 очка в 34 играх, отставая от ближайшего преследователя на 13 очков, а от места, дающего попадание в плей-офф, на 14 очков, имея при этом ещё больше матчей.

Ожидания от второй половины регулярного чемпионата

Можно сказать, что это закономерный результат трансферной политики клуба, которая не была подкреплена какой-то стратегией, я уверен, что по большинству игроков тренера даже не спрашивали, а просто дали со словами «лепи что хочешь». Не хочется заранее хоронить команду, но ожидать стабильной игры от такого состава попросту невозможно, да ещё до 25 января есть время потасовать кадры, но думаю подписания Лады будут минимальны, вследствие экономии средств. Лично у меня ожидания, что тольяттинская команда закончит сезон на этой же 10 строчке, да, может выдать пару хороших отрезков, но на дистанции как я ранее говорил, просто не получится соперничать. Можно подумать, что я критикую команду, но такая великая команда не должна идти на таком низком месте и как минимум должна бороться за выход в плей-офф. Ещё можно подумать, что у Лады не так много средств, но, чтобы вы понимали, у тольяттинского клуба зарплатный фонд 600 млн рублей, а зарплатный фонд тоже скромной по ресурсам Северстали составляет всего 400 млн, но они идут первые в той же самой западной конференции, где играет и Лада.

Литература:

1. Sport24.ru — новости спорта, трансляции, аналитика, интервью, фото и видео, статистика. <https://sport24.ru>
2. «Ведомости» — ведущее деловое издание России <https://vedomosti.ru>
3. AllHockey.ru — последние новости хоккея, результаты КХЛ и НХЛ, статистика и аналитика доступа: <https://allhockey.ru>
4. Дзен — платформа для создания и чтения блогов <https://dzen.ru>
5. Официальный сайт Хоккейного клуба «Лада» (г. Тольятти). <https://hclada.ru>
6. Официальный сайт Континентальной хоккейной лиги (КХЛ). <https://khl.ru>

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 52 (603) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 07.01.2026. Дата выхода в свет: 14.01.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.